

1. Фразеология

Понятие *фразеология* восходит к греческому *ΦΡΑΣΕΩ*- 'говорю, сообщаю' и впервые встречается в словаре М. Neandera *Phraseologia isocratis grecolatina* (1558). В том понимании, в котором оно употребляется в наше время, это понятие распространилось в XVIII веке (Čermák 1982: 232).

Понятие *фразеология* имеет несколько основных значений: 1) **наука, которая занимается изучением фразеологизмов**. По определению Н. М. Шанского, фразеология - это «раздел науки о языке, изучающий фразеологическую систему языка в её современном состоянии и историческом развитии» (Шанский 1985: 4). Схожую дефиницию фразеологии дают Н. Д. Фомина и М. А. Бакина, которые пишут, что фразеология - это «раздел языкознания, который изучает фразеологизмы, то есть семантически целостные устойчивые сочетания слов, воспроизводимые в речи, как и слова, в готовом виде» (Фомина, Бакина 1985: 3).

2) **состав фразеологизмов данного языка** «фразеологией называют также совокупность, то есть сумму фразеологизмов, свойственных тому или иному языку» (Там же).

Кроме этих двух значений, можно встретиться ещё с тремя значениями термина *фразеология*: 1) манера выражения определённого лица;

2) пустое, ничего не значащее выражение; 3) состав словосочетаний терминологического характера, употребляемый в определенной области знаний.

Основателем фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины считается швейцарский учёный Шарль Балли, который впервые выделяет фразеологию как самостоятельную дисциплину в своей работе „*Traite de stylistique francaise*“ (1909). В связи с выделением фразеологии необходимо заметить, что до сих пор не все лингвисты признают её самостоятельной лингвистической дисциплиной. Словацкий фразеолог Й. Млацек, как и его болгарский коллега, Бояджиев, считают её только относительно самостоятельной частью лексикологии. Русский фразеолог А. В. Кунин, наоборот, не только выделяет фразеологию как самостоятельную дисциплину, но и утверждает, что необходимо выделять также самостоятельный пятый уровень языка - фразеологический (против чего, напротив, выступают немецкий фразеолог В. Флайшер и чешский фразеолог Ф. Чермак).

Возникновение фразеологии как лингвистической дисциплины в русской науке относится к 40-м годам XX столетия и связано с именем академика В. В. Виноградова. В странах Центральной и Западной Европы фразеологии начали уделять внимание позднее. В словацкой лингвистике, она, например, активно развивается с 50-х годов прошлого века, в чешской лингвистике первые работы по фразеологии относятся примерно к 60-ым годам того же века.

Сначала фразеологические и паремиологические единицы изучались как одна группа устойчивых единиц, но затем долгое время фразеологическими оборотами считали только устойчивые словосочетания, не являющиеся предложениями, которые выступают эквивалентами слов - так называемые **собственные фразеологизмы**, например: *как в аптеке* = точно; *держат язык за зубами* = молчать; *в час по чайной ложке* = медленно. Позднее в состав фразеологии стали включать и устойчивые сочетания слов, являющиеся предложениями - в том числе поговорки, пословицы - **фразеологизмы в широком понимании** (переломом в подходе к границам фразеологии стала Самаркандская конференция -1971 год). Например: *Молоко на губах не обосхло; ещё баймаков не износила; не было ни гроша, да вдруг алтын; лучше синица в руках, чем журавль в небе.*

Наконец, от фразеологии отделяется ещё одна дисциплина - **паремиология**. Это, по определению Й. Млацека «*súhrn všetkých malých folklórnych útvarov, ako aj časť folkloristiky, ktorá tieto útvary skúma*» (Mlacek 1984: 125). Фонд паремиологии представляют, по определению Г. Мироновой, на 75 % пословицы и поговорки, остальная часть загадки, приметы, поверья, заговоры, обращения, пожелания, головоломки, скороговорки, прибаутки и каламбуры (Миронова 2003: 67). Её коллега, М. Котова, однако, сужает интересы паремиологов на пословицы и поговорки (Котова 2003: 36). В речи паремии выполняют, по мнению М. Котовой, 4 основные функции: информативную, аргументативную, экспрессивно-эстетическую и оценочно-характеризующую (Там же: 72).

Первые сборники пословиц и поговорок появились уже в библейские времена (речь идёт о библейской книге притчей царя Соломона), потом о сборнике Э. Роттердамского «*Adagiorum Collectanea*». Это значит, они появились намного раньше, чем сборники фразеологизмов. Первый многоязычный сборник пословиц -

сборник Ф. Челаковского „*Mudrosloví národu slovanského v příslovích*“ (вторая половина XIX века).

Границы паремиологии и фразеологии, однако, не резки. Некоторые современные фразеологи (например, Й. Млацек, С. Георгиев, Ф. Белозерова, Т. Яценко, В. Архангельский, который первым выделил шестой - паремиологический уровень языка) часто вместе с фразеологизмами описывают и поговорки и пословицы. В российской лексикографической практике XIX века паремии описывались вместе с фразеологизмами. Двухтомный словарь В. И. Даля “*Пословицы русского народа*“ (1862) включает и прибаутки, пословичные изречения (Котова 2003:36). Появляются и проблемы терминологического разграничения, касающиеся терминов *поговорка - пословица - фразеологизм*. Так, В. И. Даль употребляет термин *поговорка* в значении, тождественном значению термина *фразеологизм*, его примеру следует В. М. Мокиенко.

Основными задачами фразеологии Н. М. Шанский считает: 1) определение сущности фразеологизма как особой единицы языка; 2) выявление закономерностей образования фразеологизмов и их функционирования в речи. При этом фразеологический состав языка рассматривается как в современном состоянии, так и в его историческом развитии (Шанский 1985: 8).

Что касается исторического развития фразеологизмов, Шанский ставит перед фразеологией следующие задачи: 1) определение исконно русского и заимствованного происхождения;

2) установление времени возникновения фразеологизма в русском языке как определённой единицы с данным значением, составом и структурой;

3) реконструкция его исходной формы и значения;

4) уточнение образа, положенного в основу фразеологизма.

Однако, как справедливо замечает В. Флайшер, «историческое изучение фразеологии только начинается» (Fleischer 1982: 31). Это мнение разделяет также В. М. Мокиенко: «историческая фразеология - одна из самых неразработанных областей фразеологии» (Мокиенко 2005: 5).

1.1. Основные признаки фразеологизма

Первые попытки определить, что такое фразеологизм, предпринимаются в XIX веке, однако, как замечает немецкий фразеолог В. Флайшер, во фразеологической терминологии до сих пор можно наблюдать неоднозначность (Флайшер 1982: 4). Петербургский фразеолог А. И. Молотков пишет, что «перечни фразеологизмов русского языка, представленные разными учёными, настолько отличаются друг от друга, что с полным основанием можно говорить, во-первых, о различных, часто прямо противоположных, даже исключающих друг друга взглядах на фразеологизм, т.е., по сути говоря, на качественное своеобразие его, на определение его категориальных или дифференциальных признаков, во-вторых, о различных взглядах на состав таких единиц в языке; наконец, о нечёткости выделения и разграничения основных понятий, относящихся к этой области знаний» (Молотков 1977: 10). Встречаются отличия, как в определении фразеологизма, так и в выделении его признаков, что часто приводит к неоднозначному пониманию того, что входит в предмет исследования фразеологии и что должно остаться за её пределами. На такие отличия в понимании и, следовательно, в определении границ фразеологии, обращает внимание В. М. Мокиенко в начале своей книги «*В глубь поговорки*», где он приводит три самых частых подхода:

- 1) фразеологизмы - это сочетания слов, которые имеют обобщенно-переносное значение, неразложимое на части.
- 2) это все словосочетания, воспроизводимые в готовом виде, то есть и словосочетания типа: *добрый вечер, добрый день, добро пожаловать* и т.п.
- 3) фразеологизмы - это все сочетания слов, которые в процессе коммуникации не создаются, а извлекаются из памяти целиком (Мокиенко 2005: 3).

Подобный разноречивой отмечает и Гана Српова в своей статье «*Frazeologie a idiomatika v žurnalistickém diskursu*» (Srprová 2003: 135), которая решает эту проблему тем, что приводит определение из энциклопедического словаря чешского языка: «*kombinace minimálně dvou prvků, z nichž některý (popřípadě žádný) nefunguje stejným způsobem v žádné jiné kombinaci, resp. vyskytuje se v takové funkci pouze ve*

výrazu jediném, popřípadě pouze v několika málo» (Цит. по Srpová 2003: 136). Это определение несколько расширено в книге Ф. Чермака “*Idiomatika a frazeologie češtiny*“: «frazеологизм je ustálené a reprodukovatelné spojení slov, popřípadě jiných jednotek, jehož význam je zpravidla (zčásti nebo zcela) neodvoditelný z významu jeho složek a které je svou povahou víceméně jedinečné v tom smyslu, že některá z jeho složek (popř. žádná) stejným způsobem v jiném spojení nefunguje, popřípadě se vyskytuje pouze ve výrazu jediném» (Čermák 1982: 17).

В качестве основных признаков фразеологизма Ф. Чермак приводит:

1) воспроизводимость, устойчивость, целостность, известность; 2) раздельнооформленность, идиоматичное значение компонента; 3) неизменяемость компонента, парадигматическую связанность; 4) идиоматичность, эквивалентность слову, образность, экспрессивность (однако, в одной из позднее написанных работ Ф. Чермак признаёт, что современная фразеология от теории эквивалентности фразеологизма слову уже отказалась).

Согласно определению Н. М. Шанского, который основной задачей определения понятия *фразеологизм* считал его чёткое ограничение от слов, с одной стороны, и, с другой стороны, от свободных словосочетаний:

«Фразеологический оборот - это воспроизводимая в готовом виде языковая единица, состоящая из двух или более ударных компонентов, фиксированная по своему значению, составу и структуре» (Шанский 1985: 12).

Фразеологический оборот всегда состоит из одних и тех же компонентов, тесно связанных между собой как часть целого и располагающихся друг за другом в строго установленном порядке. Они представляют собой такие языковые единицы, которые, при определенной смежности их со словами и свободными сочетаниями слов, имеют определенный, только для них характерный набор дифференциальных признаков:

- 1) это готовые языковые единицы, которые не создаются в процессе общения, а извлекаются из памяти целиком;
- 2) это языковые единицы, для которых характерно постоянство в значении, составе и структуре (аналогично отдельным словам);

3) членимые образования, компоненты которых осознаются говорящими как слова (Там же).

Итак, в качестве самых важных свойств фразеологизма можно привести его относительную **устойчивость** и **воспроизводимость**, о которых упоминает уже Н. М. Шанский, **раздельнооформленность** которая определяется как способность состоять как минимум из двух слов **целостность номинации** (по словам Н. Алефиренко «на самом же деле сама фразема нуждается в том, чтобы в речи её стремились воспринимать как целостное языковое образование» (Алефиренко 2008: 70)). Чаще всего границы фразеологии определяются понятием *минимальная фразеологическая единица*, которую составляет автосемантическое слово в комбинации с синсемантическим, чаще всего с предлогом (иногда, однако, представляется возможным говорить также о так называемом *лексическом фразеологизме* - смотри ниже).

К приведённым признакам часто прибавляется ещё идиоматичность, которую раньше определяли как непереводаемость фразеологизма на другие языки. После обнаружения существования параллелей между фразеологизмами разных языков идиоматичность стали понимать как дословную непереводаемость. Некоторые учёные приводят также образность, хотя она свойственна не всем фразеологизмам. **Экспрессивность**, которую многие фразеологи считают одним из важнейших признаков фразеологизма, цитированный Н. М. Шанский не приводит, так как «она характерна также отдельным словам» (Шанский 1985: 12). С экспрессивностью как одним из признаков фразеологизма мы не встретимся также ни в определении В. Н. Телии: «фразеологический оборот - это выражение, имеющее строение словосочетания или предложения и воспроизводимое в готовом виде» (Телия 1979:10), ни в определении Н. Д. Фоминой и М. А. Бакиной: «семантически целостные устойчивые сочетания слов, воспроизводимые в речи как слова, в готовом виде» (Фомина, Бакина 1985: 3). Такой подход приводит к значительному расширению границ фразеологии. Например, А. П. Мордвинко в своей книге «*Очерки по русской фразеологии*» наряду с такими единицами, как *дать задний ход* или *кисейная барышня*, в качестве фразеологизмов исследует и такие выражения, как *оказать услугу* или *отдать распоряжение*. В отличие от Н.М. Шанского,

словацкий фразеолог М. Сотак, который также уделяет внимание отличию фразеологизма и слова, приводит экспрессивность в качестве одного из признаков, который помогает разграничить фразеологизм и слово. Характерно, что из остальных отличий, отмеченных автором, три связаны с экспрессивностью. Речь идёт о: 1) большей силе выражения как такового; 2) оценке; 3) образности (по мнению проф. В. М. Мокиенко, именно напряжение между прямым и переносным значением фразеологизма создаёт экспрессивность); 4) ориентации на жизненные ситуации, важные для человека; 5) устойчивости (Сотак 1989: 15).

Важность экспрессивности как признака фразеологизма отмечает и словацкий фразеолог Й. Млацек, который в своей работе “*Slovenská frazeológia*“ показывает отличия фразеологизма и нефразеологического словосочетания. Поэтому можно согласиться с мнением проф. Мокиенко, который считает экспрессивность категориальным признаком фразеологизма. В. Флайшер подходит к проблеме экспрессивности несколько с иной стороны и называет выражение экспрессии основной функцией фразеологизма.

После рассмотрения перечисленных выше признаков мы принимаем определение фразеологизма В. М. Мокиенко, которым мы будем пользоваться в нашей работе: фразеологическая единица - это «относительно устойчивое, воспроизводимое, экспрессивное сочетание лексем, обладающее (как правило) целостным значением» (Мокиенко 1989: 5). Хотя незаменимость компонентов иногда приводится среди основных признаков фразеологизма, более детальные, прежде всего диахронные исследования показывают, что в связи с фразеологизмами можно в некоторых случаях говорить о их моделируемости и о некоторых заменах компонентов.

1.2. Понятия *фразеологическая единица, фразема, фразеологизм*

Понятие *фразеологическая единица* в русскую фразеологию ввёл В. В. Виноградов, который, как уже было сказано, считается основоположником русской фразеологии. Введённое Виноградовым понятие распространилось также в других, исследуемых нами языках. Понятие *фразема* возникло по аналогии с такими лингвистическими понятиями как *фонема, лексема* и его преимуществом является

его системность (в чешской лингвистике его выдвинул Ф. Чермак). Эти три понятия *фразеологическая единица, фразема, фразеологизм*, большинством учёных, за редкими исключениями (Й. Млацек) считаются синонимами. Кроме того во фразеологической литературе можно встретиться с понятиями: *фразеологический оборот, устойчивое сочетание слов, устойчивый словесный комплекс, идиома, идиоматизм* (по: Хлебда 2007: 106).

1.3. Классификация фразеологизмов

В процессе развития теоретических исследований во фразеологии было создано множество классификаций фразеологических единиц по разным критериям.

Одной из первых, до сих пор часто употребляемой и цитированой классификацией является разделение фразеологического состава языка на три типа оборотов по степени семантической слитности ФЕ. Автором этой классификации был В. В. Виноградов: **Фразеологические сращения** - ФЕ «значение которых совершенно независимо от их лексического состава, от значений их компонентов, и так же условно и произвольно, как значение немотивированного слова-знака» (Виноградов 1977: 121). В качестве примера фразеологического сращения можно привести ФЕ *как пить дать* - 'наверняка, обязательно' или *собаку съест* - 'приобрести большой навык, умение в каком-либо деле'.

Вторую группу составляют **фразеологические единства**, в которых, по словам Виноградова, «целостное значение мотивировано, являясь производением, возникающим из слияния значений лексических компонентов» (Виноградов 1977: 131). Это, например, ФЕ *совать палки в колёса кому-* 'значительно мешать какому-либо делу'.

Последняя группа - **фразеологические сочетания** - это «тип фраз, образуемых реализацией несвободных значений слов, в которых слово с несвободным значением допускает синонимическую подстановку и замену, идентификацию» (Виноградов 1977: 137-8). Пример: *белое золото* - 'хлопок' (цит по: МС 2008: 21 - 22).

Классификациями, которые чаще всего встречаются у разных авторов, являются классификации фразеологизмов в соответствии с функцией в предложении. Выделяются глагольные, именные, наречные фразеологизмы, сравнения и фразеологизмы с конструкцией предложения (Складана, Чермак и др.), которые иногда получают свои названия. Так, Й. Млацек фразеологизмам с конструкцией предложения присваивает название *fráza*, глагольные фразеологизмы называет термином *zvrát*, а именные ФЕ термином *výraz* (Млацек 1984:76-78).

С этой классификацией отчасти связана классификация фразеологизмов по их функции, где Й. Млацек различает четыре типа фразеологических единиц:

- 1) frazeologizmy s nominatívnu - pomenovávacoú funkciou - сюда входят все фразеологизмы за исключением *fráz*,
- 2) frazeologizmy s komunikatívnu a výpovednou funkciou,
- 3) frazeologizmy s nominatívno-komunikatívnu funkciou,
- 4) frazeologizmy, ktoré nemajú zreteľnú ani komunikatívnu, ani nominatívnu funkciu - напр.: *beda prebeda, nevýdali - neslýchali* (Млацек 1984:79-80).

Я. Складана выделяет на основе включения фразеологизмов в контекст две группы фразеологизмов: а) *kontaktové* - фразеологизмы, которые включаются в контекст – например: *dať chrbát komu*; в) *nekontaktové* - фразеологизмы, которые включаются в контекст без изменений, напр.: *dnes zajtra* (Skladana 1993:75).

Существовали также попытки разделить фразеологический фонд языка на фразеологизмы нейтральные и экспрессивные, но поскольку, как мы отметили выше, экспрессивность является категориальным свойством фразеологизма, эта классификация не очень оправдана.

Фразеологический фонд языка можно также разделить со стилистической точки зрения: на фразеологию книжную и разговорную, литературную и нелитературную. Поскольку в нашей работе мы сосредоточимся на сопоставлении присутствия некоторых групп фразеологизмов в разных языках, причём разделение исследуемых фразеологизмов на группы будет производиться на основе диахронных критериев, то для нас важными являются диахронные классификации.

Несмотря на то, что, как уже было сказано, историческая фразеология пока мало разработана, попытки той или иной классификации фразеологизмов по их происхождению встречаются довольно часто и первые появились довольно давно. Произвести этимологическую классификацию русских фразеологизмов пытался уже С. И. Абакумов в сороковых годах XX века.

Самое важное, простое и частое - это разделение фразеологического фонда того или иного языка на фразеологию исконно русскую и заимствованную. Эта классификация встречается уже у авторов Н. Д. Фомина, М. А. Бакина (Фомина, Бакина 1985:23, также Млацек 1984: 83-87). Исконно русский фразеологизм - это, по определению Н. М. Шанского: «такое устойчивое сочетание слов, которое в качестве воспроизводимой языковой единицы или возникло в русском языке, или унаследовано им из более древнего источника» (Шанский 1985: 89). Н. Д. Фомина и М. А. Бакина приводят в качестве примера источника исконно русской фразеологии русский быт, верование, фольклор, устное народное творчество, а в качестве примера фразеологизмов - ФЕ *при царе Горохе, сказка про белого бычка*. Следующим источником, по мнению этих авторов, являются пословицы (*пожалел волк кобылу, бабушка надвое сказала*), профессиональную речь ремесленников (*без сучка без задоринки, два сапога пара, сесть на мель*) и литературу (*человек в футляре*). Однако при попытке классифицировать исконные фразеологизмы того или иного языка учёные часто сталкиваются с большими проблемами, возникшие классификации неоднозначны. По мнению большинства фразеологов, исконные фразеологизмы составляют большую часть фразеологии данного языка (однако, по подсчётам, произведённым проф. В. М. Мокиенко на материале словаря сравнений славянских языков, более 40 процентов фразеологизмов, приведённых в данном словаре, имело общеевропейскую основу - (по Mokijenko: 2007: 362).

Заимствованные фразеологизмы

Заимствованные фразеологизмы Н. Д. Фомина и М. А. Бакина характеризуют как «устойчивые сочетания, крылатые выражения, пришедшие в русский язык из других языков» (Фомина, Бакина 1985: 25). Авторы разделяют группу заимствованных фразеологизмов на две группы: первая группа - заимствования из славянских языков, вторая - заимствования из языков неславянских. С точки зрения

нашей работы, группа заимствованных фразеологизмов представляет особый интерес прежде всего потому, что, как верно замечает Я. Складана, «в этой группе важно выделить, каковы исторические связи фразеологии данного языка с фразеологизмами других языков» (Складана 2005: 823).

Следующая важная с нашей точки зрения классификация: разделение фразеологизмов на интернациональные и неинтернациональные.

Интернациональные фразеологизмы - это, по определению Я. Складаной, «фразеологизмы, которые используются в нескольких мировых языках (т.е. не только в двух), родственных и неродственных, и источниками которых являются христианство (прежде всего Библия), античная история и литература, античная мифология, мировая общественная история и литература» (Складана 2005: 824).

Однако, что касается приведённых в определении источников, оказывается, что такое определение намного сужает понятие интернационального фразеологизма, не учитывая возможности появления сходных фразеологизмов в разных языках независимо друг от друга. Я. Складана такую возможность признаёт: «тождественность содержательной основы и выразительной основы ФЕ, тождество мотивации, переноса значения и т.п. необязательно возникают в результате заимствования ФЕ из одного языка в другой; это может быть результатом подобной реакции человека на импульсы окружения, на одинаковые или подобные природные условия, климатические условия и т.п. (Там же: 825). Однако, возникшие таким образом фразеологизмы автор интернациональными не считает, ссылаясь на то, что среди них много отличий. На наш взгляд, некоторые отличия встречаются также среди фразеологизмов из приведённых источников интернационализмов, поэтому эти фразеологизмы можно признать интернациональными в одинаковой мере. Ведь уже Н. Д. Фомина и М. А. Бакина в начале своей книги отмечают, что «существует большое количество фразеологизмов, которые сходны по своему значению и по образной структуре в различных языках. Можно говорить о общеевропейском фонде фразеологизмов, который обусловлен близкими или одинаковыми культурно-историческими условиями жизни народов» (Фомина, Бакина 1985: 9). Общий фонд европейских фразеологизмов признают также авторы словаря современного словацкого языка,

которые при слове «europeizmus» приводят, что к европеизмам относятся также некоторые фразеологизмы (цит по: Ligoš 2007: 334).

Тот же недостаток наблюдается и у другого определения понятия интернациональных ФЕ, которое также работает с понятием общего источника. По словам М. Янковичовой, интернациональные ФЕ - это фразеологизмы, которые «имеют общее происхождение, обладают общей семантикой, и встречаются в разных - родственных и неродственных языках» (Янковичова 2001:421). В целях уточнения мы это определение несколько изменил и интернациональными фразеологизмами (поскольку целью нашей работы является именно определение статуса интернациональности ФЕ) будем считать те фразеологизмы, которые имеют свои эквиваленты в нескольких родственных и неродственных языках. Дефиниция М. Янковичовой продолжается словами: «Их источниками являются: 1) античная литература и мифология; 2) Библия или какой - либо другой церковно - книжный источник...»(Янковичова 2001: 421).

Классификация фразеологических интернационализмов (как и классификация фразеологизмов вообще) часто работает именно с этими источниками. Она, в зависимости от источника, более или менее подробна и содержит от двух (В. М. Мокиенко) до четырёх (М. Янковичова) групп фразеологических интернационализмов. В нашей работе мы будем пользоваться классификацией Л. Степановой, выделяющей три основных группы фразеологизмов:

1) генетические интернационализмы

К генетическим интернационализмам относятся ФЕ, восходящие к общему для европейских народов культурно-историческому источнику - Библии и античным мифам, где уже невозможно определить путь миграции конкретных оборотов из одного языка в другой. К генетическим интернационализмам относятся также кальки и полукальки. Следовательно, генетические интернационализмы можно разделить на три подгруппы:

- 1) библейские фразеологизмы,
- 2) античные фразеологизмы,
- 3) кальки и полукальки (Степанова 2004: 248, Степанова 1995: 67-68).

В более подробных классификациях к группе генетических фразеологизмов прибавляются фразеологизмы, возникшие на основе всемирной литературы, истории и сказок.

2) **типологические интернационализмы**: это «сходные фразеологизмы, которые возникли в разных языках независимо друг от друга в силу сходных экономических и культурных условий. Это, прежде всего, фразеологические параллели, отражающие наблюдения над окружающим миром. К этому разряду можно отнести также ФЕ, построенные по общей для нескольких языков структурно - семантической модели» (Степанова 2004: 247).

3) **универсалии на концептуальном уровне**: это фразеологизмы, отражающие сходные представления европейских народов об окружающем мире, но облаченные часто в очень разную форму (Степанова 2004: 248, Степанова 1995: 67-68).

При рассмотрении эквивалентов того или иного фразеологизма в разных языках эти группы часто сливаются и переплетаются. Так, например, как уже было сказано, библейские и античные фразеологизмы являются в большинстве случаев кальками; если рассмотреть ряд некоторых универсалий на концептуальном уровне в большой группе языков, среди них можно выявить типологические интернационализмы и кальки.

В качестве примера приведём фразеологизмы межъязыковой модели *убить + животное = обмануться в расчётах при выборе, приобретении*. В русском языке эту модель представляет фразеологизм *убить бобра*, в украинском *луса зловити*, в чешском *kozla odřít* и, например, в польском, фразеологизм *zlapać zająca*. В словацком языке эквивалентом является ФЕ *strelit' capa*, которая, по мнению словацкого лексикографа П. Тврдого, является калькой с немецкого.

В фразеологическом ряду *пьяный как + представитель какой-то профессии*, ФЕ которого представляют, по словам проф. В. М. Мокиенко, субъективную оценку представителей определённых профессий непрофессионалами (Мокиенко 2005: 39), обнаруживается сходство немецкого фразеологизма *trinkt wie ein Bürstenbinder* и чешского *pije jako štětkář*, которые поэтому являются, как минимум, типологическими интернационализмами, если чешский фразеологизм не является калькой с немецкого.

1.4. Вопросы интернациональности / неинтернациональности ФЕ

В связи с интернациональностью фразеологизмов во фразеологической теории наблюдается целый ряд проблем и опять здесь можно говорить о противоречивости подходов. С одной стороны, как уже приводилось выше, фразеологизмы долго считались вообще непереводаемыми на какой-либо другой язык (проф. Архангельский, например, отделял фразеологизмы от других единиц на основе их непереводаемости на другие языки), фразеология часто определялась как отражение национальной картины мира.

Так, среди типологических интернационализмов большую группу представляет анималистическая фразеология, интернационального характера которой был некоторыми учёными довольно тщательно исследован. Несмотря на приведённый факт, в чешско-польском фразеологическом словаре фразеологизмов - анимализмов в ведении встречается следующее предложение: «Frazeologie, v níž se odráží obrazová síla národa, jeho myšlenková a jazyková vynalézavost, nápaditost a pohotovost, národní kolorit, ale i generacemi nastřádaná a předávaná zobecněná zkušenost jako vzácné dědictví našich předků, patří k nejzajímavějším oblastem vědy o jazyce a tvoří významnou součást každého národního jazykového bohatství» (Mrháčová, Poncová 2003: 9), несмотря на то, что сам указанный словарь - лучшее подтверждение того факта, что множество фразеологизмов носит интернациональный характер.

С другой стороны, некоторые группы фразеологизмов стали приводиться в качестве примера фразеологизмов интернациональных, и до сих пор не было никакой попытки определить, какая часть группы указанных фразеологизмов на самом деле интернациональна. Л. Степанова отмечает, например, что такой подход часто встречается при библейских фразеологизмах, причём новейшие работы обратили внимание на его необоснованность (Stěpanova 2004: 37).

Для того, чтобы определить статус интернациональности ФЕ какого-либо языка, необходимо классифицировать фразеологизмы по последнему критерию: по критерию межъязыковых соответствий. Одним из первых классифицировать фразеологизмы по этому признаку попытался Э. М. Солодухо, который отмечает

пять возможных вариантов межъязыкового соответствия интернациональных фразеологизмов (ИФ):

- 1) ИФ с абсолютным звуковым и графическим тождеством,
- 2) ИФ с частичным звуковым и графическим тождеством,
- 3) ИФ с лексико-семантическим, стилистическим, или структурно-грамматическим тождеством - самая большая группа фразеологизмов,
- 4) потенциальные ИФ - логико-семантическая идентификация,
- 5) формальные ИФ - внешняя идентификация (Солодухо 1989).

Поскольку эта классификация слишком детальна и для наших целей не очень подходит (первая и вторая группа фразеологизмов встречалась бы очень редко и почти исключительно в группе генетических интернационализмов - калек), то мы будем пользоваться классификацией, приведённой В. М. Мокиенком и Л. И. Степановой в книге *“Русская фразеология для чехов”*:

- 1) **полные эквиваленты** - ФЕ, которые «имеют тождественную структуру, образную основу и переносное значение».
- 2) **эквиваленты частичные** - ФЕ, которые «при тождестве семантики и внутренней формы отличаются друг от друга по одному из следующих показателей: другие, чаще всего синонимичные компоненты, иная структура, сочетаемость, большее или меньшее количество компонентов, иная степень сочетаемости или другие отличия, вытекающее из системы и грамматического строя языка перевода».
- 3) **относительные эквиваленты** - ФЕ «с частичной заменой образности при тождестве семантики».
- 4) **фразеологические аналоги** - «обороты, имеющие разную образность, близкую или достаточно различную структуру, но общее значение и стилистическую тональность».
- 5) **безэквивалентные фразеологизмы** - «собственно национальные идиомы» (МС 2008:38).

Так как эта классификация не предусматривает отличий, связанных с ситуацией, когда один из языков заимствовал ФЕ в исходной форме, а другой её

калькированием, мы будем выделять в нашей работе, кроме приведённых пяти групп, ещё группу фразеологизмов, **заимствованных в другой форме**.

2. Генетические интернационализмы

Генетические интернационализмы представляют собой большую группу фразеологизмов, в подавляющем большинстве книжных, которые пока не были подробно расследованы (может быть, за исключением библейских фразеологизмов, о происхождении которых написано несколько книг). Что касается их употребления, то по наблюдению Г. Срповой, которая занималась исследованием употребления фразеологии и идиоматики в газетно-публицистическом стиле, употребление так называемых «культурных фразеологизмов» читателя заинтересует уже потому, что их знание - доказательство его образованности (Српова 2003: 140). Может быть, поэтому их можно, по нашему наблюдению, часто найти в политических текстах::

Jidášův polibek od prezidenta

Topolánek dnes tvrdí, že jiná cesta není. A před čtrnácti dny byla? Proč neodmítnul Jidášův polibek od Václava Klause a nechal se podruhé pověřit sestavením vlády, ačkoli bylo od začátku zřejmé, o jakou hru se jedná?

(www.lidovky.cz ,
26.4.2007)

2.1. Библейские фразеологизмы

В разряд библейских фразеологизмов входят те фразеологические единицы, которые прямо или косвенно связаны с текстом Библии. Это могут быть как точные цитаты из Нового или Ветхого Завета, так и обороты, которые образованы на основе целых отрывков или глав из Библии. По определению Л. Степановой, библейские фразеологизмы - Это: „všchny frazeologické jednotky, které jsou přímo či nepřímó spojeny s texty písma svatého (jak Starého, tak i Nového zákona <...>“ (Stěpanova 2004: 38). Источником таких фразеологизмов чаще всего является Евангелие от Матфея, так как оно составляет большую часть богослужебных - т.е. самых известных и самых часто повторяемых среди верующих текстов. Второй наиболее частый источник - евангельские притчи, которые сами по себе являются своеобразным «сгущением» большого контекста. Кроме того, к библеизмам мы

относим и единицы, содержащие такие слова, как *ангел, Бог, дьявол*, ФЕ с именем первого человека - *Адам* и. т. д., т. е. „všechny frazeologické jednotky, které jsou přímo či nepřímou spojeny s texty svatého písma“ (Степанова 2004: 38). Здесь идёт речь о так называемых периферийных фразеологизмах (Там же). Важность Библии и её роли в формировании и развитии языка так велика, что её подтверждают не только филологи, но и историки, занимающиеся христианством. Так, М. Рижский в своей книге о переводах Библии, отмечает следующее: «известно, какую важную роль сыграл лютеровский перевод в развитии немецкого языка и литературы. В известной мере это можно отнести и к переводу Библии на славянский язык. Солунские братья не только дали славянам письменность, своим переводом Библии они, а вслед за ними и другие переводчики церковной литературы ввели в обиход славянства множество новых понятий - не только религиозных, но и философских, научных и общественных (Рижский 2007:42).

Библейский фразеологический фонд действительно представляет собой значительную часть фразеологического фонда многих европейских языков, что в введении к своей книге о происхождении библейских фразеологизмов теолог Вилем Шнебергер объясняет следующим образом: „Dnešek je charakterizován přemírou informací: noviny, časopisy, knihy, televize, rozhlas, internet nás provázejí od rána do večera. V době, kdy nebyli noviny a moderní komunikační prostředky, kdy knihy byly vzácností, bývali kostel a hospoda jedinými místy společenského setkávání. Zejména kostel měl velký vliv na lidskou mluvu. Lidé chodili na kázání, slyšeli biblické příběhy, které se vyučovali také ve škole, zapamatovali si různé slovní obraty a obrazy a potom je používali. Tak vešla řada biblických pojmů a rčení do povědomí lidí, a z mnohých biblických slov a slovních spojení se stala slova okřídlená“ (Schneeberger 2003). Важность библейских фразеологизмов отмечает и В. Н. Телия, которая пишет, что « культурные и экономические контакты также оставляют следы в виде общеизвестных выражений даже у географически и исторически далёких народов. Большинство из них связано с влиянием христианства» (Телия 1979: 7-8). Подавляющее большинство библейских фразеологизмов относится к разряду фразеологизмов книжных, в качестве исключения можно привести фразеологизмы *козёл отпущения, петль* Лазаря. Из фразеологии других языков можно назвать в

качестве примера словацкий фразеологизм *trúba jerichova*, который Й. Млацек приводит в качестве примера того, что семантические признаки могут сделать фразеологизм книжного происхождения явно разговорным (Mlasek 2007: 267).

Что касается происхождения библейских фразеологизмов, то большинство из них возникло на основе греческих и латинских текстов - чаще всего эти фразеологизмы - кальки с греческого или латинского языка. Примером может послужить фразеологизм *во веки веков*, о котором в словаре русской фразеологии можно узнать следующее: «Выражение часто встречается в Библии (Исайя, 45, 17; Михей, 4,5 и др.) Часто цитируется по латыни: *in saecula saecolorum* (*in saecula saecolorum*)» (БМС 2005: 86).

В связи с влиянием латинского языка нужно отметить также большое влияние латинского перевода «Вульгаты». В качестве следующего примера можно привести фразеологизм *адвокат дьявола*, который пришёл в русский язык калькированием латинского выражения и до сих пор употребляется в латинской форме *advocatus diavoli*. Фразеологизм существует в латинской форме также в польском языке, наряду с его польским вариантом *Adwokat diabla*. Приведённый фразеологизм поэтому - лучшее доказательство того факта, что фразеологизмы библейского происхождения чаще всего являются кальками именно с классических языков, как было сказано выше.

В качестве примера миграции фразеологизмов из языка в язык можно привести фразеологизм *Ноев ковчег*, в связи с происхождением которого приводятся две не исключаящих друг друга версии: «1) выражение связано с библейским мифом о всемирном потопе, от которого праведный Ной спасся со своей семьёй и животными, так как Бог заранее научил его построить ковчег, т.е. судно.

2) Выражение, связанное с легендой о всемирном потопе в русском языке, вероятно, калька с фр. *arché de Noe*» (БМС 2005:309).

2.1.1. Трудности в выделении группы библейских фразеологизмов

В разряд библейских фразеологизмов входят и многие фразеологизмы, которые имеют более древние источники, но во фразеологию отдельных народов они попали из текстов Библии. Примером здесь служит чешский фразеологизм *hořký*

jako pelyněk; такое сравнение существовало уже в древнем Египте. Из русских фразеологизмов служит примером ФЕ *жнёт, где не сеял*. Очень известный библейский фразеологизм - один из тех немногих, которые до нашего времени активно употребляются - выражение *альфа и омега*, также имеет более древние корни. Интересная ситуация в польском языке: фразеологизм *альфа и омега*, здесь существует, однако, по данным электронного словаря PWN употребляется в несколько другом значении: 'o człowieku, który dużo wie i jest niekwestionowanym autorytetem w jakichś sprawach' (Słownik frazeologiczny PWN). В качестве примера такого употребления в словаре приводится следующее: *Szył na izbie przyjąć jakąś rozharataną w bójce rękę. Na krok nie odstępowała go wtedy studentka (...). Ta samodzielna praca była jeszcze dla niego pewną nowością. W jej oczach był jednak alfa i omegą. A. Strączek, Wyznanie*. (Там же).

Что касается этимологических толкований библейских фразеологизмов, то ситуация, как мы видели, отнюдь не всегда так проста, чтобы её можно было ограничить констатированием связи данного фразеологизма с Библией. Исследования библейских фразеологизмов часто уходят далеко за границы лингвистического исследования. Так, фразеологизм *легче пройти верблюду сквозь игольное ушко*, как уже было сказано, является точной цитатой из одного места в Библии: «легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в царствие небесное» (Матфей 19:24; Лука 18: 25). Однако образ, который лег в основу этого выражения, стал предметом многих споров. Существовали три версии его толкования:

- 1) игольное ушко в обороте - ворота Иерусалима, которые были настолько узкими, что пройти верблюду было очень трудно, даже почти невозможно. Такое толкование немного смягчает образ оборота - богатому, следовательно, *можно* войти в царствие небесное, хотя это представляет для него очень трудную задачу.
- 2) слово *верблюд* в греческом языке близко слову, обозначающему толстую верёвку - это делает образ намного более логичным и понятным.
- 3) большинство исследователей, однако, в конце концов приходит к выводу, что оборот надо понимать буквально - так как верблюду нельзя пройти

сквозь игольное ушко, нельзя богатому человеку войти в царствие небесное (Vělič 1969: 286 - 190).

Последней проблемой, которая связана с выделением состава библейских фразеологизмов, является тот факт, что, как замечает П. Браун, многие фразеологизмы библейского происхождения так прочно вошли в состав фразеологии данного языка, что его носителями не ощущается их связь с Библией:

- Доброе утро, Леонид Ильич! - Сулов кланялся и улыбался, стоя в дверях. - Как вы себя сегодня чувствуете?

- Как всегда отлично! - бодро ответил Брежнев. Правой рукой он обнимал талию сияющей мисс Барбадос, а в левой держал граненый стакан.

- Ну и слава богу! Слава богу, Леонид Ильич!

- Какому богу? Что ты мелешь, болван?! Ты идеологический лидер коммунистического государства, а не Папа Римский!

- Извините, Леонид Ильич, это просто выражение такое - "слава богу". К религии оно не имеет никакого отношения. Всего лишь выражение, фразеологический оборот (Валерий Сегаль. Атака маршала)

П. Браун в качестве примера приводит фразеологизм *jdm auf die Hände tragen*, который восходит к предложению из Евангелия по Матфею: „Позовёт своих ангелов и они будут носить тебя на руках, чтобы ты не ударил ногой о камень“ (Матфей 4: 7).

В связи с функционированием библейских фразеологизмов в разных языках Европы часто говорится о снижении частоты их употребления (русский язык здесь долго являлся исключением: и библейские фразеологизмы, как и цитаты из Библии, употреблялись после отмены цензуры очень часто. После перестройки возник настоящий бум в употреблении библеизмов. В последнее время, однако, лингвисты отмечают снижение их фреквенции (Степанова 2007: 19). Самое большое снижение частоты употребления библейских фразеологизмов, как отмечает Й. Млацек, можно было наблюдать после революции 1917 года (Mlasek 2007: 207). Процесс выхода библейских фразеологизмов из употребления, однако, длится уже очень долго.

Доказательством такого выхода библейских фразеологизмов из употребления является список библейских фразеологизмов, которые приводит Я. Складана в своей работе об исторической фразеологии словацкого языка, где даётся целый ряд

фразеологизмов, которые в словацком языке уже несколько десятилетий не употребляются: *nedávať za chlieb kameň, sťahovať babylónskú vežu na zem, hľadiet krížom* (Skladaná 1993). Приведённый процесс, как будет показано ниже, является одной из причин возникновения отличий между фондами фразеологизмов в разных европейских языках.

Однако, писателями часто используется возможность характеризировать через употребление библеизмов принадлежность героев разных произведений к церкви. Так, священник в произведении немецкой писательницы Гертруды фон ле Форт жалуется на ситуацию в обществе такими словами: «Wahlich, dann könnte es zuletzt noch dahin kommen, dass die christlichen Völker der Rolle der boshafteu Juden wiederholten, der den göttlichen Heimland um 30 silberlinge verrieten (...) so würde das Agnus Dei sein, das der nackenden Macht untelagt - wie Christus gehörte zur Krone der Braut Christi auch die Donnerkrone (Gertrud von le Fort: Magdeburgische Hochzeit).

Один из героев чешской кинокомедии *Slunce, seno, jahody* - священник - то и дело употребляет фразеологизм *Sodoma a Gomora*. Однако, тщательно просмотрев несколько чешских и словацких христианских журналов, мы не обнаружили резкого повышения фреквенции употребления фразеологизмов библейского происхождения по сравнению с журналами других жанров (наблюдались только некоторые перифрастические фразеологизмы, которые употребляются в сугубо христианской среде для обозначения Христа: Zebedejovi synovia Ján a Jakub, ktorých Pán pre ich búrlivú povahu nazval „Synmi hromu“ by z ľudského hľadiska asi neboli vhodnými typmi na nasledovanie Božieho Baránka (Katolícke Noviny 15.6.2008)

и игра с цитатами из Священного Писания Konečné triedenie zrna od pleviel nastane na konci vekov, no bude úlohou anjelov, nie ľudí (Katolícke Noviny 20.7.2008).

2.1.2. Причины интернациональности / неинтернациональности библейских фразеологизмов:

Что касается интернациональности / неинтернациональности библейских фразеологизмов, то упомянутый выше П. Браун в своей статье о фразеологизмах, возникших на основе Евангелия от Матфея, в связи с их тождественностью и отличиями в разных языках пишет: о необходимости сравнивать библейские фразеологизмы в разных языках (Braun 2006: 359).

2.1.2.1. сходства и отличия в переводе Библии

Согласно английской языковой энциклопедии "The Cambridge encyclopedia of language", Библия- самая трудная книга для перевода. Энциклопедия демонстрирует эти затруднения на очень забавном примере: при попытке перевести Библию на один из языков индейцев Южной Америки обнаружилось, что в данном языке отсутствует выражение для обозначения осла. Переводчики поэтому использовали пояснительный перевод и написали, что Иисус приехал в Иерусалим на «малом животном с большими ушами». Результатом было, что индейцы пришли к заключению, что Иисус приехал в Иерусалим на кролике (Crystal 1991: 373).

Что касается перевода Библии на русский язык, из которого мы в исходим нашей работе, то после крещения Руси в 988 году использовался Кирилло-Мефодийский и болгарский перевод, позже стали появляться первые переводы на славянский язык, сначала сделанные в Византии. Уже на этом этапе появились расхождения между моравской, болгарской и русской редакциями. Ошибки в переводе - как те, которые были связаны с недостаточными знаниями переводчиков, так и «поправки», внесённые в Библию намеренно, постепенно достигли такого количества, что митрополит Алексей заказал перевод лично для своего пользования, лишь чтобы перевод соответствовал оригиналу. Недостатки в переводе церковь зачастую боялась исправлять, чтобы это не привело к смятению народа; кроме того, перевод Библии долгое время считался «божественным делом», переводчиками должен был руководить Дух Святой. Уже упомянутый М. Рижский по этому поводу пишет: «В III-II вв. до н.э. был сделан перевод Ветхого Завета на греческий язык. Он получил позднее, после похода Александра Македонского, широкое распространение на востоке. Этот перевод был назван впоследствии Септуагинта - от латинского семьдесят: по преданию, которое некоторые исследователи считают совершенно недостоверным, переводческую работу сделали семьдесят два ученых книжника, прибывших из Иерусалима. Согласно преданию, каждый из этих переводчиков, не общаясь с другими, перевел целиком весь Ветхий Завет, а когда переводы сверили, то все они оказались в точности совпадающими, поэтому было признано, что переводчиками руководил Дух Божий. В действительности разные части

Септуагинты появились в разное время, на протяжении III-II вв. до н.э., поэтому они значительно различаются между собой по языку и стилю.

Однако, что касается перевода Библии на разные языки, П. Браун здесь видит скорее причину тождественности фразеологизмов, чем их отличий: «авторитет церкви отразился в том, что большинство библейских фразеологизмов в разных языках сходны или похожи друг на друга» (Braun 2006: 359). По мнению этого автора, большую роль при формировании тождественных фразеологизмов в разных языках сыграла Вульгата, которая с 382 года пользовалась большим авторитетом и имела огромное влияние на переводы Библии на разные языки, в том числе и на русский. Может быть, именно благодаря этому влиянию во фразеологии чешского языка можно найти полный эквивалент русского фразеологизма *ветхий Адам* и фразеологизма *совлечь с себя Ветхого Адама*. Фразеологизм *ветхий Адам* употребляется о человеке, который должен духовно обновиться, освободиться от старых привычек, взглядов. Он восходит к Посланиям апостола Павла к Римлянам, Ефесанам, Колоссянам, где выражение *Ветхий Адам* значит «грешный человек, обремененный грузом взглядов и привычек, накопившихся за долгую жизнь, от которых он должен освободиться». Фразеологизм *совлечь с себя ветхого Адама* имеет то же происхождение и употребляется в значении «духовно обновиться, усвоить новые взгляды и привычки, освободиться от старых». В более старых переводах Библии на чешский язык в упомянутых выше посланиях, на основе которых возник данный фразеологизм, встречается предложение: *svlékněte ze sebe starého Adama a jeho skutky a oblečte si nového* - именно на основе этого предложения возникла данная ФЕ. В современных канонических текстах, которые употребляются с 60-70х годов в этой части Библии слова *Адам* уже нет: *svlékněte ze sebe starého člověka a jeho skutky a oblečte si nového*. Это привело В. Шнебергера к ошибочному, по нашему мнению, толкованию происхождения данного оборота - он считает названный фразеологизм контаминацией двух мест из Священного Писания: приведённое выше предложение, по его мнению, скрещивается в мыслях верующих с другим местом, где говорится о первом и последнем Адаме (Послания Коринтянам 15: 45). Дело в том, что слово *Адам* в переводе значит «человек». Такое отличие в употреблении слова *Адам* и слова *человек* в переводах разных эпох

часто, причём современные переводчики выбирают, какое из данных слов в конкретном месте употребить на основании двух фактов: употребления артикля и контекста: *A Hospodin Bůh vysadil zahradu v Edenu na východě a postavil tam člověka, kterého stvořil* X *A Hospodin Bůh vysadil zahradu v Edenu na východě a postavil tam Adama, kterého stvořil* (примеры из лекций по чешской ономастике доктора К. Комарека).

Сходная ситуация с фразеологизмом *метать бисер перед свиньями*. Приведённый оборот употребляется в значении ‘объяснять что-либо человеку, неспособному понять и по достоинству оценить это.’ Выражение пришло из Евангелия - «не давайте святыни псам и не бросайте жемчуга (т.е. бисер) перед свиньями, чтобы они не попрали его ногами своими и, обратившись, не растерзали вас» (Матфей 7: 6). Собаками называли людей, не желавших принять поучение, и людей, вовсе не заслуживавших чего-то. Свиньями обозначались те, кто с удовольствием оставался валяющимся в грехах, и учение христианства их только раздражало (по примечаниям из: *Česká Bible 1936: 72*). Оборот бытует во всех языках, в немецком и английском он по структуре тождественный, в словацком и чешском жемчуг бросают не «перед свиньями» а прямо «свиньям». Оборот можно найти во всех исследуемых языках: чеш. *házet perly sviním*; слов. *hádzat perly sviniam*; пол. *rzucac perly przed wieprze*; укр. *метати бисер перед свиньями*; *метати бисер свиням*; *metami bicerp*; англ. *cast pearls before swine*; нем. *Perlen von die Sauen werfen*; исп. *echar perlas delante de los puercos*; итал. *gettare le perle dinanzi a porci*.

В связи с английским, немецким и чешским оборотом интересно, что в цитате из Библии, к которой относится данный фразеологический оборот, в настоящее время в английском языке встречается вместо слова *swine*, присутствующего во фразеологизме, слово *pig* - «do not give dogs what is holy, do not feed yours pearls to pigs :they will only trample of them and turn and tear you to pieces», в немецком вместо слова *Sau* слово *Schwein* «geben das heilige nicht den Hunden und werfet euere Perlen nicht vor die Schweine, damit sie nicht etwa mit ihren Füßen Sie zertrefen und euch zerreißen»-а в чешском слово *vepř* - «Nedávejte, co je svaté psům a neházejte své perly před vepře, nebo je nohama pošlapou, obrátí se proti vám a potrhají vás» (Матфей 7:6).

Последний интересный фразеологизм, на котором сказалось влияние Вульгаты при переводе Библии, - выражение *вкушать / вкусить от древа познания добра и зла*. Оно употребляется в двух значениях: 1) приобретать знания, постигать смысл разнообразных явлений;

2) узнавать что - либо важное и запретное, учиться чему - либо прежде затаённого. Выражение возникло из библейского мифа о произраставшем в раю дереве познания добра и зла, вкушать плоды которого было Адаму и Еве запрещено Богом. Тот, кто вкусил бы их, стал бы всезнающим, как Бог, познал бы, что такое добро и зло. Ева, искушенная змием, уговорила Адама, и они нарушили запрет, попробовав плод. За неповиновение Богу они были изгнаны из рая (Бытие: 2-3).

В русском языке это выражение - из старославянского, о чём свидетельствуют формы слов *вкусить* и *древо*. Фразеологизм имеет эквивалент в немецком, чешском и словацком и английском языках: чеш *utrhnout jablko ze stromu poznání*; слов. *odtrhnúť jablko zo stromu poznania (dobra a zla)*; нем. *einen Apfel vom Baum der Erkenntnis pflücken*; в английском языке, однако, вместо слова *яблоко* оказалось слово *fruit*. Если посмотреть оригинал текста Библии, мы обнаружим, что в данном месте на самом деле встречается слово *фрукт*. Как объясняет В. Шнебергер, в Библии говорится о фрукте, не о яблоке. Однако слово *яблоко* появилось уже в латинском переводе, потому что латинское слово *malum*, обозначающее яблоко, является в латинском языке омонимом слова *зло* (Шнебергер 2003: 37). Такой латинский перевод потом оказал влияние и на другие языки.

В связи с русским фразеологизмом *мудры(е) как змии и кротки(е) как голубы* фразеологами также отмечается неточность перевода: «Славянский перевод не совсем точен: в 10-й главе Евангелия от Матфея буквально говорится: «без фальши, как голуби» (БМС 2005: 253); на основании такого неточного перевода, однако, возникает в славянских языках тождественная ФЕ.

2.1.2.1.1. Отличия в переводе, которые ведут к безэквивалентности фразеологизма
Иногда, однако, имели место отличия в переводе, которые сказались на фразеологическом фонде данного языка. Фразеологизм *ни на йоту*, который употребляется в значении ‘абсолютно ни на сколько, без всяких отклонений от чего

- либо', восходит к евангельскому изречению «ни одна йота, ни одна черта не пройдёт из закона, пока не исполнится всё» (Матфей 5: 18).

Йота - не только название буквы в греческом алфавите, но и название тонкой чёрточки под строчными гласными, которая использовалась для различения этих звуков. Пропуск этой чёрточки не имеет значения для произношения, но указывает на некоторые грамматические формы, и по правилам не допускается. В евангельском предании говорится о том, что недопустимы даже малейшие изменения в законе (т. е. в религиозных предписаниях Моисея); не только текст закона, но даже ни одна буква, ни одна чёрточка в нём не может быть изменена (БМС 2005: 276). Фразеологизм можно найти почти во всех исследуемых языках: в чешском языке точного эквивалента нет, но есть выражения *ani o píď, ani o chloupek, ani o chlup, ani o mák, ani o puntík, ani o vlásek, ani tečku, ani čárku, ani o písmenko*; в словацком языке фразеологизм с данным компонентом также отсутствует и также встречаются другие выражения: *ani o piad', ani o chlp, ani o vlások, ani o písmenko, ani o kúsok*. В других исследуемых языках фразеологизм существует: пол. : *ani na jote*; укр. *ani на йоту*; англ. *not for a jot*; нем. *kein Jota*.

Таким образом, в чешском и словацком языке есть фразеологические аналоги небиблейского происхождения, которые вполне соответствуют по своему значению данному русскому обороту. Они употребляются более часто и не относятся к книжным фразеологизмам. Отсутствие этого фразеологизма объясняется разницей в переводах Библии, где компонент русского фразеологизма *йота* в чешском и словацком заменяет слово *písmenko* (Степанова 2004: 48).

С переводом Библии связано также отсутствие фразеологизма *злоба дня*. В этимологическом словаре русской фразеологии БМС приводятся два не исключаящих друг друга толкования: 1) оборот восходит к изречению из церковнославянского текста Евангелия - *довлеет дневи злоба его*, где *злоба* означает «забота»;

2) выражение - неточный перевод с древнегреческого. Подлинный греческий текст в Евангелии (Матфей, 6, 34): *Arketon tei hemerai kakia autes* был переведён на старославянский язык как: «довлеет дневи злоба его» (букв. «для данного дня достаточно своих забот, неприятностей»). Причина переводческой неточности в том,

что греч. *kakia* имеет чрезвычайно широкую семантику, является обобщающей характеристикой всего нехорошего и в зависимости от контекста может обозначать различные понятия негативного характера: и негодность, и порочность, и неприятность, и неприязнь и т.п. (БМС 2005: 251-252).

2.1.2.2. Авторитет церкви

Если, однако, вернуться к тождеству ФЕ библейского происхождения в разных языках и его причинам, то можно, кроме влияния Вульгаты, выделить некоторые другие экстралингвистические причины, которые оставили свой след в интернациональности библейских фразеологизмов. Большой авторитет церкви способствовал распространению тождественных обрядов и молитв в разных частях Европы и в разных языках, которые потом легли в основу многих фразеологических единиц. Таким образом на основе заупокойной молитвы, обращенной к Господу: «Прими душу раба твоего», возникает в русском языке фразеологизм *отдать богу душу* (БМС 2005:59). Точно такая же молитва, существующая, например, в чешском языке, привела к возникновению тождественного фразеологизма: *odevzdat duši Bohu*.

Если рассмотреть библейские фразеологизмы, которые восходят к текстам Нового Завета, можно заметить, что большая часть таких фразеологизмов возникла на основе Евангелия по Матфею (Braun 2006: 359). Упомянутый выше П. Браун, который в одной из своих статей исследовал именно фразеологизмы, восходящие к этому Евангелию, насчитывает около 90 таких оборотов, что объясняет следующим образом: «Большинство текстов, читающихся при богослужениях в воскресенье, из текста Евангелия от Матфея, поэтому они ежегодно повторялись и объяснялись» (Braun 2006: 366). Тот факт, что фразеологизмы библейского происхождения опираются на те места из Библии, которые верующим встречались регулярно в ходе богослужений, подтверждают и слова представителя православной церкви И. Е. Евсеева в его статье «Собор и Библия», напечатанной в 1917 году: «Библии народ не читает, в народе она почти не известна» (цит. по: М. Рижский 2007: 227).

2.1.2.3. Разное отражение тождественного образа

Именно это постоянное повторение отрывков из Евангелия привело к возникновению некоторых фразеологизмов. По мнению словацкого фразеолога М. Сотака, «frazeológia nevzniká ustálením slovného spojenia, ale ustálením obrazu, označovaného slovným spojením. Prirodzene, potom i ustálením tohoto spojenia, no až v druhej etape» (Soták 1989: 17) . К такому же выводу приходит Н. М. Шанский, который утверждает, что языком заимствованы не конкретные фразеологизмы, а только мотивы из Библии. Он демонстрирует это на ФЕ *волк в овечьей шкуре*, где образ лицемера заимствован из Библии, но фразеологизм является собственно русским. На наш взгляд, таким же образом можно объяснить отличия между английским и русским в связи с фразеологизмом *посыпать голову пеплом* и его английским относительным эквивалентом *wear sackcloth and ashes*, который взял для выражения того же образа - 'покаяния' другое описание из того же места в Библии (Иов 2:12). Сходна ситуация с библейской притчей об Иове, из мотива которой фразеология каждого народа взяла свой собственный образ. В русском языке в образе Иова отражается:

1. Его страдание - фразеологизм *терпеть как Иов*
2. Образ бедного человека - только русский образ, в связи с которым возник собственно русский библеизм *беден как Иов*.

Представление М.Сотака о том, что сначала был освоен образ, а только потом на основе образа возникли конкретные фразеологизмы, доказывает и употребление такого образа писателями вне фразеологии:

«Господи - думала она, -- да это место на Земле просто отдано дьяволу, как Иов!» (В. Сорокин: Тридцатая любовь Марины)

Для сравнения приведём образы, которые взяли из притчи о Иове другие народы - носители языков, с которыми мы сравниваем русскую фразеологию.

Чешская фразеология отражает кроме образа страдания образ получения Иовом плохой вести - *Jobova zvěsť* - и терпеливость вообще - *trpělivý jako Jób*; словацкая отражает несчастья Иова - *Jóbove rany*.

На основании предложения из той части Евангелия по Матфею, которая описывает распятие Христа и которая поэтому повторяется на богослужениях, как

минимум, один раз в год «der, denn ich küssen werde, den ist es, nehmt ihn fest» (Mt 6:30), возникает образ Иуды, целующего Иисуса, который нашёл свое отражение в тексте чешской богослужебной песни, написанной ещё в 1683 году: *hle, zrádce blíží se, líbá tvář Ježíše* (по *jednotný katolcický zpěvník* 1996: 768). Потом на основе такого образа возникает фразеологизм *Jidášův polibek*, который можно найти в большинстве европейских языков: в русском *поцелуй Иуды*, в чешском *Jidášův polibek*, в словацком *Judášov bozk*, в немецком *Judasküss* и в английском *judas kiss*.

То, что в основу данного фразеологизма лег возникший в воображении людей образ Иуды, который продал за тридцать сребренников своего учителя, подтверждается тем, что имя Иуда в многих языках употребляется для обозначения продажного человека. Русский фразеологизм *Иуда-предатель* переводится на польский язык только словом *judasz*, для русского фразеологизма *продажный как Иуда* предлагают английские словари, как правило, в качестве перевода выражение *be a Judas*. Украинский писатель Иван Франко, который является также автором собрания украинских пословиц, в своей знаменитой сказке «Лис Микола» характеризует своего героя словами:

так то нехрист, так то **Иуда**
патріот - у нього злюда
хто ж добра від нього ждав?
Знаю я його натуру.
Він царя б жидам шкуру
за свинини фунт продав (Иван Франко: Лис Микола)

В образе Иуды сказывается ещё одна тенденция в возникновении фразеологизмов - преобладание фразеологизмов с негативным значением, над теми, которых значение позитивно (Мокиенко 1997: 221, Степанова 1996: 66) Если вернуться к образу Иуды и подробнее исследовать его связь с Библией, можно обнаружить, что среди христовых апостолов были два апостола с именем *Иуда*, второй из которых был типично «положительным» человеком. Это, однако, не помешало тому, чтобы имя *Иуда* приобрело на основе Библии указанную негативную характеристику. Известность Иуды-предателя и частое употребление этого образа привело в чешском языке даже к тому, что его имя постепенно претерпело некоторые

фонетические изменения, типичные для чешского языка, из первоначального *Juda* превратилось в *Jidáš*. Вследствие этого процесса имена указанных двух апостолов стали отличаться: тот апостол, который предал Христа, имя которого встречается во фразеологии называется *Jidáš*, второй, имя которого встречается значительно реже, называется *Juda*.

Образы, заимствованные из Библии, в разных языках развиваются по-разному, возникшие на их основе фразеологизмы претерпевают разные изменения. Такие процессы нередко приводят к отличиям между фразеологическими фондами разных языков. Так, образ человека, бьющего себя в грудь, лёг в основу фразеологизма *бить себя в грудь*. Фразеологизм употребляется в значении: 'страстно уверять в искренности сказанного или сделанного, в своей честности', он возник на основе тех мест в Библии, где описываются обычаи самоистязаний по случаю смерти царей или родственников в древние времена (БМС 2005: 169). Этот фразеологизм вполне интернационален и встречается во всех исследуемых нами языках: чеш.: *bít se do prsou*; словац. *bit' sa do prs*; укр. *bitи себе у груді*; пол. *bić się w piersi*; англ. *beat one's breast*...

В польском языке этот образ, однако, получил дальнейшее развитие: возникает фразеологизм *Bić się / uderzać się / walić się w cudze piersi*, который, по данным словаря PWN, употребляется в значении 'zrzucić na kogoś winę' (электронный словарь PWN).

Кроме уже приведённого факта, что многие библейские фразеологизмы постепенно исчезают из языка, фразеологизмы библейского происхождения также претерпевают некоторые изменения, которые свойственны всему фразеологическому фонду. Л. Степанова, рассматривая эволюционные изменения фразеологического фонда чешского и русского языков, приводит среди количественных изменений два типа: «snížení počtu komponentů» и «zvýšení počtu komponentů» (Stěpanova 2004: 137).

На основе уже упомянутого образа первого человека возникает также интернациональный фразеологизм *начинать с Адама*: он имеет свои полные эквиваленты в чешском, словацком и украинском языках: чеш. *začínat od Adama*; слов. *začínat' od Adama*; укр. *починати від Адама*. Кроме того, на основе фр.

начинать с Адама эксплицированием возникла ФЕ *начинать с Адама и Евы*. В польском и немецком языках данный фразеологизм существует именно в этом варианте: пол. *od Adama i Ewy poczynać*; нем. *bei Adam und Eva anfangen*.

Тожественно и развитие другого фразеологизма, в основу которого легло библейское имя собственное *Адам*: выражение *гол (голый) как Адам и в костюме Адама* имеет такой же эксплицитный вариант: *голые как Адам и Ева*. В чешском, словацком, немецком и польском употребляется первый вариант данного оборота: чеш. *nahý jako Adam*; слов. *holý ako Adam*; пол. *w stroju Adama*; нем. *nackt wie Adam*. В украинском языке существует именно второй вариант: *як Адам и Єва* - выражение *як Адам и Єва в раю*, однако, имеет и другое значение - 'невинный, чистый'

В английском языке фразеологизм отсутствует.

Снижение числа компонентов произошло в случае русского библейского фразеологизма *око за око, зуб за зуб*. Приведённый фразеологизм имеет в этом своём полном варианте полные эквиваленты во всех исследуемых языках. На его основе в русском языке возникает «усечённый» вариант *зуб за зуб* с тем же значением: 'без всяких уступов друг другу в перебранке, ссоре, пререканиях, драке'. Такой фразеологизм встречается, кроме русского, только в украинском языке. Некоторые исследователи его, однако, библейским фразеологизмом не считают, связывая его происхождение с другим источником: оборот сопоставляют с выражениями, бытующими у охотников: *зев в зев*, т.е. когда собаки, бросаясь одна на другую, смыкают морду с мордой и задевают взаимно зуб за зуб (БМС 2005: 256). Однако, имплицитные варианты данного фразеологизма встречаются и в других языках; отличие здесь только в том, что усечению подвергается не первая, а вторая часть выражения - например в английском языке бытует выражение *an eye for an eye* - это может служить доказательством связи с Библией. Здесь мы имеем дело со своего рода вариантом схемы имплицирования контекст - фразеологическая единица, разработанной В. М. Мокиенко (Мокиенко 1980: 56). Контекст здесь сужается в библейскую притчу - как замечает Я. Складана, «klasickým príkladom implicitnosti sú podobenstvá» (Складана 2005: 243). Потом

притча сужается в бóльшую фразеологическую единицу, которая, в свою очередь, сужается в меньшую.

Следующие изменения, которые Л. Степанова приводит, это «*změny lexikálního složení z důvodu změny významu jednoho z komponentů*» (Stěpanova 2004: 147). Что касается причин такого изменения, автор приводит следующее объяснение: «*nahrazování komponentu je zpravidla způsobeno tím, že se pocituje mluvčími jako archaický, nebo je mylně chápán a záměna slova má zprůzračnit vnitřní obraz, který byl archaizací daného slova zamlžen*» (Там же). В книге среди примеров приводится фразеологизм *на тебе, небоже, что нам негоже*. В результате архаизации компонента *небог* выражение превращается в библейский фразеологизм - содержащий компонент *Бог* - *на тебе, боже, что нам негоже*.

«Случайно» попал в число библейских фразеологизмов и немецкий оборот *nach Bethlehem gehen*, который употребляется в значении 'ложиться спать'. Этот оборот, который В. Флайшер приводит в качестве примера языковой игры с именами собственными (Fleischer 1982: 102), основан на переключке слов *das Bett* - *Bethlehem* - конструкция до деталей аналогична словацкому *ísť do Spiša* и английскому *go to Bedford* (букв. "идти в Бетфорд", где *Betford* - название города). В некоторых случаях причиной расхождения являются изменения в семантике фразеологизма. О фразеологизме *дар божий* можно в словаре БМС узнать, что он употребляется в значении 'талант, дарование, врожденные способности' и что это выражение - «переосмысленное ст.-сл. *даръ отъ Бога*. Перифраза первоначально была обозначением хлеба. Встречается в Библии» (БМС 2005: 174). В польском языке существует тождественный фразеологизм *dar boży / Boży*, который отличается от русской ФЕ тем, что употребляется в первоначальном значении русского оборота - для обозначения хлеба. Такое изменение значения фразеологизма библейского происхождения не является исключением: Й. Млацек отмечает, что изменение в некоторых случаях связано именно со снижением известности Библии в социалистический период и в качестве примера приводит фразеологизм *bolo ich ako apoštolov*, значение которого из значения 'двенацать' обобщилось на значение 'много' (Mlacek 2007: 209-210).

Кроме приведённых причин, фразеологизмы возникают также на основе тех моментов библейских преданий, которые заинтересуют людей своей необычностью. Таким общим мотивом европейских фразеологизмов является мотив долголетия библейских персонажей. По библейской легенде, один из библейских персонажей, Мафусаил, прожил 969 лет. Существуют разные предположения относительно этой цифры - тем более что возраст многих ветхозаветных патриархов и других упоминаемых в Библии людей выглядит невероятным: Адам прожил 930 лет, Ной - 950, Иаред - 962 и т.п. Высказывалось мнение, что древние евреи годом называли лунный месяц и что эту цифру тем самым можно уменьшить в 12 раз (БМС 2005: 85). Кроме приведённого, существует ещё и другое толкование такого возраста - речь в Библии идёт не о отдельном лице, но о целой группе лиц, представителях нескольких поколений (Шнеебергер 2003). Первое толкование, однако, на наш взгляд, представляется более вероятным. Тем не менее, приведённые цифры стали причиной возникновения таких интернациональных фразеологизмов, как, например, ФЕ *стар как Мафусаил*. Кроме этого фразеологизма на основе долголетия библейских персонажей возникает целый ряд фразеологизмов, не имеющих эквиваленты в других языках, напр. *Аредовы веки*, *Адам сто лет жил и всё говорил я отдам*.

Из приведённых примеров можно сделать вывод, что вопрос интернациональности и неинтернациональности библейских фразеологизмов можно в большой степени решить при помощи их разделения на две группы: на центральные библейские фразеологизмы и библейские фразеологизмы периферийные (Степанова 2002: 43). Так, в разряд центральных фразеологизмов входят точные цитаты из Священного Писания, как например *легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, нежели богатому войти в царствие небесное*. Приведённый фразеологизм встречается в Евангелии от Матфея и Луки (Матфей 19: 24; Лука 18: 25) и имеет полные эквиваленты во всех исследуемых языках.

Такой же точной цитатой из Священного писания является ФЕ *всему своё время* - выражение из Ветхого Завета (Экклезиаст, 3, 1) (БМС 2005: 127). Фразеологизм имеет полные эквиваленты во всех исследуемых языках: чеш. *všechno má svůj čas*;

слов. *všetko má svoj čas*; пол. *wszystko ma swój czas*; англ. *everything has its time*; нем. *alles hat seine Zeit*; исп. *cada cosa en su tiempo*; итал. *ogni cosa ha il suo tempo*.

К центральным библейским ФЕ относятся также фразеологизмы *вавилонская башня* или *стар как Мафусаил*, возникшие на основе конкретных отрывков из Библии. К таким фразеологизмам относится также ФЕ *возвращение блудного сына*, которую можно встретить также во всех исследуемых языках: чеш. *návrat ztraceného syna*; слов. *návrat strateného syna*; пол. *powrót syna marnotrawnego*; укр. *повернення блудного сина*; англ. *return of the prodigal son*. Вместо слова *блудный*, которое встречается в близкородственных русском и украинском языке, в чешском, словацком, польском и английском употребляется прилагательное *расточительный*.

В других языках, однако, наблюдаются некоторые расхождения в компонентном составе: компонент *блудный* заменен словами с иным значением.

2.1.2.4. Неинтернациональность периферийных библейских фразеологизмов

Что касается периферийных библейских фразеологизмов, то сюда входят те ФЕ, которые связаны с Библией только косвенно. Примером здесь может служить как приведённая выше фразеологическая единица *как на Иордани* (смотри выше), так и множество ФЕ, содержащих слова *Бог*, *ангел*, например: *тихий ангел пролетел*, *ангел без крылышек...*, *чем Бог послал*, *как Бог свят* или фразеологизм *вавилонь строить*, который в русском языке употребляется в значении 'чудить, вести себя экстравагантно, странно'. О его происхождении в словаре БМС можно узнать, что происхождение фразеологизма связывают с библейским источником. Жители земли, размножившись после потопа и дойдя до полного нравственного развращения и потери страха перед Богом, стали строить город Вавилон и в нём - башню высотой до неба. Само слово *вавилон*, *вавилонь* стало означать «запутанный узор», «лабиринт» (БМС 2005: 77).

Хотя многие из таких фразеологизмов имеют свои эквиваленты в других языках, отличия в них встречаются намного чаще. Некоторые из них связаны с Библией только одним из компонентов, например фразеологизм *выписывать вавилонь*, который употребляется о человеке, идущем шатающейся, нетвёрдой походкой, выписывающего ногами зигзаги. Этот фразеологизм, конечно, не имеет

эквивалента ни в одном из исследуемых языков. Он основан на вышеприведённом значении слова *вавилон*: «запутанный узор», «лабиринт».

Что касается первого приведённого периферийного фразеологизма - выражения *тихий ангел пролетел*, то оно по своему происхождению вообще не связано с Библией - фразеологизм - выражение из стихотворения В. Д. Жуковского «Две были»: Все молчали: как будто тихий ангел пролетел (БМС 2005: 24). Этот фразеологизм, разумеется, следует отнести к собственно русским библейским фразеологизмам.

Со словом *Бог* в словаре русских сравнений встречается 24 фразеологизма, в русско-чешском фразеологическом словаре Л.И.Степановой 49 оборотов, из которых только 28 имеет в чешском языке эквивалент со словом *Бог*, кроме того можно, как в рамках одного языка, так и сравнивая межъязыковые эквиваленты фразеологизмов с приведённым компонентом, наблюдать замену компонента *Бог* компонентом *чёрт - бог знает - Bůh ví / čert ví*.

2.1.2.4.1. Связь периферийных фразеологизмов с наименованиями реалий из русской жизни

Многие периферные библейские фразеологизмы содержат в своей основе реалии из русского быта и поэтому не могут иметь эквиваленты в других языках. Кроме уже приведённой и рассмотренной с точки зрения происхождения ФЕ *как на Иордани*, которая, разумеется, не имеет эквивалента ни в одном из исследуемых языков, рассмотрим ещё два собственно русских библейских фразеологизма, которые связаны с Библией лишь косвенно и в основу которых легли образы, характерные только для России. Первым из таких ФЕ является фразеологизм *привести к Иисусу*. Этот устарелый оборот употреблялся в значении 'привлекать кого-л. к суровому наказанию, ответу (обычно - в угрозу)'. Происхождение оборота связывают с именем С. И. Шешковского, главного распорядителя тайной канцелярии розыскных дел при Екатерине II. Став во главе политического управления и пользуясь доверенностью императрицы, он сделался грозой для всех из-за своего грубого и неумолимого нрава. На допросах применялись всевозможные истязания. По преданию, та комната тайной канцелярии, где Шешковский проводил допросы, вся была увешана иконами. Вопросы, обращаемые к жертве, он оснащал текстами

из Священного Писания, а когда раздавались стоны, вопли и мольбы о пощаде, российский инквизитор начинал читать акафисты Божьей матери или «Иисусу сладчайшему, души утешению, Иисусу многомилостивому...» Это и привело к образованию оборота (БМС 2005: 271). Из такого объяснения ясно, что фразеологизм нельзя найти ни в одном из исследуемых языков (в христианской среде, однако, бытует омонимичный оборот чеш. *přivést k Ježíši* словац. *priviesť 'k Ježišovi* англ. *bring to Jesus* со значением 'привлечь к христианству, сделать верующим', который можно найти в многих европейских языках *Aj ja môžem priviesť k Ježišovi ľudí, ktorí sú drahí môjmu srdcu. Ako často tak robím? Koho by som mu chcel najviac zveriť? Verím, že Ježiš môže všetko?*

Talk about friends they would like to **bring to Jesus**—to. church. Who are they? How do the children know them? Why would they like to invite them to church? (из интернета).

2.1.2.4.2. Периферийные фразеологизмы с именами собственными

К периферийным библейским фразеологизмам можно отнести и те ФЕ, которые содержат имена библейских персонажей, но не связаны непосредственно с Библией (смотри подробнее Stěpanova 2004:41). По данным статьи "*Propria ve frazémeh a příslovích*", имя библейского персонажа Иуды встречается в собрании паремий Челаковского шесть раз, имя *Павел* тоже шесть раз (Štánek 2003:63). Судя по этим подсчётам, библейские имена в формировании фразеологизмов были очень продуктивными.

Второй из фразеологизмов, который мы собираемся рассмотреть, относится именно к группе таких оборотов: речь идёт о фразеологизме *всяк Еремей про себя разумей*, в котором Еремей - обозначение праздника на Руси. Этот фразеологизм употребляется в значении: 'Каждому следует знать, когда и что ему нужно делать; необходимо поступать по собственному усмотрению'. По данным словаря БМС, эта пословица собственно русская, образованная от более пространной - *Всяк Еремей про себя разумей: когда сеять, когда жать, а когда снопы вязать*.

Пословица связана с праздниками в честь пророка Иеремии (Еремея), которых в году бывает шесть. Дни этих праздников обычно совпадают с началом каких-то полевых работ (БМС 2005: 251).

2.1.2.4.3. Отличия в вероисповедании как причина отличий во фразеологии

Неинтернациональность некоторых библеизмов можно связать с отличиями в вероисповедании: фразеологизм *обрадоваться как Христову дню* содержит в своей основе православное название Пасхи. Ещё более наглядным примером может служить фразеологизм *кричать как оглашенный* - он обозначает бестолковое, бессмысленное, шумное поведение. Слово *оглашенный* в церковно-славянском языке означало *названный*. Оглашенными назывались язычники, решившие креститься в православную веру, но ещё не прошедшие обряд крещения. Они имели право присутствовать на богослужении, но во время литургии после слов дьякона «оглашенные, изыдите» должны были немедленно удалиться из храма, пробираясь через ряды молящихся (БМС 2005: 488). В русском языке данная ФЕ имеет целый ряд синонимов с тождественной конструкцией: *кричит как безумный / бешенный / иступленный / невменяемый / недорезанный / ненормальный / обалделый / полоумный / сумасшедший / угорелый* (Мокиенко 2003: 545). Эта ФЕ собственно русская и никаких библейских эквивалентов ни в одном из исследуемых языков не имеет.

2.1.2.4.4. Причины сходств в группе периферийных фразеологизмов

Существование эквивалентов к периферийным русским фразеологизмам библейского происхождения можно, на наш взгляд, объяснить двумя фактами:

1) возникновением сходных библейских фразеологизмов в разных языках независимо друг от друга и 2) их миграцией из языка в язык.

Как уже было сказано выше, библейские фразеологизмы часто переходят из языка в язык калькированием, но путь их миграции можно проследить очень редко - исключением являлся приведённый выше фразеологизм *Ноев кочег*, который исследователи русской фразеологии считают калькой с французского. Сходна ситуация с фразеологизмом *мёртвая буква*, который употребляется о формальной, внешней стороне какого-то дела.

Что касается его происхождения, по данным словаря БМС, существуют две версии:

1) оборот относится к библейскому источнику. В 3-ей главе Второго послания апостола Павла к Коринфянам говорится: «Буква мёртвая, но дух животворит»; 2) оборот считают калькой с фр. *lettre morte*, возникшего в XIX в., и связывают его с

представлением каббалистов (сторонников мистического течения в иудаизме) о том, что Бог на Синае раскрыл Моисею дух закона, предназначенный для избранных, и букву закона для народа, в которой тёмная сущность скрыта под оболочкой, внешностью слов (Послание к Римлянам 3, 190) (БМС 2005: 70).

Фразеологизм отсутствует в чешском и словацком языках, но его можно найти в английском *dead letter*, польском *martwa litera*, и украинском *мертва буква*. Большое влияние французского языка на английский известно - ещё в 16 веке 60 процентов словарного запаса английского языка составляли французские слова (по данным лекций о историческом развитии чешского языка). Что касается польского языка, то польская исследовательница библейских фразеологизмов и фразеологизмов, возникших на основе античной мифологии, Анастазия Олеськевич отмечает большое влияние французского языка на польский, причём приводит тот факт, что на чешский язык, в отличие от польского, оказал большое влияние немецкий язык, и большинство чешских фразеологизмов этой группы пришло в чешский язык из немецкого (Oleśkiewicz 2007: 36). Следовательно, можно предположить, что указанный оборот попал не только в русский, но и в польский язык калькированием из французского и поэтому в польском языке существует его полный эквивалент. Что касается украинского языка, можно предположить влияние русского или польского языка.

Эти ФЕ, однако, не относятся к разряду периферийных библейских фразеологизмов.

Примером возникновения периферийных библейских фразеологизмов в разных языках является фразеологизм *как у Христа / Бога за пазухой*, который употребляется в значении 'быть счастливым, жить без забот, в безопасности'. Фразеологизм существует во всех исследуемых славянских языках: чеш. *jako u rána Boha za kamnu*; слов. *ako v rána bohovom lone*; пол. *jak u rana Boga za pazuchą*; *jak u Rana Boga za pięset*; укр. *как у Бога за пазухою (за дверями, за рамкой)*. Как видно из приведённых примеров, фразеологизм построен на общем для славянских народов представлении о надёжном месте укрытия, и о Боге, защищающем человека.

2.1.2.5. Экстралингвистические причины популяризации библейских фразеологизмов

Популяризации некоторых библейских оборотов или их конкретной формы иногда в некоторой мере помогают экстралингвистические причины. Такую ситуацию Л. Степанова описывает в связи с фразеологизмом *взявшие меч мечом погибнут* «в русском языке благодаря фильму "Александр Невский" эти слова более известны в том варианте, в котором их произносит в фильме князь Александр Ярославич: <...>. *Кто с мечом к нам войдёт, от меча погибнет. На этом стояла и стоит русская земля* (цит. по: Степанова 1997: 240). Фразеологизм *гроздь гнева*, который восходит к Библии, распространился также благодаря одноименному роману Дж. Стейнбека "The grapes of Wrath" (БМС 2005: 168).

2.2. Античные фразеологизмы

2.2.1. Возникновение и распространение античных фразеологизмов

Античные фразеологизмы - это группа фразеологических единиц, возникших на основе древних античных мифов. Они составляют довольно многочисленную группу оборотов, чаще всего книжных. В русский язык они попадали чаще всего в XVIII веке, когда резко увеличился интерес к античности. Большинство из них возникло, как и в случае библейских фразеологизмов, калькированием оборотов с греческого и латинского языков.

Наглядным примером всех вышеприведённых фактов служит пословица *дым отечества нам сладок и приятен*. В словаре БМС о ней можно узнать, во-первых, то, что её употребление книжное. Она употребляется в значении 'на родине все дорого, всё мило - даже неприятные вещи' и, по данным этого словаря, пословица восходит к латинской пословице *Et fumus patriae dulcis; dulcis fumus patrie* (букв. «и дым отечества сладок; дым отечества сладок»). Аналогичные выражения встречаются и у Гомера в «Одиссее». В русском языке эта пословица появляется, видимо, в 70-е г. XVIII в., когда в России увеличивается интерес к античности (БМС 2005: 214).

Доказательством калькирования с латинского языка служит и пословица *истина в вине*. Она существует во всех исследуемых нами языках в форме полных

эквивалентов: чеш. *ve víně je pravda*; слов. *vo víne je pravda*; пол. *prawda w winie*; укр. *істина у вині*; англ. *in wine there is the thruth*; нем. *in Wein ist Wahrheit*; исп. *en el vino esta le verdad*; ит. *la verita é nel vino / nel vino sta la veritá*.

Источником пословицы является афоризм греческого поэта Алкея: «Вино - милое дитя, оно же - правда». Кратко сформулировал эту мысль римский писатель и учёный Плиний Старший (23 или 24-79 гг. н.э.) в «Естественной истории» «*In vino veritas*» (БМС 2005: 274). Пословица употребляется в двух основных значениях: 1) пьяный, как принято считать, говорит правду; 2) *ирон.* говорится как оправдание пьянству.

Доказательством латинского происхождения оборота является тот факт, что она до сих пор часто цитируется по-латыни. Так, например, когда одна из словацких радиостанций проводила конкурс, суть которого состояла в том, что слушатель должен был ответить в течение минуты на 10 нетрудных вопросов типа: как называется столица Японии, среди вопросов появился и вопрос: что значит латинская пословица *in vino veritas*? (записано в январе 2008). Это доказывает известность латинского прототипа.

Кроме того, как и библейские фразеологизмы, античные фразеологизмы также часто переходили из языка в язык, причём, как мы покажем на фразеологизме *бояться своей тени*, этот процесс был настолько сложным, что «уже невозможно проследить путь миграции» (Stěpanova 2004: 248).

Существуют, однако, некоторые исключения, которые можно привести в качестве примера миграции фразеологизмов античного происхождения.

Так, фразеологизм *золотой дождь*, по данным словаря БМС, связан с древнегреческим мифом о Зевсе. Пленившись красотой Данаи, дочери агросского царя Акрисия, Зевс проник к ней в виде золотого дождя и оплодотворил её. Русское выражение - калька с немецкого *Goldregen* (БМС 2005: 194).

В упомянутое время, когда в русском языке повышался интерес к античности, попал из немецкого языка в русский и фразеологизм *деловой бездельник*: выражение встречается у разных древних авторов, например у Аристофана (ок. 446 - 385 до н. э.) у Горация и других. Эта антитеза вслед за античной литературой была освоена и мировой литературой нового времени. Родоначальник датской

литературы Л. Гюбберга (1684-1754) - автор комедии «Деловой бездельник», в подражание которой в Германии в 1743 г. появилась под тем же названием комедия И. Шлегеля (1718-1749). В русском языке с XVIII в., калька с немецкого (БМС 2005: 47). Фразеологизм употребляется в значении ‘человек, создающий видимость активной занятости делом, но на самом деле не работающий’. Его происхождение доказывает интерес к античности не только в России, но и в других странах мира. (В связи с таким описанием происхождения фразеологизма можно констатировать одну причину отличий в составе античных фразеологизмов в разных языках - влияние литературы. Так, в связи с немецким фразеологизмом *jdm Hekuba sein* (который соответствует русскому *что мне Гекуба*) отмечает К.Мюллер, что фразеологизм возник на основе “Гамлета” Шекспира (Müller 2003: 241).

Кроме немецкого, в упомянутый период на русский язык оказывал огромное влияние французский язык. Как и в случае библейских фразеологизмов, и фразеологизмы античного происхождения часто попадали в русский язык именно посредством французского. Как и в случае фразеологизма *Ноев ковчег* среди библейских фразеологизмов, и в отношении фразеологизма античного происхождения *кожа да кости* в словаре БМС встречаются два не исключаящих друг друга толкования его происхождения: 1) выражение имеет аналоги в древних языках, употребляется античными писателями - Феокрытом, Плавтом, Горацием, Овидием и др.; 2) выражение, вероятно, калька с фр. *la peau et les os*.

Идентичные выражения употреблялись в древней Греции и Риме (БМС 2005:310).

Фразеологизм употребляется об очень худом, крайне истощенном, изможденном человеке и имеет эквиваленты в чешском (*kost a kůže*), словацком (*kost' a koža*), польском (*skora a kości*) английском языке (*nothing but skin and bones*).

Такая же ситуация с фразеологизмом ФЕ *бояться своей тени*, который употребляется о крайней степени трусости, необоснованного страха.

Оборот является калькой фр. *avoir peur de son ombre*. Он восходит к одному с фрагментов комедии Аристофана (ок. 415 - ок. 385 до нашей эры). Это буквальный перевод греческого выражения: *ten heaytoy skian dedoiken*.

Приводится Платоном: *antonius umbram suam metuit* (БМС 2005: 698). Это значит, греческое выражение было калькировано латинским, отсюда попало во французский, а затем в русский.

Фразеологизм встречается и в других языках, например чеш. *bát / lekat se i vlastního stínu*; слов. *bát' sa vlastného tieňa*; нем. *Angst von eigenen Schatten haben*; англ. *be afraid of one's shadow*.

Из французского в русский язык пришло и выражение *жрица Венеры*, которое употребляется в значении ' женщина лёгкого поведения, гетера'.

2.2.2. Причины интернациональности / неинтернациональности античных фразеологизмов:

2.2.2.1. Миграция античных фразеологизмов

Миграция фразеологизмов античного происхождения может привести к отличиям в их составе в разных языках из-за отличий в языковых контактах. Кроме того, после попадания в разные языки, фразеологизмы часто претерпевают разного рода изменения, по-разному актуализируются, что нередко приводит к отличиям в их компонентном составе в разных языках: «v důsledku toho, že si antické frázeology osvojoval každý jazyk zvlášť a v těchto jazycích existovaly dlhou dobu, mohou tato rčení získat určité specifické rysy (Stěpanova 2004:65).

Хороший пример своего рода «приспособления» фразеологизма к реалиям страны, можно найти в немецком языке, где из латинского прототипа *no omnes qui haben citharam, sunt citharo edi* возникает целый ряд устойчивых выражений с тем же значением: *es sind nicht alle Jäger, die das Horn blassen* (букв. не все охотники, кто дует в рог); *es sind nicht alle Köcher, die lange Messer tragen* (букв. не все повара, кто носит долгий нож); *es sind nicht alle Heilige, die in die Kirche gehen* (букв. не все святые, кто в церковь ходит); *es ist nicht jeder ein Schmied, der ein Schurzfell trägt* (букв. не все кузнецы, кто носит фартук).

Если в комедии Плавта, например, встречается выражение "*tunica proprior palio*", которое, если его буквально перевести, звучит 'туника ближе к телу, чем плащ', то в русском языке постепенно возникает выражение *своя рубаха ближе к телу*. И если рассмотреть эквиваленты этого выражения в чешском, словацком и немецком (в английском языке фразеологизм отсутствует), то они окажутся только

относительными эквивалентами как русского оборота, так и оригинального латинского выражения. В немецком языке, например, данный фразеологизм встречается в следующем варианте: *das Hemd ist mir näher als der Rock* (букв. "рубашка мне ближе юбки"). В. Флейшер, на которого мы ссылались уже неоднократно, упоминает этот фразеологизм именно в связи с варьированием фразеологизмов античного происхождения (Флейшер 1982: 82).

В чешском языке Л. Степанова приводит в качестве примера «*změny lexikálního složení z důvodu změny významu jednoho z komponentů*» (Stěpanova 2004: 145) именно этот фразеологизм. Оказывается, в чешском языке существовал полный эквивалент немецкого выражения - *bližší košile než sukně*. В немецком языке фразеологизм до сих пор остается в изначальном виде, однако является для современных немцев не вполне прозрачным и нуждается в этимологическом комментарии (Müller 2003: 242). В связи с упомянутой выше миграцией фразеологизмов античного происхождения нельзя исключить, что в чешский язык данный оборот пришёл из немецкого. Указанный вариант был, однако, устарелым уже при Коменском (Stěpanova 2004: 145). В современном чешском языке рассматриваемый фразеологизм существует в форме *bližší košile než kabát*, тождественный вариант существует в словацком языке: *bližšia košeľa ako kabát*.

2.2.2.2. Различное развитие фразеологизмов в отдельных языках

Фразеологизмы античного происхождения претерпевают такие же изменения, которые свойственны фразеологизмам других групп, что также может привести к отличиям между такими фразеологизмами в разных языках. Так, в соответствии с потребностью в экспрессивности во фразеологии возникает к фразеологизму *беден как Ир* вариант *беднее Ира*; из-за тенденции к имплицитности, вызванной избыточностью семантической информации (Мокиенко 1980: 98), возникает из сравнения *как Янус двуликий* сравнение *как Янус*.

Стоит рассмотреть также фразеологизм *авгиевы конюшни*, который употребляется в трёх основных значениях: 1) о сильно загрязненном, засоренном, захламленном месте (в результате долгого небрежения) помещении, где царит полный беспорядок; 2) о каком-либо учреждении, организации и т. п., где царит беспорядок

и хаос, полная неразбериха в ведении дел; 3) о сильно запущенных делах, беспорядочном скоплении бумаг, документов и т. п. (БМС 2005: 337).

Как замечает А. Олеськевич, большинство фразеологизмов библейского и античного происхождения - фразеологизмы субстантивные, к которым потом возникают глагольные варианты, «*najczesciej za pomoca czasownika być: być chlebem powszednim, być czyją pietą Achillessa, być arką przymieza, ale tez przy pomocy innych czasownikow przeciać / rozcać / rozsypać / rozwiązać węzeł gordyjski, polozyć / postawić kamień węgielny, stać się kamieniem węgielnym, otworzyć puszkę pandory* (Oleśkiewicz 2007: 64).

На основе данного выражения возникает его глагольный вариант *расчищать / расчистить / вычищать / вычистить авгиевы конюшни*, у которого тоже три основных значения: *книжн.* 1) с большим усилием наводить порядок в сильно загрязнённом, засоренном, захламленном месте, помещении; 2) наводить порядок в каком-л. учреждении, организации и т.п., где царит беспорядок и полная неразбериха в ведении дел; 3) приводить в порядок, рассортировать бумаги, скопившиеся в беспорядке (БМС 2005: 337).

Это выражение тесно связано с древнегреческой легендой о шестом из двенадцати подвигов Геракла, которую впервые записывает римский историк Диодор Сицилийский. В стране Элиде жил могущественный царь Авгий, сын бога Солнца Гелиоса. На своем скотном дворе он держал удивительных по красоте и силе быков, подаренных ему отцом. Этот скотный двор не убирался в течение многих лет. Очистить его смог только Геракл - он разрушил с двух сторон стену, окружавшую двор, отвел туда воду двух полноводных рек-Алфея и Пенея. Вода унесла весь навоз в один день. Выражение «скотный двор» было при калькировании на русский язык переведён неточно словом «конюшни» (БМС 2005: 337).

В компонентном составе данного фразеологизма, однако, наблюдаются некоторые отличия: слово *конюшни*, которое встречается в русском, украинском (*augievi stajni*) и польском (*stajnia augiaszowa*) вариантах фразеологизма; в чешском и словацком заменено словом *chlév / chliev: augiášův chlév / augiášov chliev*.

Как отмечает Л. Степанова: „ zřejmě při přebírání tohoto frazému zvolily ruština i čeština různé lexémy s přihlédnutím k tomu, které byly v období převzetí frekventovanější. V češtině například je substantivum *chlév* aktivnější ve tvoření frazémů a je komponentem rčení s blízkým významem, srov. *je tam jako ve chlévě, udělat chlívek někde* aj.“ (Степанова 2004: 66). То же самое можно сказать о словацком языке, что косвенно доказывает Й. Млацек, который в упомянутом компоненте видел проблему в проникновении фразеологизма *takú radu za chliev kladú* в литературный язык (Млацек 2007: 88). Дело в том, что слово *chliev* само по себе служит очень экспрессивным, даже грубым описанием места, в котором царит полный беспорядок. Поэтому его употребление в составе фразеологизма *augiášov chliev* способствует расширению его образного потенциала, а тем самым и экспрессивности. Слово *хлев*, имеет, кроме того, очень негативную оценку и в других языках, само по себе обозначая грязное место, где царит полный беспорядок:

- а что, супруга опять к вам возвратится?

Чего-с? - сильным голосом спросил дьякон.

Супруга, говорю, возвратится к вам?

А зачем ей в этом хлеву быть, позвольте узнать?

Вы, значит, это её колотили, чтобы она в хлеву не была? Значит, из хлеву гнали по шее-то её?

(...)Платье на жене - хуже грязной тряпки. В чаю волосы попались, кровать - и не говори. Вижу, действительно свиной хлев.

(Успенский: Неизлечимый)

Доказывают это также устойчивые сравнения, такие как *как хлев коровий*; *как в хлебу* ‘об грязном, запущенном, неубранном и неуютном помещении’; *вонь / воняет как в хлеву* ‘о помещении со спертым воздухом и резким, неприятным запахом’ (Мокиенко 2003: 464). Почти тождественные устойчивые обороты встречаются и со словом *конюшня*: *как конюшня*; *грязно как в конюшне*; *вонь / воняет как в конюшне* (Там же: 184).

Если рассмотреть данный фразеологизм в неславянских языках, ситуация окажется ещё более запутанной: в немецком данный фразеологизм существует в варианте *Augiasstal*. Интересным с точки зрения образности является тот факт, что в немецком языке слово *хлев*- *Schweinstall* (букв. свиарник) употребляется также в

значении 'грязного места, места, где царит беспорядок' Frauen hinterlassen die Küche eher wie ein Schweinstall als die Männer. Die Männer sind cool, wenn sie kochen und das Essen braten eine Zeit lang, waschen sie nebenbei noch das Geschirr und räumen auf (из чата арабской коммуны, живущей в Германии), (соответствующее сравнение существует и в русском), однако во фразеологизме присутствует слово *конюшня* - *Stall*. Немецкие толковые словари греческой мифологии объясняют, что Геракл очистил *Rindstall* (букв. конюшня), и это слово иногда заменяют просто словом *Stall*, отсюда и соответствующее русскому выражение. И так как некоторые двуязычные словари приводят к чешскому слову *chlév* как возможный перевод слова *Stall*, можно назвать его и полным эквивалентом чешского.

В английском языке существует эквивалент *Augean stable* - слово *stable* в переводе обозначает конюшню, но употребляется и для обозначения хлева, так как слово *pigsty* - 'хлев' в английском языке используется крайне редко. Рассмотренный фразеологизм - пример того, каким образом языки осваивают и развивают античные сюжеты, так как древнегреческие историки, как например Паузаний описывают только то, что Геракл очистил «место с навозом» не называя его *скотным двором*, т.е. приводят общее значение.

Кроме того, что язык, в который фразеологизм попадает, может оказать на него влияние и способствовать изменению его компонентов, как это было в приведённом случае, он может также способствовать большему распространению оборота. О фразеологизме *держат змею за пазухой*, который является поистине интернациональным и его присутствие в разных языках не вызывает никакого удивления, в словаре русской фразеологии БМС можно прочитать: «выражение из древнегреческой притчи о землепашце, который нашёл замерзшую змею и положил её к себе за пазуху. Отогревшись, она ужалила своего спасителя. В русском языке она приобрела популярность благодаря русской народной речи, где уже существовали обороты *выкормил змейку на свою шейку* и *запазушная змея*» (БМС 2005: 252). В словацком языке ситуация была, как кажется, тождественной: Я. Складана отмечает, что в словацком языке существовал фразеологизм *púšťat' si zmižu do pazuchy* (Skladaná 1993: 73).

Как уже было сказано, фразеологизм существует во всех исследуемых языках: чеш. *hřát si hada na prsou*; словац. *chovat' si hada na prsiach*; пол. *hodować zmię na piersi*; укр. *ві́годувати / відігрі́ти змію́ бі́ля / коло (свого)́ се́рця / за на́зуюю*; англ. *warm a snake in one's bosom*; нем. *eine Schlange am Busen nähren*; в испанском языке нам удалось найти только аналог не античного происхождения *dar de comer al diablo* (букв. 'угостить чёрта'); ит. *allevarsi la sepre in seno*.

2.2.2.3. Различное развитие образа

Описывая библейские фразеологизмы, мы уже отмечали, что первоначально языком в некоторых случаях осваивается образ, на основе которого после возникает фразеологическая единица. Тожественный процесс можно наблюдать также в группе античных фразеологизмов. Лучшее доказательство такого процесса - фразеологические сравнения, в которых встречаются имена собственные, взятые из мифов антики. Примером могут служить русские сравнения со словом *сирена* - в словаре русских сравнений можно найти четыре таких оборота: *как сирена* 'о соблазнительной, сексуальной женщине'; *обольщать как сирена* 'о женщине, энергично, изобретательно и ухищренно соблазняющей какого-л. мужчину'; *опасен как сирена* 'об опасном своими речами и писаниями человеке'; *сладкогласен как сирена* 'о наделённом даром красноречия ораторе или талантливом сочинителе' (Мокиенко 2003: 388). Опять можно, как доказывают приведённые примеры, видеть в освоении образа одну из причин отличий.

Разница в специфике освоения вообще встречается чаще всего в группе библеизмов и античных фразеологизмов с собственными именами, представляющими собой определённые символы. Символами во фразеологии занимается, кроме других, М. Янковичова, которая отмечает, что „для символов характерно, что они, как правило, не связаны с одним значением, а с двумя или несколькими значениями, и что находятся между собой в определенных системных отношениях“ (Янковичова 2001: 422). Цитируемая статья, к сожалению, не рассматривает библейские и античные символы, ссылаясь на то, что „панъевропейский характер русских фразем, в компонентном составе которых они встречаются, очевиден“ (Там же).

Как и в случае библейских фразеологизмов, так и здесь можно наблюдать ситуацию, когда один и тот же образ, усвоенный разными народами, приводит к

возникновению разных фразеологических единиц. Одним из таких вполне интернациональных образов является образ Аргуса. На основе мифа о Аргусе в русском языке возникает собственно русская ФЕ *аргус стоокий*. Она не имеет эквивалентов ни в одном из исследуемых языков. Однако, на основе данного образа возникает ещё одна фразеологическая единица - *глаза Аргуса*, которую можно найти в чешском, словацком, польском и немецком языках: чеш.: *argusovo oko*; слов. *argusovo oko*; пол. *argusowe oczy, argusowe oko*; нем. *Argusaugen*.

Она употребляется о чьих-л. зорких, подозрительных, неусыпно стерегущих кого-л. глазах, причём, например в немецком языке, в отличие от большинства фразеологизмов античного происхождения, ФЕ употребляется довольно часто. Так, в новостях одной из немецких телестанций можно было услышать 12.4.2007, что выполнение политических обещаний *wird mit Argusaugen beobachtet* 9 (за этим будут наблюдать глаза Аргуса).

Во фразеологию разных народов попало и имя бога вина и веселья у древних греков и римлян Бахуса - о его известности свидетельствует, между прочим, факт, что изображение этого бога можно найти во многих винотеках.

В русском языке на основе этого образа был создан фразеологизм *быть под Бакхусом*, который употребляется в значении 'быть навеселе, пьяным' (сравни распространённую фразеологическую модель *под градусом; под мухой; под шофе / шефе* с тем же значением), далее *поклонник Бахуса*; в чешской ФЕ *holdovat Bakchovi*; в немецкой *glücklich, wie Bakchus auf dem Fass sein* (фразеологизмы с абсолютно разными значениями: ФЕ *holdovat Bakchovi* употребляется в значении 'пить вино', немецкая ФЕ *glücklich, wie Bakchus auf dem Fass sein* (букв. "быть счастливым как Бахус на суду") в значении "быть очень счастливым"). В английской и словацкой фразеологии этот образ отсутствует.

Другим таким ярким примером является символ сфинкса. В греческой мифологии Сфинкс - чудовище с лицом и грудью женщины, туловищем льва и крыльями птицы, обитавшее на скале около города Фивы. Сфинкс подстерегал путников и загадывал им загадки, умертвляя тех, кто их не разгадывал. Когда же фивантский царь Эдип разгадал заданные ему загадки, чудовище лишило себя жизни. (БМС 2005: 232). Русская фразеология взяла из указанного повествования именно образ

загадки, которую сфинкс загадывал: в русском языке существует ФЕ *загадка сфинкса*.

Фразеология чешского и словацкого языка отражает другой образ - молчаливость сфинкса во фразеологизмах *mlčet jako sfinga, mlčat' ako sfinga*. В английской фразеологии нам образ сфинкса найти не удалось, немецкий язык создал на основе поветствования о сфинксе ФЕ, отражающую её таинственность- *rätselhaft wie eine Sphinx sein*. Таким образом, во всех языках возникли собственные, безэквивалентные фразеологизмы на основе одного и того же символа, но с разным его освоением. Своеобразие восприятия античных символов русским народом способствовало возникновению таких античных ФЕ, как: *хитроумный Одиссей, работа Данаид, работа Пенелопы, узы Гименя, парнасский конь, век Астреи* и многих других, которые, в результате особой рецепции каждым языком символа, являются неинтернациональным.

Что касается частоты употребления античных фразеологизмов, то можно сказать, что она до того низка, что большинство фразеологизмов античного происхождения большинство говорящих не знает вообще. По результатам опроса, который мы провели в одной словацкой средней школе, фразеологизм *Scylla a Charybda* вышел из употребления до такой степени, что не только ни один из учащихся, но даже учитель словацкого языка не был способен описать его значение. Учащимся были в большинстве случаев неизвестны и такие выражения, как *человек человеку волк* или *троянский конь*. Это подтверждает факт, отмеченный Й. Млацеком, что сокращается количество активно употребляющихся фразеологизмов (Mlasek 2007: 320). Во время поисков эквивалентов к русским фразеологизмам античного происхождения мы сталкивались с большими трудностями, так как античные фразеологизмы в последнее время, за редкими исключениями, почти не фиксируются в словарях. Почти единственным употреблением фразеологизма *кануть в Лету*, на которое мы до сих пор наткнулись, было его употребление в статье А.Н.Шустова о происхождении русского фразеологизма *золотой век*:

Скорее всего в русском языке надолго останутся лишь традиционные золотой и серебряный (может быть ещё железный) века, а остальные канут в Лету как любопытные авторские неологизмы

(Н.А.Шустов: от золотого века до глиняного)

В интернете удалось встретиться с данным выражением редко, в подавляющем большинстве случаев в заграничных веб-страницах:

Подорожать должен также столичный общественный транспорт. Подсластить горькую пилюлю должны обещания установки новых светофоров для пешеходов, расширения числа специальных полос движения для автобусов и права приоритета трамваев. Однако городские власти не приняли никакого обязывающего их документа. Как пишет «PRAVO», обещания могут «кануть в Лету» сразу после нового года. Результат – в Праге с каждым годом увеличивается число тяжелых ДТП, а горожане все чаще жалуются на пробки, в которых простаивает пассажирский транспорт.

Подорожать должен также столичный общественный транспорт. Подсластить горькую пилюлю должны обещания установки новых светофоров для пешеходов, расширения числа специальных полос движения для автобусов и права приоритета трамваев. Однако городские власти не приняли никакого обязывающего их документа. Как пишет «PRAVO», обещания могут «кануть в Лету» сразу после нового года. Результат – в Праге с каждым годом увеличивается число тяжелых ДТП, а горожане все чаще жалуются на пробки, в которых простаивает пассажирский транспорт.
<http://www.radio.cz/cz/clanek/98005/limit>

Любимый лозунг Минздрава - "Курение вредит Вашему здоровью" - может кануть в Лету. Ученые изобрели сигареты, которые не вредят ни самому курильщику, ни окружающим. Любимый лозунг Минздрава - "Курение вредит Вашему здоровью" - может кануть в Лету. Ученые изобрели сигареты, которые не вредят ни самому курильщику, ни окружающим.
<http://readme.es/?act=vote&id=648745>

Исключением, что касается малой частоты употребления является, например, фразеологизм *жизнь-борьба*, который можно найти во всех исследуемых языках: чеш.: *život je boj*; слов. *život je boj*; пол. *życie ludzkie jest ciągłą walką*; укр. *життя - це боротьба*; англ. *life is a battle*; нем. *Leben ist ein Kampf*; исп. *la vida es una lucha*; ит. *la vita é una continua battaglia*.

2.3. Кальки и полукальки

Фразеологические кальки представляют собой довольно многочисленную группу, что отмечает уже В. Н. Телия, которая пишет: «фразеологический состав, как и лексика языка, включает огромное число заимствованных оборотов» (Телия 1975: 25). Этот факт отмечают и уже упомянутые Н.Д.Фомина и М.А.Бакина, которые, кроме того, отмечают их роль в формировании интернационального фразеологического фонда разных языков: «значительную группу русской фразеологии составляют фразеологизмы, заимствованные или калькированные из других языков. Среди них - фразеологизмы, ставшие интернациональными» (Фомина, Бакина 1985: 25). Русский язык также расширил состав интернациональных фразеологизмов, например, введя фразеологизм *потемкинские деревни* и фразеологизм *мёртвые души*. Первое выражение связано с именем князя

Г. А. Потемкина, государственного деятеля времён Екатерины II. Императрица после присоединения Крыма к России совершила в 1787 г. поездку по Новороссии. По рассказам иностранцев, чтобы показать ей процветание доверенного ему императрицей края, Потёмкин приказал построить на пути её следования в Крыму бутафорские, показательные селения с расписными избами. Эти деревни и получили название «потёмкинских» (БМС 2005: 187-188). Фразеологизм употребляется в значении 'показное, мнимое благополучие, показной блеск, очковтирательство' (Там же). Фразеологизм встречается в чешском, словацком, и например, английском языке чеш. *potěmkinské vesnice*; слов. *poteminské dediny*; англ. *village of Potemkin*. В русском языке существует большое количество фразеологизмов, возникших калькированием, причём исходным языком был чаще всего французский. Из французского пришло множество фразеологизмов также в английский и немецкий язык, в чешском доминируют кальки с немецкого. Н.Д.Фомина и М.А.Бакина предлагают разделить заимствованные фразеологизмы на две группы: на 1) фразеологизмы, заимствованные из славянских языков; 2) фразеологизмы, заимствованные из неславянских языков (Фомина, Бакина 1985: 25).

Н. Д. Фомина и М. А. Бакина во своей книге ''Фразеология современного русского языка'' разделяют весь фразеологический состав русского языка на две группы: на фразеологизмы исконно русские и заимствованные, причём заимствованные фразеологизмы, согласно их определению, « это устойчивые сочетания, крылатые выражения, пришедшие в русский язык из других языков» (Фомина, Бакина 1985:25). Более точное определение фразеологических калек даёт Солодухо:

фразеологические кальки - это ,, фразеологические единицы, возникающие в результате точной или изменённой передачи лексического состава, грамматической структуры и значений иноязычных прототипов (обычно-фразеологизмов), средствами заимствующего языка ''(Солодухо 1986: 66). Кроме калек выделяют ещё группу полукалек; под полукальками обычно понимают обороты, часть которых сохраняет оригинальную форму а другая часть представляет собой перевод части иноязычного оборота (Степанова 2000: 145).

Что касается функционирования калек в языке, то Л. Степанова отмечает, что «kalkované frazémy obvykle fungujú v novém jazyce rovnako ako jeho pôvodní rčení, pretože jejích motivace je jasná (pouze motivované výrazy mohou být přeloženy)» (Stěpanova 2004: 89). Может быть, поэтому возможность, что некоторые фразеологизмы могут прийти в состав данного языка калькированием, исследователями фразеологии часто не учитывается. Так, Д. Антонякова, рассмотрев группу фразеологизмов, содержащих названия домашней утвари, мер веса и объема в русской и словацкой фразеологии, приходит в следующем выводу: «нужно сказать, что во фразеологию обоих народов попали данные лексические единицы именно потому, что они обозначали, а некоторые из них до сих пор обозначают, необходимых помощников повседневной жизни народа (...). Таким образом, фразеология является одним из средств познания культуры жизни народа в прошлом и настоящем» (Антонякова 1999: 366). Хотя вывод, надо сказать, в целом верный, он не учитывает того, что в статье рассматриваются и такие заимствованные фразеологизмы, как *dat' košom*, которые пришли в словацкий язык калькированием.

В нашей работе такую классификацию, однако, использовать трудно, так как вторая группа оказалась намного более многочисленной: из тысячи русских фразеологизмов, которые мы рассмотрели, только у двух фразеологизмов предполагается калькирование с украинского. Речь идёт, во-первых, о фразеологизме *носитсья как дурень с писаной торбой*, который употребляется в двух основных значениях: 1) уделять излишнее внимание кому-, чему-л., такого внимания не заслуживающему; 2) много и бессмысленно суетиться.

Приведённый фразеологизм, вдобавок, неинтернационален, к нему существуют только относительные эквиваленты с другой образностью, напр. чешское *starat se jako kvočna o kuřata* или польское *nosić sie jak kura z jajkiem*, образ которых тождественен с образом у чешского фразеологизма.

Второй заимствованный из украинского языка фразеологизм - оборот *арбуз поднести*. На нём остановимся подробнее, так как его можно привести и в качестве примера одной из основных причин отличий между языками в группе фразеологических калек - отличия в языковых контактах. Кроме того, если

сравнить русский и украинский язык, то наш фразеологизм может служить и примером второй причины отличий - неточного калькирования:

Во-первых, нужно заметить, что, кроме английского языка, на который выражение можно перевести только при помощи оборота *turn someone down*, все фразеологизмы с данным значением во всех языках можно свести к одной модели *дать + предмет, обозначающий отказ при сватовстве*. В связи с русским оборотом словарь русской фразеологии приводит следующее: выражение формулы отказа при сватовстве, где арбуз - не «арбуз» а «тыква»-из украинского-«гарбуз». Русское выражение *поднести арбуз* заимствовано из украинского *дати гарбуза*. Этот украинский оборот связан с обычаем отказа от сватовства, при котором девушка, к которой сватались, обычно подавала к закуске для водки, принесённой сватом, вместо буханки хлеба или хлеба с солью (как символ согласия на брак), обыкновенно тыкву. Этот обычай, широко распространённый среди украинского крестьянства, приняла часть польской шляхты, жители белорусских и южнорусских регионов (БМС 1998: 31). Популярность такой формы отказа при сватовстве доказывает и украинская литература: „...Ганнуса таки зовсім щиро не вважала, ніби перебирає хлопцями, - старостам, що першої її дівочької осени, далєбі, хаті не давали схолонуті - одні з дверей, а другі во двері, - вона відмовляла звичайненько і з рєшпектом, спасибі, люди добрі, за шану, а тільки я в батька-матері ще хліба не переїла, - навіть правдивого гарбуза ні разу не вкотила, вбачаючи щось і для себе понижаюче в такому виставлянні парубка на глум..” (Оксана Забужко: Казка про калинову сопілку).

Теперь остановимся на немецком эквиваленте *einen Korb geben*. Как мы видим, вместо русского арбуза здесь присутствует корзина. Причину такой замены Л. И. Степанова и немецкий фразеолог Г.Мюллер объясняют тем, что в Германии существовал обычай спустить нежеланному ухажеру из окна дырявую корзину (Stěpanova 2004: 156; Müller 2003: 336).

Из немецкого фразеологизм калькированием попал в язык чешский, оттуда в словацкий: чеш.: *dát košem*; слов. *dat' košom / dostat' košom*.

Очень интересны примеры из польского языка. В Польше, как отмечает словарь русской фразеологии БМС, распространился обычай даяния арбузов для выражения отказа. В польском языке существует выражение *dać arbuzą*; однако, так как немецкий язык оказывал на польский, как и на чешский, также немалое

влияние, там можно найти и оборот *dać kosza*. Кроме того, встречаются ещё и польские национальные варианты фразеологизма *dać / czarną polewkę /odprawę /rekuzę*.

Влияние польского языка на русскую фразеологию до некоторой степени описывает В. Хлебда в своей статье “*Бытуют ли в русском языке польские крылатые слова*“, в которой он приходит к выводу: «не бытуют» (Хлебда 1999: 447). Как отмечает автор этой статьи, хотя в русском языке и существует около 30 крылатых слов из польского языка, но практически они в речи не используются. Исключением являются только четыре выражения: *всё на продажу, огнём и мечом, шоковая терапия, пейзаж после битвы* (Там же).

Посредством чешского языка в русский язык пришли фразеологизмы: *бархатная революция* (который в чешском является калькой с английского), *пражская весна* и *социализм с человеческим лицом* (Лилич 1999: 397).

Вторая группа, группа фразеологизмов, заимствованных из неславянских языков, намного больше. Среди ста рассмотренных фразеологизмов нам удалось найти 260 фразеологизмов, которые попали в русский язык калькированием, причём о 114 из них можно с уверенностью сказать, что они пришли из французского. Из английского языка таких фразеологизмов в нашей работе 45, из немецкого 28. Число фразеологизмов, пришедших в русский язык из латинского и греческого, трудно назвать, потому что, как уже отмечалось выше, многие библейские и античные выражения попали в русский язык (и, конечно, не только в русский) посредством западноевропейских языков.

2.3.1. Причины интернациональности / неинтернациональности калькированных фразеологизмов:

Одна из самых типичных проблем - отличия в языковых контактах. Непрямо её доказывает и П. Крейчи, который приводит следующую классификацию ФЕ по их происхождению:

1. *idiomy typicky domácí,*
2. *idiomy specificky slovanské - (nemusí být ve všech slovanských jazycích),*
3. *idiomy evropské - internacionalizmy a europeizmy,*

4. idiomy jednotlivě převzaté z jiného jazyka, které nespádají do prvních skupin (Krejčí 2006: 26-27).

По данным цитируемого автора, который занимался сопоставлением чешского и болгарского языка, это немецкие фразеологизмы в чешском языке и греческие и турецкие фразеологизмы в болгарском языке (Там же: 27).

Такие поиски, однако, затрудняет то, что при рассмотрении калькированных фразеологизмов мы нередко наталкиваемся на проблему установления исходного языка. В. М. Мокиенко, рассматривая фразеологизм *отложить в долгий ящик*, приводит некоторые языковые факты, которые могут доказать, что фразеологизм - калька. Это:

- поздняя фиксация выражения;
- исключительно литературно - книжное употребление (на раннем этапе);
- отсутствие большого числа вариантов в народной речи;
- жесткость значения и синтаксической структуры (Мокиенко 2007: 46).

Однако о некоторых фразеологизмах известно только то, что они являются кальками, причём источник калькирования не ясен. Это, например, касается фразеологизма *нахмурить брови*, в словаре БМС можно об этом выражении прочесть только: «Возможно, калька <...> оборот мотивирован рефлекторным мимическим значением (элемент придавания себе устрашающего вида при нападении или защите)» (БМС 2005: 68).

По нашему наблюдению, чаще всего вопрос состоит в том, откуда в русский язык данное выражение пришло - из французского или немецкого языков. Примером может служить фразеологизм *чистойшей воды*, к которому указанный словарь приводит два толкования: 1) калька с фр. *diamant de plus belle eau*. Первоначально - термин ювелиров, оценивающих качество драгоценных камней, в первую очередь алмазов, сравнением с прозрачностью воды: чем чище и прозрачнее камень, тем он ценнее;

2) калька с нем. *aus reistem Wasser* (БМС 2005: 110).

Так как цель нашей работы - рассмотреть интернациональность таких фразеологизмов, нужно сразу отметить, что фразеологизм *чистейшей воды* неинтернационален. Его можно найти только в близкородственном русскому украинском языке (причём в двух вариантах) *чисті́сінької води́* и *чістої води* и в языке английском *of the first watter*.

Так как немецкий язык оказал на чешскую а, вслед за этим, и на словацкую фразеологию огромное влияние, то можно, на наш взгляд, предположить, что отсутствие оборота в этих языках говорит в пользу французского происхождения оборота, так же, как и присутствие данного фразеологизма в английском языке, на который, как уже отмечалось выше, французский язык оказал большое влияние.

Ещё более ярким примером такой неоднозначности является фразеологизм *строить воздушные замки*, у которого фразеологи не сходятся даже в том, является ли он вообще калькой или нет. Сравни существующие версии: 1) оборот - калька из древних языков. Восходит к словам видного деятеля христианской церкви Августина Блаженного (354-430), который в одной из своих проповедей говорил о «строительстве в воздухе, без фундамента); 2) оборот создан по аналогии с целым рядом латинских и греческих выражений, близких по образу; 3) выражение - калька с фр. *faire / bâtir / construire des chateaux en Espagne*; 4) выражение интернациональное, известное в большинстве европейских языков; 5) выражение - калька с немецкого (БМС 2005: 235-236).

Фразеологизм, однако, присутствует во всех исследуемых нами языках или, по крайней мере, имеет в них эквивалент с подобным образом в основе: чеш. *stavět si vzdušné zámky*; слов. *stavat' si vzdušné zámky*; укр. *будувати повітряні замки*; англ. *built castle in the air*; нем. *Schlösser in die Luft bauen*; исп. *hacer castillos en el aire*; ит. *fare castelli in aria*. По нашему мнению, на основе структуры фразеологизма (имеется в виду глагольный компонент), можно в русском языке (а также в чешском и словацком) предположить влияние немецкого.

Такие проблемы наблюдаются и при миграции библейских фразеологизмов из языка в язык - например, в случае ФЕ *медный лоб*: 1) калька с фр. *front de airain*, восходящего в Библии, где описывается статуя истукана с медным лбом; 2) калька с нем. *eherne / eiserne Stirn* (БМС 2005: 392-393)

Сложнее всех приведённых случаев - происхождение оборота *за деревьями не видеть леса*, который возводят к трем разным источникам: 1) источник оборота - повествование путешественника Голара о том, как он, поверив рассказам других, думал, что Париж - большой и красивый город. Но, утверждая это, пишет он, над ним посмеялись, ибо из-за массы высоких домов было не видно города; 2) фраза *den Wald voller Bäume nicht sehen* принадлежит немецкому поэту Х. В. Виларду, впервые пустившему её в ход в поэме «Музарион или Философия граций». Считается, что он в данном случае только повторил в изменённом виде фразу стихотворения «Гораций» немецкого поэта и баснописца Гагердорна (1708-1754); 3) калька с англ. *one can not see the wood for the trees* (БМС 2005:188).

Этот фразеологизм встречается, как будет видно из приведённых примеров, почти во всех исследуемых языках, что, может быть, ещё затрудняет выявление его происхождения: чеш. *za stromy nevidět les*; слов. *pre stromy nevidieť les*; украй. *не бачити за деревами лісу*; англ. *one can not see the wood for the trees*; нем. *den Wald voller Bäume nicht sehen*.

Часто для точного описания калькированного фразеологизма нужно исследовать фразеологическую модель в исходном языке. Так, в случае фразеологизма *вот где собака зарыта* доказательством его немецкого происхождения является большое число вариантов этого фразеологизма в немецком языке: *da liegt der Hund / ein Jude / einer Musikant / Geld / Schatz / Hexe begraben*.

Последней проблемой, которая имеет влияние на степень интернациональности оборотов, на которой мы хотим остановиться, которая оказалась является само понятие *фразеологическая калька*. Если возвратиться к приведённым выше определениям (« это устойчивые сочетания, крылатые выражения, пришедшие в русский язык из других языков» (Фомина, Бакина 1985:25) и фразеологические кальки - это „ фразеологические единицы, возникающие в результате точной или изменённой передачи лексического состава, грамматической структуры и значений иноязычных прототипов (обычно-фразеологизмов), средствами заимствующего языка“ (Солодухо 1986: 66) и определение фразеологических полукалек (под полукальками обычно понимают обороты, часть которых сохраняет оригинальную форму а другая часть представляет собой перевод части иноязычного оборота

(Степанова 2000: 145), то сразу заметно, что они (вполне логично) предполагают, что в языке, из которого фразеологизм распространился, существовало тождественное выражение. Необходимость существования такого оборота в исходном языке описывает и Й. Млацек, который приводит два его вида: прототип существует в исходном языке либо в форме фразеологизма, либо в форме термина (Млацек 1984: 86). Рассматривая влияние немецкого языка на чешскую фразеологию, Л. Степанова приходит к выводу, что в чешском языке существует целый ряд фразеологизмов, в составе которых встречается слово немецкого происхождения, которых в немецком языке нет - они возникли после адаптации данного компонента в чешском языке, поэтому их следует считать не кальками, а *исконными фразеологизмами с адаптированным компонентом* (Степанова 2000: 151, Stěpanova 2004: 84). Речь идёт о таких выражениях, как *být v trapu*, *být na huntě*, *vypadat jako raubíř*.

Сходную ситуацию описывает М. Хуравы, который занимается актёрским жаргоном. Он останавливается на фразеологизме *mít rest*, констатируя, что слово *rest* пришло в чешский язык из латинского посредством немецкого (Churavý 1990: 130).

В связи с кальками мы уже говорили о необходимости отличать фразеологизмы, пришедшие в состав языка калькированием, от фразеологизмов, в которых встречается только адаптированный компонент. Такую необходимость доказывает и оборот *в анналах истории*, в котором присутствует компонент, заимствованный из латинского. О его происхождении в словаре БМС пишется следующее: Выражение, вероятно, собственно русское, восходит к лат. *annales* - годовые записи истории, оставшиеся от прошлого. В « Анналах» (произведении римского историка Тацита, I-II вв. нашей эры) изложена история римских императоров от Августа до Нерона (БМС 2005: 26). Фразеологизм не имеет, конечно, полного эквивалента ни в одном из исследуемых языков. Адаптированный компонент встречается и в исконно русском фразеологизме *ни грана*. Этот фразеологизм, однако, можно найти в украинском языке *ні на гран*, и в языке английском: *not a one grain* - английский язык адаптировал данный компонент подобно русскому.

Таких фразеологизмов в чешском языке намного больше: однако, если возвратиться к русскому языку, из которого мы исходим, из тысячи рассмотренных нами фразеологизмов только в двух из них можно встретиться с немецким компонентом в их составе: 1) это фразеологизм *дело швах*, где оборот образован «наращиванием» эпитета к стержневому компоненту «дело». Слово *швах* устар. прост. «плохо» из нем. *schwach* «плохой» (БМС 2005: 181), и 2) фразеологизм *на свой кошт*, который, впрочем, словарь БМС неточно характеризует как кальку: калька с нем. *auf eigene Kosten*. Возможно, в русский язык ФЕ пришла из польского через украинское посредство (БМС 2005: 354).

Если рассмотреть, однако, взять фразеологизм *стоять на амазе* и его происхождение: Слово *amac* в обороте - вариант более старого *аманд* - «довольно», «спрятано», «не найдут», «молчи, не кричи», которое в русском арго появилось в начале XX века и заимствовано из фр. *attendant* - «пока, в ожидании», или *attendez* - «подождите» (БМС 2005: 34); или фразеологизм *выкидывать курбеты* - От фр. *courbette* «прыжок верховой лошади с поджатыми передними ногами» (БМС 2005: 366). Для сравнения можем привести и пример полукальки: фразеологизм *взять на abordаж* - полукалька с фр. *prendre à l'abordage* «приставать к чему либо, подступать вплотную» - т.е. во французском языке существовало такое же по компонентному составу выражение.

Факт, что язык заимствовал только данный компонент, а не целое выражение, можно часто выявить, сопоставляя данный фразеологизм с фразеологизмами в других языках. Среди фразеологизмов, которые восходят к французскому, встречается например ФЕ *червонный валет*. По данным словаря БМС, выражение употребляется в двух основных значениях: 1) подлец, вор, обладающий изящными манерами; 2) о беспринципном, продажном человеке (БМС 2005: 78).

Далее приводится, что слово *валет* как название игральной карты заимствованно из фр. *valet* от *vassal* - «ученик, слуга». Выражение первоначально означало соответствующую игральную карту. После появления романа «Клуб червонных валетов» французского писателя Понсон дю Террайла (1829 - 1871), в котором описывается шайка уголовных преступников, действовавших в Париже, оно приобрело новое значение - «вор, обладающий изящными манерами». В русском

языке выражение стало употребляться после Московского процесса 1877 г., на котором молодые дворяне обвинялись в выдаче подложных векселей, получении залогов при найме служащих в несуществующие предприятия и т.п. (БМС 2005: 78).

Фразеологизма *червоный валет* нет ни в одном из исследуемых языков, в польском можно, однако, найти два фразеологизма, которые содержат название французской карты. Это *mieszkać / nocować / spać/ gdzieś na waleta* 'жить / ночевать / спать в комнате *кого*, обыкновенно в общежитии, нелегально, без разрешения' и *spać na waleta* 'спать вдвоем на одной кровати так, что ноги одного спящего находятся рядом с головой другого' (по электронному словарю РВН). Как уже отмечалось выше, на польский и на русский французский язык оказал большое влияние.

Такая же ситуация с фразеологизмом *задать лансады* в значении: 'стремительно убежать, спасаясь от опасности, преследования, погони и т.п.' Что касается происхождения этого оборота, то словарь БМС приводит следующее: Выражение восходит ко времени активных заимствований из французского языка *lancade* - «прыжок» (БМС 2005: 374). В польском языке существует выражение *Kłaniać się komu/ witać kogo w lansadach* «оказывать кому услуги с некоторыми проявлениями униженности» (по электронному словарю РВН). Оба эти фразеологизма неинтернациональны; следовательно, если точно отграничить фразеологизмы с адаптированным компонентом от калек и полукалек, это поможет точнее описать степень интернациональности последних, так как фразеологизмы с адаптированным компонентом имеют соответствия в других языках намного реже. Существованию полного эквивалента к фразеологизму с адаптированным компонентом зачастую мешает и то, что язык, осваивая данный компонент, его нередко в большой степени изменяет. Так, в чешском фразеологизме *mít rest*, который мы рассмотрели выше, латинское существительное имело первоначально форму *resto*. Ещё большие изменения перетерпевает французский компонент во фразеологизме *для блезиру*: Современное значение 'для виду' не является для оборота *для блезиру* исходным. Ещё во второй половине XIX века ему было свойственно значение 'для забавы, удовольствия, развлечения'... По своему происхождению оборот *для блезиру* представляет собой народно-этимологическую

переработку выражения *для плезуру*, в котором слово *плезир*, во второй половине XIX века ещё употреблявшееся, является заимствованием из французского языка (фр. *plaisir* - 'забава, удовольствие'). В результате звукового сближения с прилагательным близкий слово *плезир* было изменено в *блезир* (БМС 2005: 54).

В некоторых случаях слово адаптируется в нескольких разных языках, и на его основании возникают совершенно разные фразеологизмы. Такой факт помогает, в случае обращения к фразеологии других языков, выявить, является ли фразеологизм полукалькой или только фразеологизмом с адаптированным компонентом. В случае фразеологизма *войти в азарт*, например, можно встретиться с несколькими разными толкованиями его происхождения:

1) калька с французского *se mettre en hasard*, где - *hasard* «случай»; 2) собственно русский оборот, возникший под влиянием французского языка в речи картежников и игроков в рулетку. Мотивировка объясняется тем, что игрок после случайной удачи увлекается и уже не может прекратить игру; 3) слово *азарт* употреблено уже в 1697 году Андреем Апраксиным (Амстердам - «Русская старина», поэтому, видимо, заимствовано из голландского *hazard* (БМС 2005: 19). Исключить, что фразеологизм является полукалькой и доказать заимствование компонента можно, сопоставив фразеологизмы с данным компонентом в разных языках.

Приведённый фразеологизм ни в одном из исследуемых языков не встречается, что можно считать уже первым аргументом в пользу собственно русского происхождения. Вторым - и более веским - аргументом является присутствие данного компонента во фразеологизмах других языков, которые по своей форме и значению ничего общего с французским и русским фразеологизмом не имеют. Такими являются, например, польские выражения *jaskynia hazardu*, *szpony hazardu*. Отграничение фразеологизмов с адаптированным компонентом от фразеологических полукалек затрудняет тот факт, что компоненты некоторых фразеологических полукалек начинают в языке функционировать самостоятельно, вне фразеологизма.

Что касается фразеологизмов с компонентом *фиаско*, этимологические толкования вообще не дают возможности определить, в каком языке - это выражение - полукалька и в каком адаптировался компонент *фиаско*, если они вообще таковыми

являются. В определении происхождения оборота *потерпеть фиаско* в словаре русской фразеологии БМС приводится следующее: Прототипом было французское выражение *faire fiasco* (букв. 'сделать фиаско'). Слово *фиаско* означает в итальянском «бутылка» - выражение связывается с неудачной попыткой итальянского комика Бианконелли разыграть перед публикой весёлую пантомиму с большой бутылкой в руке. После его провала существительное *фиаско* получило значение 'актерская неудача' и затем 'неудача, провал вообще' (БМС 2005: 720). Если, однако, заглянуть в итальянский этимологический словарь (в итальянском языке существует полный эквивалент русского выражения - *faire fiasco*), то там встретится, кроме приведённого, ещё и совершенно другое толкование: «выражение, с большей вероятностью, восходит к тому, что создать из стекла изделие требуемой формы необыкновенно трудно и такие попытки часто заканчиваются созданием изделия, похожего на воздушный пузырь. Другие, однако, связывают этот оборот с комиком Домеником Биаконелли, который, собравшись разыграть пантомиму из бутылкой в одной руке и потерпел неудачу» (Dizionario etimologico 2005: 391). На фоне того, что, по доказательствам В. Мокиенко, связывание возникновения фразеологизма с конкретными лицами и историями в большинстве случаев ошибочно, первое толкование, которое итальянский словарь приводит, звучит, на наш взгляд, более правдоподобным.

Итак, во французском языке этот фразеологизм - фразеологизм с адаптированным компонентом, а в русском языке - полужалка французского выражения. В связи с немецким эквивалентом этого фразеологизма (нем. *fiasco machen*) фразеологический словарь немецкого языка приводит, что в немецкий язык фразеологизм пришёл также через французский в 1837 году (Müller 2005: 134). В английском языке оборот отсутствует, с данным компонентом, однако, встретиться можно.

Во всех исследуемых языках, в которых существует фразеологизм *потерпеть фиаско*, возможно и самостоятельное употребление этого слова в том же значении: Fiasko na zasadaní Mestského zastupiteľstva 26.1.2006 Vo štvrtok 26.januára 2006 sa uskutočnilo zasadanie Mestského zastupiteľstva. Na programe bolo nezvyklé málo bodov, ale zvlášť posledný o situácii pri budovaní priemyselného parku mal byť najdôležitejší, ale poslancom sa podarilo „vyrobiť“ poriadne poslanecké f i a s k o ! ! ! ! ! ! 1, Úprava platu zástupcu primátora mesta Čadca (из интернета).

2.3.2. Кальки с французского языка

Огромное влияние французского языка на русский уже отмечалось выше. В. В. Виноградов отмечает, что после распада культуры средневековья можно наблюдать даже «излишнее увлечение европеизмом» (Виноградов 1978: 43 - 44). Причиной, по его мнению, является то, что французские (и также польские, немецкие и итальянские слова) казались русским более подходящим средством для выражения «нового европейского склада чувств, представлений и социальных отношений». Кроме того автор связывает приход новых слов с развитием торговли, новых областей науки и переустройством административной системы. (Там же). Предпочтение французских слов перед русскими в Петровское время (и позже) можно легко доказать на примере русской художественной литературы:

То есть не персиане же собственно Милорадовича любили. Все любили. А за что? А ни за что - торжествует генерал - просто русский Баерд *chevalier sans peur et reproche* споска: рыцарь без страха и упрека (Ю. Тынянов: *Смерть базир-Мухтара*).

Это доказывает, между прочим, и фразеологизм *заморить червячка*, у которого В. М. Мокиенко предполагает калькирование с французского и который можно найти во всех славянских языках (Мокиенко 2007: 36-38).

Влияние французского доказывает и происхождение фразеологизма *голубая кровь*, который можно без всяких сомнений назвать интернациональным: он встречается во всех исследуемых языках: чеш. *modrá krev*; слов. *modrá krv*; пол. *blekitna krew*; укр. *голуба кров*; англ. *a blue blood*; нем *blaues Blut*; исп. *la sangre azul*.

Приведённый фразеологизм в русском языке выражение - калька с фр. *le sang bleu*, которое , однако, в свою очередь, является калькой испанского - *la sangre azul*.

Первоначально так себя называли аристократические семьи испанской провинции Кастилии, гордившиеся тем, что их предки никогда не вступали в смешанные браки с маврами и другими народами со смуглой кожей. Считают, что в выражении подразумевается, что у людей со светлым оттенком кожи вены имеют голубоватый цвет, чего не наблюдается у людей со смуглой кожей (БМС 2005: 359).

Хотя влияние французского языка на другие языки меньше, чем на русский язык, его всё равно можно ощутить. Многие из рассмотренных нами русских выражений французского происхождения являются интернациональными. Почти во всех исследуемых языках можно найти эквивалент к фразеологизму *appetum primum venit in hora edendi*, который, по своему происхождению - калька с фр. *L' appétit vient en mangeant*; чеш. *s jídlem roste chuť*; слов. *s jedlom rastie chuť*; пол. *apetyt rosnie w miare jedzenia*; англ. *appetite comes with eating*; нем. *der Appetit kommt mit dem Essen*; исп. *al apetito, comiendo se llama*; ит. *l'appetito vien mangiando*.

Шутливое выражение *ищите женщину*, о котором словарь БМС пишет: Выражение часто употребляется в русской литературе и по-французски: *cherchez la femme*; крылатым оно стало благодаря роману А.Дюма-отца «Могикане Парижа» и одноименной драме, где это выражение является излюбленной поговоркой парижского полицейского чиновника. Мысль этой поговорки не нова и встречается в литературе разных времён: в 6-сатире римского поэта Ювенала (ок. 43-113 н.э.), романе С. Ричардсона «Чарльз Грандисон», романе И. С. Тургенева «Рудин» (БМС 2005: 220), употребляется в своей исходной форме и в других языках, например, в чешском и словацком: чеш. *za vším hledej ženu*; *cherchez la femme*.

Za vším hledej ženu - muž už to ví a rve si vlasy

Nepěkné překvapení čekalo dvaadvacitiletého muže. Ten zjistil, že dluží více než 70 tisíc korun. Nešťastník z Ostravy si ale nikdy takovouto půjčku nesjednával, přesto ho jedna finanční společnost vedla jako dlužníka, který nesplácí své závazky. „Až od kriminalistů z Frýdku-Místku se předčasně dozvěděl, že jeho manželka, s kterou se rozvádí, nechala na jeho jméno vystavit smlouvu o půjčce na 75 tisíc korun,“ podotkl mluvčí policistů ve Frýdku-Místku Ivan Žurovec. www.ceskydomov.cz.

слов. *za všetkým hľadať ženu*; *cherchez la femme*; в английский оно перешло только в своей исходной форме.

Не менее интересно рассмотреть фразеологизм *называть вещи своими именами*: Фразеологизм возник калькированием фр. *appeler les choses par leurs noms*. Он употребляется в значении ' говорить прямо (и часто резко), без обиняков и этической любезности.' Его, кроме русского языка, можно найти в настоящее время во всех исследуемых славянских языках: чеш.: *nazyvat věci pravým jménem*;

слов. *nazyvať veci pravým menom*; пол. *nazywać rzeczy po imieniu*; укр. *називати речі власними іменами / називати речі їх іменами / називати речі своїми іменами / називати речі справжніми іменами*; кроме того он встречается в немецком: *die Dinge beim Namen nennen* (букв. называть ребёнка по имени); в английском такого фразеологизма нет: существуют относительные эквиваленты с более сильной образностью: *call a spade a spade* и *call a spade a bloody shovel*. (букв. 'называть лопату лопатой' + называть лопату просто лопатой'). Если, однако, посмотреть немецкие словари, то можно заметить, что в немецком языке существует и синонимичный нашему выражению оборот: *das Kind beim Namen nennen*. Этот вариант, по данным словаря К.Мюллера, возник в немецком языке и восходит к немецким реалиям: «оборот употребляется с XVII века. Считается, что он восходит к переговорам об имени для новорожденного, которые состоялись при крещении новорожденного (Müller 2003: 310).

Итак, в немецком языке в наше время существуют два синонимичных выражения, одно - исконно немецкий фразеологизм, второе - калька с французского.

В словацком языке, как показано в работе Я.Складаной, оказывается, существовал также исконно словацкий фразеологизм - относительный эквивалент французского выражения - *menovať čierne čiernym a biele bielym*. Фразеологизм встречался ещё в XVIII веке. О его исконно словацком происхождении свидетельствует тот факт, что фразеологизм сохранился до сих пор в некоторых диалектах. Современные словари литературного языка его, однако, не фиксируют. Значит, влияние французского фразеологизма было настолько сильным, что он вытеснил исконно словацкий вариант из употребления.

2.3.2.1. Причины интернациональности / неинтернациональности калек с французского языка

Несмотря на сказанное, тот факт, что степень влияния французского языка на русский намного выше, чем степень его влияния на другие языки, способствовал тому, что большое количество фразеологизмов, пришедших в русский язык из этого языка, имеет в других рассматриваемых языках только относительные эквиваленты другого происхождения или является совсем безэквивалентными. Ни в одном из исследуемых языков, кроме немецкого, нет, например, таких

выражений как *булавка в голове, законченный дурак*, где при переводе на другие языки придётся пользоваться другими фразеологизмами, во втором случае, например, словарями предлагаются такие переводы :чеш. *korunovaný vůl*; слов. *vyložený hlupák; ciężki idiota*; укр. *безнадійний дурень*; англ. *a fool / first class / complete idiot*.

Как уже было сказано, большое влияние французского языка признаётся также в польском и английском языке. Доказательством являются такие фразеологизмы, как *знать как свой карман*, который перешел кроме русского языка, только в польский язык. В остальных исследуемых языках если эквивалент есть, то он возник в данном языке самостоятельно по модели *знать как свой + часть тела / одежды*: чеш. *znát jako své boty*; слов. *poznať ako svoju vlastnú dlaň*; пол. *znać jak własną kieszeń co*; англ. *to know like the back / palm of the hand*; нем. *wie seine eigene Tasche / Westtasche kennen*.

В русском языке существует также фразеологизм, образованный по данной модели: *знать как своих пять пальцев*.

Одна причина отличий, на которую надо обратить внимание и которая встречается чаще всего у эквивалентов русских оборотов, заимствованных из французского в английский язык, - это заимствование фразеологизма в исходной форме. Как отмечалось выше, английский и французский язык были в прошлом близки друг к другу, что дало возможность английскому языку заимствовать французские фразеологизмы без перевода. Как мы видели, именно в таком виде перешло в состав английского языка крылатое выражение *ищите женщину*. Фразеологизм *с глазу на глаз*, который в русском языке является калькой фр. *tete-a-tete* (БМС 2005: 141) и который имеет в русской языке и транслитерированный вариант *тет-а-тет*, существует в английском языке только в этом исходном варианте *tete-a-tete*. В других исследуемых языках мы, однако, находим только калькированный вариант: чеш. *z očí do očí*; слов. *z očí do očí*; пол. *z oczu do oczu*; укр. *з ока на око*; англ. *tete - a - tete*; в немецком языке фразеологизм был несколько изменен и отличается предлогом: *unter vier Augen*.

Кроме английского языка с заимствованием в оригинальной форме встречаемся намного реже, в немецком языке, например, встречается заимствованный в

исходной форме вариант фразеологизма *искусство для искусства* - *l'art pour art*. При этом фразеологизм во французском языке, наряду с таким заимствованным в исходной форме выражением, можно найти и переведенный эквивалент: *art for art's sake*; в других же языках есть, конечно, только калька: чеш.: *umění pro umění*; слов. *umenie pre umenie*; пол. *sztuka dla sztuki*.

Среди фразеологизмов, попавших в состав русского языка калькированием из французского, можно, в некоторых случаях, наблюдать и неточное калькирование, которое вызывает отличия между эквивалентами данного фразеологизма в отдельных языках. О фразеологизме *с глаз долой, из сердца вон* в словаре русской фразеологии БМС прямо пишется, что это ФЕ - неточная калька с французского *loin dex yeux, loin de coeur* (БМС 2005:138). Фразеологизм существует во всех исследуемых языках, в следующих формах: чеш. *sejde z očí, sejde z mysli*; слов. *zide z očí, zide z mysle*; пол. *co z oczu, to z myśli*; англ. *out of sight, out of mind*; нем. *aus den Augen, aus den Sinn*; исп. *tan lejos de ojo, tan lejos de corazon*; ит. *lontano dagli occhi, lontano dal cuore*.

Как видим, точно калькировали французский прототип только родственные ему романские языки - испанский и итальянский. Во всех других языках встречается вариант, по своей форме сходный с русским.

Заимствованный фразеологизм, придя в язык, перетерпевает в некоторых случаях изменения, приспосабливается к его грамматическому строю данного языка (с этим мы уже встретились при варианте фразеологизма *с глазу на глаз* в немецком языке). Одним из изменений, свойственных фразеологическому фонду языка, является расширение компонентного состава фразеологизма. По данным В. М. Мокиенко, одним из самых частых процессов во фразеологии, который часто недооценивается, является именно увеличение числа компонентов, причём «значение фразеологизма остаётся прежним, дополнительные компоненты лишь наращивают экспрессивность» (Мокиенко 1980:148). Далее приводится: «дополнительные компоненты делают образ фразеологизма более конкретным, описательным (точнее, живописным)» (Там же).

Рассмотрим подробнее кальку с французского *parler entre ses dents* - в русском языке *сказать сквозь зубы*, которая употребляется в значении: 'говорить что-л.

тихо и невнятно, неохотно признавая, утверждая что-л.’ (БМС 2005: 258). Фразеологизм имеет эквиваленты во всех исследуемых языках: чеш. *procedit / říct pomezi zuby*; слов. *precedit’ pomedzi zuby*; пол. *mówić przez zęby*; укр. *говорити / казати (цідити) крізь зуби*; англ. *to say throw elenged teeth*; нем. *zwischen den Zähnen hervorstoßen*.

Во всех языках, кроме английского, встречается эквивалент полный, в английском языке, однако, существует только расширенный вариант фразеологизма с компонентом *elenged* (стиснутые). Этот компонент можно найти, конечно, и в других языках, но там он является компонентом факультативным.

Наглядным примером приспособления заимствованного фразеологизма к лексическому и грамматическому строю принимающего языка служит возникновение лексических фразеологизмов (о которых ещё будет речь в связи с кальками из немецкого языка) в немецком, венгерском и финском языках. О.Федосов в своей статье под названием “Ещё раз о границах фразеологии” описывает среди фразеологизмов, которые он рассматривает, несколько калек из французского языка, эквивалентом которых в венгерском языке является только одно слово: например, уже проанализированный нами фразеологизм *голубая кровь*, который имеет в венгерском языке эквивалент *aranykékver* - то есть сложное слово. Фразеологизм *золотая молодежь* звучит в венгерском языке как *aranyifjú*. Та же причина отличий наблюдается в немецком языке, где приведённый фразеологизм имеет эквивалент *Goldjugend*.

Как уже было сказано в разделе библейских фразеологизмов и фразеологизмов античного происхождения, в состав русского языка пришло много таких выражений именно посредством французского языка - например фразеологизм *буря в стакане воды*. Эта - калька французского *une tempete dans un verre d'eau*.

Первоисточником фразы, является, однако, известная ещё в Риме времён Цицерона, поговорка «поднимать бурю в стакане воды», «поднимать волну в черпаке». В «Учёных застольных беседах» греческого писателя Афиней (II - III в.) также говорится о «буре в кипящем горшке» (БМС 2005: 73). Фразеологизм встречается во всех исследуемых нами языках: чеш. *bouře ve sklenici vody*; слов. *búrka v pohári vody*; пол. *burza w szklance wody*; укр. *буря у склянці води*; англ. а

storm in a tea-cup; нем. *ein Sturm im Glase Wasser*; ит. *tempestad en un vaso de agua*; ит. *tempesta in un bicchier d'agua*.

но в других языках, наверное, можно предполагать другой путь миграции.

2.3.3. Кальки с классических языков

Важную роль фразеологических калек с латинского языка в связи с интернациональным характером фразеологизмов замечает, исследуя фразеологический состав немецкого языка, и С. Данисенко: «особое значение имел латинский язык в становлении и обогащении фразеологического фонда не только немецкого, но и других языков Европы. Римская классическая литература послужила богатейшим источником, из которого на протяжении столетий проникали образцы народной мудрости: пословицы, поговорки, крылатые выражения» (Данисенко 1999: 388).

Автор статьи предлагает выделить в заимствовании из латинского языка три направления: 1. латинский язык - язык посредник;

2. непосредственно латинские заимствования;

3. интернациональный характер латинских заимствований (Там же)

В связи с первой группой отмечается, что много фразеологизмов, пришедших в немецкий язык из латинского, восходит к греческому оригиналу.

Что касается вообще ограничения группы заимствований из классических языков, встречаются две основные проблемы:

Во-первых, как уже отмечалось выше, большинство фразеологизмов библейского происхождения и фразеологизмов, восходящих к античной мифологии, является именно кальками с латинского и греческого языков, но путь миграции уже невозможно проследить. Поэтому определить статус интернациональности в этой группе довольно трудно.

Во-вторых, в древнем Риме и Греции существовал целый ряд фразеологизмов, которые существуют и в наше время, но не имеют связи с латинскими источниками. Словарь латинских крылатых выражений можно найти целый ряд таких фразеологизмов, которые во многих случаях интернациональны (поэтому

трудно выявить факт калькирования только на основе сравнения фразеологизма с его эквивалентами в других языках), но являются типологическими интернационализмами и возникли в разных языках - в том числе и в латинском - независимо друг от друга: *a capillis usque ad unguis - od vlasov až po nechty*; *a deo vocatus rite paratus - Bohom povolaný, riadne pripravený*; *a recta conscientia transversum unquem non oportet discedere - neradno sa spreneveriť čistému svedomiu ani tol'ko, čo by sa za nehet vošlo*; *ab asino lanam quaerere - chciieť vlnu od somára* (эквивалент русского *как с козла молока*) (Slovník latinských citátov 2001).

Непрямо доказывает сказанное тот факт, что многоязычные словари пословиц и поговорок без особого труда находят для современных фразеологизмов и пословиц эквивалент и в латинском языке.

Поэтому узнать, является ли данный фразеологизм калькой с латинского или нет, очень трудно определить. Такие затруднения встречаются, напр. при аналогичном фразеологизме *ни жив ни мёртв*, который имеет три разных, совершенно исключаящих друг друга толкования: 1) калька с лат. *neque vivos neque mortuos*- из комедии Плавта; 2) выражение исконно русское, народное, поскольку для народно-поэтической речи характерно соединение двух антонимов в одном обороте. Тем самым передаётся эмоционально-психическое состояние человека, теряющего способность думать и действовать от сильного страха; 3) фразеологизм восходит к одному из этапов юношеских возрастных ассоциаций древних славян. Внутренняя форма фразеологизма отражает пограничное состояние иницианта между жизнью и смертью перед ритуальным оживлением в новой ипостаси «человека-волка» или «человека-пса» (БМС 2005: 221).

Фразеологизм характеризует об очень испуганного человека, он не является интернациональным. В словацком, чешском и немецком языках он не имеет эквивалентов, существует только сложное слово - чеш. *polomrtvý* слов. *polomŕtvý*; нем. *halbtot*. В английском языке можно встретиться с частичным эквивалентом с довольно сходной структурой и образностью - *more dead than alive*. Полный эквивалент встречается только в украинском языке *ні живий ні мертвий*. Но так как украинский язык является близкородственным русскому, здесь можно предположить влияние русского. Так как по нашим наблюдениям среди калек из

латинского языка степень интернациональности намного выше, чем среди других оборотов, гипотеза об исконно русском происхождении оборота звучит намного вероятнее.

2.3.3.1. Причины интернациональности / неинтернациональности латинских оборотов.

В связи с третьей группой, которую выделяет С. Данисенко, в статье пишется: „все без исключения европейские языки испытывали на протяжении столетий влияние латинского языка. В результате этого во многих языках возникли фразеологические параллели, почерпнутые из одной кладези - латыни. Поэтому фразеологические заимствования на латинской основе носят интернациональный характер” (Данисенко 1999: 391).

Во фразеологии всех исследуемых языков мы можем, например, найти ФЕ *глас народа, глас божий*: чеш. *hlas lidu, hlas boží*; слов. *hlas národa, hlas boží*; пол. *głos ludu - głos Boga*; англ. *the voice of the people, the voice of the God*; нем. *Volkes Stimme, Gottes Stimme*; исп. *la voz de pueblo a voz de dios*; ит. *voce di popolo voce di Dio*.

или фразеологизм *гора родила мышь*, который, по нашим наблюдениям, современной молодёжи уже неизвестен чеш. *hora porodila myš*; слов. *hora porodila myš*; пол. *Góra mysz porodzila*; укр. *гора / могила породила мишу*; англ. *the mountain has brought out a mouse*; нем. *Berge krießen, doch sieh, heraus ein winziges Mäuslein*; исп. *parieron los montes, y nacio un ratoncito*; исп. *partoriscono i monti, e nasce un topo / topolino*.

Здесь, однако, можно в случае испанского языка наблюдать неточное калькирование, так как компонент *мышь* был заменен компонентом *крыса*.

Такую известность подтверждает и фразеологизм *времена меняются*. В словаре БМС о нём можно прочесть: калька с лат. *tempora mutantur*. Оборот является редукцией фразы из *Tempora mutantur, et nos mutamur in illis* «Эпиграмм» английского социалиста-утописта Р. Оуэна (БМС 2005:125). Он имеет полные эквиваленты во всех исследуемых языках: чеш. *časy se mění*; слов. *časy sa menia*; пол. *czasy się odmieniają*; укр. *часи миняються*; англ. *times changes*; нем. *die Zeiten ändern sich*; исп. *los tiempos mudan*; ит. *i tempi mutansi*.

Знание латинского языка было раньше свидетельством образованности. Ещё в наше время многие представители старшего поколения вспоминают выученные наизусть латинские фразеологизмы, например *Hannibal ante portas*.

О широком использовании латыни в разных областях науки и культуры свидетельствует выражение *квадратура круга* - терминологическое наименование древней математической задачи - построения при помощи линейки и циркуля квадрата, равного по площади заданному кругу. Решить эту задачу не удавалось многим поколениям математиков, пока в 1882г. не было окончательно доказано, что это в принципе невозможно. В русском языке ФЕ является полукалькой с латинского *quadratura circuli* (БМС 2005:298). Фразеологизм распространился во все исследуемые языки: чеш. *kvadratura kruhu*; слов. *kvadratúra kruha*; пол. *kwadratura kola*; англ. *quadrature of the circle*.

Среди фразеологизмов латинского происхождения, которые мы рассмотрели в нашей работе, были только две полукальки, причём вторая тоже восходит к науке: речь идёт о ФЕ *довести до абсурда*: это - полукалька с лат. *reducere ad absurdum*, употреблявшаяся в речи логиков и математиков, где оно обозначало особый приём логического доказательства - допущение неверных положений для последующего вскрытия их неверности.

Как уже отмечалось в разделе калек с французского языка, влияние кальки иногда так сильно, что она вытесняет исконный оборот. В рассмотренном нами примере фразеологизм французского происхождения *называть вещи своими именами* вытеснил словацкий вариант *menovať čierne čiernym a biele bielym*. Если рассмотреть пример из заимствований из классических языков, то можно остановиться на выражении *одна ласточка весны не делает* из басни Эзопа, которое проникло во все исследуемые языки: чеш. *jedna vlaštovka jaro nedělá*; слов. *jedna lastovička leto nerobí*; пол. *jedna jaskółka wiosny nie czyni*; укр. *одна ластівка вісни не робить*; англ. *one swallow makes no summer*; нем. *eine Schwalbe macht noch keinen Sommer*; исп. *una golondrina no hace verano*; ит. *una rondine non fa primavera*. Неточное калькирование оставило яркие следы и на обороте *зверя узнают по когтям*, который является неточной калькой с греческого и поэтому не имеет полного эквивалента ни в одном из исследуемых языков. Точная калька этого

выражения - ФЕ *льва узнают по когтям*, существует во всех исследуемых языках: чеш. *lva poznáš podle drápů*; слов. *leva spoznáš podľa pazúrov*; пол. *lwa z pazura poznac*; англ. *the lion is know by his claws*; нем. *an den Klauen erkennt man den Löwen*; исп. *por las uñas se describe el leon*; ит. *dall'unghia si conosce il leone*.

Этот фразеологизм, кроме прочего, подтверждает тот факт, что много греческих выражений перешло в латинский язык: словарь русской фразеологии БМС приводит в связи с его происхождением следующее: Выражение заимствовано из древнегреческого. Греки говорили: «знать льва по когтям». Плутарх приписывал это выражение Алкею. Кроме названных авторов пословица встречается и подразумевается и у других, напр. у Лукиана, Филострата и др. (БМС 2005:243). В другом месте фразеологизм уже связывается с латинским прототипом: «Выражение связывают с лат. *ex ungue leonem*» (БМС 2005:378).

Если, однако, вернуться к вытеснению исконного фразеологизма калькой, то необходимо отметить, что можно наблюдать и обратный пример. Уже цитированный С. Данисенко, автор статьи о фразеологизмах латинского происхождения в немецком языке приводит в качестве примера фразеологизма, который восходит к греческому языку, но в немецкий был заимствован из латинского выражения *sich eine Suppe einbrocken* (букв. 'приготовить себе суп'). Выражение вошло в состав немецкого языка, по данным автора, в 1576 году, причём так прочно, что уже с 1600 года появились новые варианты: *die Suppe ausesen, die man sich eingebrockt hat* (букв. 'съесть суп, который человек приготовил себе') (Данисенко 1999:390). В чешском языке существует эквивалент *co sis navařil, to si to taky sníš*.

Похожая ситуация с русской калькой из латинского языка *gallina scripsit* - буквально 'курица написала' (БМС 2005:367), к которому восходит фразеологизм *писать как курица лапой*. В других языках существуют только исконные относительные эквиваленты с другой образностью: чеш. *škrábat jako kocour*; слов. *škrabat ako kocúr*; пол. *Bazgrać / gryzmolić / pisać jak kura pazurem*; англ. *scrath like a wildcat*; нем. *eine Schauklaue haben*;

образ латинского выражения сохраняет только польский язык.

Кроме того, кальки с латинского языка, поскольку они получили распространение довольно давно, в разных языках по-разному развивались, к ним возникали разные варианты, на их основе возникали новые, неинтернациональные или интернациональные выражения. Из уже приведённой полукальки *квадратура круга* возникает фразеологизм *искать квадратуру круга*, из латинского выражения Плавта, которое заимствовал и немецкий язык *eine harte Nuß zu knacken geben*, возникает интернациональный, до сих пор часто употребляемый фразеологизм *твёрдый орешек*. В немецком языке, однако, на основе этого образа, возникает также выражение *wer den Kern essen will, muß die Nuß knacken*. На русский язык данный фразеологизм можно перевести с помощью относительного эквивалента, который не имеет связи с латинским: *любишь кататься, люби и саночки возить*, на словацкий, например, также: *ked' si zjedol smotanu, zjedz aj syr*.

Последними двумя причинами отличий в кальках из латинского, на которых мы хотели бы остановиться, являются: 1) изменение значения фразеологизма; 2) их миграция из языка в язык.

Если рассмотреть фразеологизм *бумага не краснеет*, который приписывается римскому писателю и оратору М. Т. Цицерону (106-44 гг. до н. э.), в письмах которого к друзьям встречаются слова: *Epistola non erubescit* - букв. «Бумага не краснеет» (БМС 2005: 71), и его вариант *бумага всё терпит* в исследуемых нами языках, то надо констатировать, что он присутствует во всех: чеш. *papír všechno snese*; слов. *papier znesie všetko*; пол. *papier jest cierpliwy*; англ. *paper endures all*; нем. *Papier ist gedultig*; исп. *el paper todo lo aguanta*; ит. *la carta non diventa rossa*.

Можно, однако, заметить, что первый его вариант существует только в романских языках, второй в славянских и германских, причём польский и немецкий вариант совпадают полностью. Такая ситуация, на наш взгляд, свидетельствует о миграции фразеологизма из языка в язык; польский фразеологизм можно считать калькой с немецкого.

В словацком языке нам удалось встретиться с использованием фразеологизма в разговорной речи и в другом значении: его употребляют в связи с орфографическими ошибками (исходное значение фразеологизма: 'письменно

можно высказать такие мысли, которые высказать устно стесняются (напр. ложь, выдумку, нелепости).’ (БМС 2005: 71)

Jeden môj priateľ hovorí, že papier toho znesie veľa. Všetky trápenia a aj radosti každého človeka. Papieru môžete zveriť všetky svoje túžby a obavy. Verím tomu. Deväť rokov je papier môj verný spoločník. Dlhé roky som sa mu zveroval so všetkými svojimi trápeniami. Či už to bolo písaním poviedok, listov pre priateľov, ktorých som každý deň stretával v škole, listov pre tých, ktorých som nikdy nestretol a taktiež môjho spoločného zošítka s Kačenou (ono tých zošítokov bolo trošku viac...) a v posledných rokoch aj sms a e-mailov. (из интернета).

Употребление фразеологизма в другом значении в данном случае свидетельствует о незнании происхождения фразеологизма.

Большинство фразеологизмов из тех, которые мы рассмотрели до сих пор, пришло в состав русского языка из латинского. Кальки с греческого встречаются намного реже. В нашей работе таких фразеологизмов только шесть - *баланси́ровать на лезвии ножа; кастальские воды; неписанный закон; волосы на себе рвать; всё течёт, всё изменяется* и уже упомянутый нами фразеологизм *по когтям узнают льва*. В трёх фразеологизмах встречался компонент греческого происхождения. Это были фразеологизмы *апогей славы, достичь апогея и исполать тебе*. Во всех исследуемых языках встречались только два из них: *волосы на себе рвать* и ФЕ *неписанный закон*. Оба они активно употребляются и в наше время

"Miluji Tě.", zašeptala něžně, vysmekla mu svou křehkou ruku a utíkala alejí do domu svého otce. Být po jejím, tak s ním zůstane až do skonání světa, ale nešlo to. Nemohla. Nemohla dělat nic. Mohla se jen podřídít.

Takový byl onen nepsaný zákon žen. (из интернета).

2.3.4. кальки с немецкого языка

Фразеологизмов, возникших калькированием с немецкого языка, по сравнению с кальками с французского, латинского и английского языков, сравнительно немного. В нашей работе их присутствует только 24, и два уже рассмотренные фразеологизмы с адаптированным компонентом. Кроме того, встречается одна полукалька: ФЕ *пить на брудершафт*.

2.3.4.1. Причины интернациональности / неинтернациональности калек с немецкого языка

Выше, рассматривая проблемы фразеологических калек в общем, мы рассмотрели неоднозначность источника некоторых из них на примере фразеологизма *строить воздушные замки*. У данного фразеологизма встречалось пять разных толкований его происхождения. При его устаревшем варианте *баши на воздухе строить*, однако, словарь БМС приводит только одно толкование: «калька с нем. *Schlösser in die Luft bauen*» (БМС 2005: 111).

Самыми распространёнными и активно употребляемыми кальками с немецкого языка в нами рассмотренной группе являются, пожалуй, фразеологизмы *ломать голову* и *вместе с водой выплеснуть и ребёнка*. Второе выражение - калька с нем. *das Kind mit dem Bade ausschütten*, где оно известно давно, а закрепилось в литературном языке благодаря его употреблению М. Лютером (1483 - 1546): «Не следует ребёнка вместе с водой выплескивать» (БМС 2005: 104). Такая ситуация в немецком языке со многими оборотами, влияние М. Лютера и его перевода Библии сказывается и на библейском фразеологизме *ветхий Адам*.

Фразеологизм *вместе с водой выплеснуть и ребёнка* можно встретить во всех исследуемых языках: чеш. *vylít s vaničkou i dítě*; слов. *vyliat' s vaničkou aj dieťa*; пол. *wylać dziecko z kąpielą*; англ. *throw the baby out in the water*; нем. *das Kind mit dem Bade ausschütten*.

Активно употребляется - и как можно видеть из примера, приведённого у словацкого фразеологизма, и - активно парафразируется фразеологизм *у лжи короткие ноги* - что тоже калька с немецкого, которая распространилась во все исследуемые языки: чеш.: *lež má krátké nohy*; слов. *lož má krátke nohy*

lož, má krátke nohy, hej
ale žije na veľkej;

lež, máš krátke nohy ; пол. *klamstwo ma krótkie nogi*; англ. *lies have short lies / wings*; нем. *die Lüge hat kurze Beine*; исп. *la mentira tiene piernas cortas*; исп. *le bugie hanno le gambe corte*.

В связи с кальками с немецкого языка важно, на наш взгляд, рассмотреть проблему уже упомянутых лексических фразеологизмов. Л. Степанова в связи с проблемой некоторой разницы между ФЕ в разных языках отмечает, что „podobá převzatého

frazému odráží specifika přejímacího jazyka v určitém období a svědčí o jeho snaze přiblížit výraz svému systému“ (Степанова 2004: 66). Пожалуй, именно одной из таких специфик является возникновение лексических фразеологизмов. Способность немецких фразеологизмов превращаться в слово констатирует и В. М. Мокиенко в своей статье о методологии сопоставительного исследования русской и немецкой фразеологии, демонстрируя это на немецких выражениях *federleicht*, *kreideweiß* (Мокиенко 1999:341). С такими «словами» можно встретиться как среди библейских (*Judasküss*, *Totsunde*, *Eckstein*, *Sarahtochter*, *Evastochter*, *Schutzengel*, *Jungensünden*, *Kainszeichen*, *Adamssohne*, *Feuertaufe*, *Sprachenwervirtung* и другие) и античных фразеологизмов (*Sisyphusarbeit*, *Pyrrhussieg*, *Januskopf*, *Prokrustesbett*, *Tantalusqualen*, *Zankapfel*, *Amorspfeil*, *Ariadnefaden*, *Argussaugen*, *Pandorasbüchse*, *Augiasstall* и другие), так и среди фразеологизмов, пришедших в немецкий калькированием из других языков (*Goldjugend*, *Kanonenfutter*, *Nebenansicht*, *Geistgegenwart*, *Wortspiel*, *Weltbürger*, *goldeswert*, *Spitzenzeiten*, *Hexenjagd*, *Lynchgericht*, *Goldfieber*, *Seifenoper*, *Famielievater* и другие). Реже с таким явлением можно встретиться в английском языке, где, например, для фразеологизма *путеводная звезда* существует эквивалент *lodestar*. В английской фразеологической теории они, однако, проблем не вызывают - английский термин *idiom* включает в себя и однословные выражения.

О. Фёдоров, который занимается проблемой лексических фразеологизмов несколько лет, находит примеры таких выражений и в чешском языке. В нашей работе таким фразеологизмом, который имеет однословный эквивалент в чешском и словацком языках, является фразеологизм *присутствие духа*: если рассмотреть его эквиваленты в исследуемых языках: чеш. *duchapřítomnost*; слов. *duchapřítomnosť*; пол. *przytomność umysłu*; англ. *presence of mind*; нем. *Geistesgegenwart*; исп. *presencia de amino*; ит. *presenza de amino*; то можно заметить, что лексический фразеологизм присутствует в трёх языках.

Включение таких выражений во фразеологический состав языка является, однако, спорным, причём сторонников такого подхода намного меньше, чем тех, кто против него. Уже сами традиционные определения фразеологизма, которые работают с такими понятиями, как *сверхсловность* и *раздельнооформленность*,

противостоят такой возможности. По данным Н. Д. Фоминой и М. А. Бакиной, одно из важнейших свойств фразеологизма - раздельнооформленность, в связи с которой авторы пишут: «в состав фразеологизма входят, как минимум, два словесных компонента, из которых каждый оформлен как самостоятельная единица, т.е. имеет своё ударение и окончание» (Фомина, Бакина 1985:7). Тожественный критерий встречается в польской фразеологической теории у А. Олеськевич, которая по поводу сверхсловности пишет: «frazologizmy są, bowiem, połączeniami (związkami) conajmniej dwóch wyrazów pełniącymi funkcję pojedynczego leksemu (Oleskiewicz 2007: 18). Дальше автор в приведённой работе существование однословных фразеологизмов в некоторой степени допускает: «kryterium nieciągłości jest istotą każdego związku frazeologicznego, również związku będącego jednoleksemnym kompozycją, dwóch przecież wyrazów» (Там же: 19).

Сверхсловность как один из основных признаков фразеологизма привела к тому, что возникло определение так наз. *минимальной фразеологической единицы*, которая, по данным Й. Млацека, состоит из одного полнознаменательного и одного служебного слова (Млацек 1984: 81). (Другие исследователи применяют термин *одновершинные фразеологизмы*).

В более новых работах Й. Млацек, однако, до некоторой степени допускает существование однословных фразеологизмов, для которых употребляет название *subfrazémy* (Mlacek 2007: 52) и под влиянием работ О. Федосова пишет: „Otvorenou tu ostáva najmä otázka takýchto idiomatických kompozít, a to aj z hľadiska porovnávacieho, aj z hľadiska všeobecnej frazeologickej teórie. V niektorých typoch jazykov sú ony rovnocenným ekvivalentom našich frazém so syntagmatickou stavbou a zároveň istým spôsobom naznačujú (ba aj vyjadrujú) svoju dvojzložkovosť, teda celkom im nechýba ani spomínaná druhá syntaktická tvár, a tak práve ony patria k jednotkám, pri ktorých by frazeologická teória mohla hovoriť o posune hraníc samej frazeológie, zahrňujúc do pojmu frazéma aj takéto výrazy (Mlacek 2007: 53). Впрочем, уже признание такой минимальной фразеологической единицы является шагом в сторону расширения границ фразеологии. По данным приведённого автора, и такие фразеологизмы многие исследователи фразеологизмами не считают (смотри, например, вышеприведённое определение Н.Д.Фоминой и М.А.Бакиной).

Доказательством, что их следует воспринимать как фразеологизмы, по словам автора является факт, что в ряде случаев к ним существуют более развернутые эквиваленты с факультативным членом: *do grajciara - do posledného grajciara* (Там же). Концепция минимальной фразеологической единицы в сходной форме встречается у болгарского автора В.Вътова и в монографии В. М. Мокиенко. Хотя такой аргумент несколько противоречит концепции эксплицирования слова во фразеологическую единицу, именно он встречается в статье О. Федосова. Упомянутый автор считает, что библейское выражение *aranyborjú - золотой телец* не должно оставаться за границами фразеологии, если в неё включаются фразеологизмы и пословицы, в компонентном составе которых оно выступает (Федосов 2007: 102).

Кроме приведённого, в статье автора встречается ещё один аргумент. Он прямо связан с вопросом интернациональности фразеологизмов и, на наш взгляд, является аргументом более веским: «для венгерской фразеологии было бы по крайней мере странно, если бы не «за ромбом», а «за бортом» её фразеологии остались, например, общепризнанные европейские идиомы только на том основании, что по форме они - сложные слова» (Федосов 2007:96). Такой общепризнанной европейской идиомой является и библейский фразеологизм *aranyborjú - золотой телец*. Если возвратиться, однако, к немецкому языку, на основе нашей работы можно привести несколько похожий аргумент в пользу лексических фразеологизмов. Среди калек с немецкого, которые присутствуют в большинстве исследуемых языков, находятся и фразеологизмы *соломенная вдова* и *соломенный вдовец*. Превый из них - фразеологизм *соломенный вдовец*, мы можем найти во всех исследуемых языках: чеш. *slaměný vdovec*; слов. *slamený vdovec*; пол. *ślomianu wdowiec*; укр. *солом'яний удивець*; англ. *grass widower*; нем. *Strohwitwer*.

Ситуация с фразеологизмом *соломенная вдова* тождественна: чеш. *slaměná vdova*; слов. *slamená vdova*; пол. *ślomiana wdowa*; укр. *солом'яна вдова*; англ. *grass widow*; нем. *Strohwitwe*.

Одним из новых обозначений проститутки, является выражение *ночная бабочка*, которое также восходит к немецкому прототипу и также встречается в большинстве исследуемых языков, причём в исходном - немецком - имеет целый

ряд вариантов: чеш. *noční motýl*; слов. *nočný motýľ*; пол. *ćma nocna*; нем. *Nachtswärmer, Nachtswärmerin, Nachtfalter, Mitternachtsmotte, Nachtschwalbe, Nachtschattengewächs, Nachtsmetterling, Nachtsvogel, Nachtigall*.

Если внимательно посмотреть на немецкий прототип всех рассмотренных выражений, то можно заметить, что во всех приведённых случаях он является именно сложным словом. Поэтому - хотя включение сложных слов в состав фразеологии языка имеет свои недостатки, с точки зрения интернациональности оборотов оно, на наш взгляд, вполне оправданно. Ведь утверждать, что фразеологизм, пришедший в состав большинства европейских языков с немецкого, не имеет эквивалента именно в немецком нелогично - тем более, что в некоторых случаях - в нашей работе в последнем примере, речь идёт о новом выражении.

2.3.5. Кальки с английского языка

Что касается динамических процессов во фразеологии, то по словам Л. Степановой, «самый заметный процесс - это активное обогащение фразеологии за счёт заимствований. Новая волна англицизмов (или американизмов), захлестнувшая славянские языки, которую некоторые называют даже «языковой интервенцией», ведёт к быстрому расширению интернационального ядра фразеологии» (Степанова 2008: 19).

Б. Ю. Норман в своей статье о славянских поговорках среди примеров редких нововозникших поговорок приводит несколько калек именно с английского языка (напр. *если ты такой умный, почему ты не богатый*). Среди них встречается в статье фразеологизм *не кладите все яйца в одну корзину* (Норман 2007:6) Он является примером фразеологизма, который не перешел в другие языки, кроме русского. Его отсутствие в словацком вызвало проблему в переводе последней части книги Гарри Поттер, где фразеологизм присутствует, но, так как этот фразеологизм может служить примером одного из свойств, которое встречается у целого ряда фразеологизмов - образности, это позволило переводчику воспользоваться почти дословным переводом:

„to nie je otázka dôvery. Ako obaja vieme, môj čas je obmedzený. Je dôležité, aby som chlapcovi odovzdal dostatok informácií, ako má urobiť to, čo musí urobiť.“

A prečo ja nemôžem dostať tie informácie? Radšej neukladám všetky svoje tajomstvá do jedného koša, najmä do koša, ktorý už toľko rokov visí na Voldemortovej ruke“ (Harry Potter 7: 565)

Доказательством английского происхождения упомянутого оборота служит тот факт, что в английском языке встречаются его варианты. В качестве примера можно привести ФЕ *put the eggs into wrong basket*, который является одним из эквивалентов русского выражения *дать маху*.

2.3.5.1. Способы и причины миграции английских фразеологизмов:

Влияние английского языка на другие языки в последнее время отмечает и П. Крейчи, который, исследуя болгарскую и чешскую фразеологию газетно-публицистического стиля, обращает внимание на возникновение неологизмов. Среди трёх неологизмов, которые автор в своей работе приводит, первым является ФЕ *podreždam kušata* (букв. 'убираю свой дом'). Это, по мнению автора, - калька с английского *put one's house in order* (Krejčí 2006:75). То, что возникновение нового фразеологизма калькированием с английского замечает именно автор работы о фразеологии газетно-публицистического стиля, не случайно. Другой исследователь фразеологии, Гана Српова, в этом стиле приходит к выводу, что новые фразеологизмы - кальки с английского - приходят в язык именно посредством газет. В качестве примера она, занимаясь чешским языком, приводит следующие примеры: *kostlivec ve skřini - skeleton in the cupboard/closet - světlo na konci tunelu - light at the end of the tunnel; vyjít z úkrytu - come out of closet* (Srřová 2003:138) (вариантность последнего компонента фразеологизма в английском и отсутствие вариантов в чешском и других языках является, если опираться на приведённую выше теорию В. М. Мокиенко, доказательством того, что фразеологизм возник именно в английском языке и в другие языки распространился калькированием).

Статья М. Чеховой об употреблении фразеологизмов в современной коммуникации приводит другие примеры, это, однако, заимствованные в исходной форме фразеологизмы: *who is who, last but not least, don't worry* и фразеологизм с английским компонентом *vo co go* (Čechová 1994: 181)

Нужно отметить, что в ряде случаев с фразеологизмами английского происхождения мы встречаемся с употреблением чаще всего в газетно-публицистическом стиле.

2.3.5.2. Причины интернациональности / неинтернациональности калек с английского языка:

Л. Степанова, сравнивая чешский и русский языки, приводит целый ряд фразеологизмов - калек с английского, которые можно найти в обоих языках: *красная карточка, промывание мозгов, писать в стол, скелет в шкафу, заметить под ковёр, моя чашка чаю (кофе), делить пирог* и другие (Степанова 2008:19).

Сам факт такого влияния английского языка и такой миграции фразеологизмов, о которой мы говорили выше, является причиной их интернациональности.

Проблемой статуса интернациональности таких единиц является тот факт, что ситуация с их фиксацией в словарях похожа на ситуацию с фразеологизмами античного происхождения. Если у античных фразеологизмах большинство единиц (по довольно понятной причине, а именно - что они почти вышли из употребления) **уже** не фиксируется, то в случае калек из английского целый ряд **ещё** не фиксируется. Нам, например, не удалось в польском электронном словаре довольно авторитетного польского издательства PWN отыскать эквивалент для русской ФЕ *борьба за существование*. Такая единица, если опираться на словари, не существует и в украинском языке, хотя она несомненно есть.

Кроме того, нет совершенно надёжных, принятых всеми лингвистами правил в связи с тем, что уже можно считать фразеологизмом и что является только окказиональным пословным переводом. Рассмотрим поэтому такие выражения, которые этим путём пришли во фразеологию немного раньше - так, чтобы этот факт успел отразиться в словарях.

Таким примером может служить фразеологизм *стирать публично грязное бельё*, который является калькой английского *to wash up one's dirty linen in public* (БМС 2005: 48). О его «газетном» распространении в некоторой степени свидетельствует его немецкий вариант: *schmutzige Wasche waschen* - фразеологизм возник в 19 веке на основе политической речи Бисмарка : «Das Reich ist zu jung ,wir wollen lieber mal unsere Wasche unter vier Augen waschen».

В состав всех исследуемых языков вошло и выражение *время - деньги*, которое является калькой английского *time is money*. Это выражение принадлежит американскому политическому деятелю В. Франклину, который в книге «Совет молодому купцу» (1748) писал: «Помни, что время - деньги». Однако сходное по мысли выражение встречается ещё у греческого философа и ученого Теофраста; букв. «Время - убыточная статья расхода» (БМС 2005: 126).

Много таких фразеологизмов благодаря большому влиянию английского языка в экономической теории встречается и в этой области. Кроме приведённой ФЕ *золотой парашют*, нам в теории международной торговли удалось найти употребление фразеологизма *верхние десять тысяч*, где это выражение употреблялось скорее в качестве термина:

Warnerova stratifikace

rozčleňuje společnost na 3 základní skupiny, každá z nich se dále člení na dvě jiné:

Upper classes Upper upper (Vyšší vrstva) – the upper ten thousand

Lower upper

Middle classes Upper middle (Střední vrstva)

Lower middle

Lower classes Upper lower (Nižší vrstva)

Lower lower

(z referátu z přednášky předmětu „Mezinárodní obchod“)

Может быть, тот факт, что данный фразеологизм встречается в таких специальных текстах, стал причиной его распространения и в других исследуемых языках: чеш. *horních deset tisíc*; слов. *horných desať tisíc*; англ. *the upper ten thousand*.

Причиной распространения крылатых выражений из произведений английских авторов часто является именно известность произведения. Примером такой известности может служить цитата из произведения У.Шекспира, на основе которого возник фразеологизм *in the mind eye*. Фразеологизм был калькирован в русский язык, где он имеет эквивалент - *перед мысленным взором*. Известность ФЕ доказывает тот факт, что известный польский писатель А.Мицкевич в своей балладе "*Romantyczność*" употребляет в качестве мотто именно цитату из У. Шекспира, в которой употреблено это выражение: *Methinks, I see...where?*

- in my mind's eyes.

Книжный или публицистический фразеологизм *закон джунглей*, который распространился из «Книги джунглей» Р. Киплинга, можно найти во всех

исследуемых языках: чеш. *zákon džungle*; слов. *zákon džungle*; пол. *prawo džungli, pięści*; англ. *the law of the jungle*; нем. *das Gesetz des Dschungels*.

С другой стороны, Л. Степанова в упомянутой статье приводит несколько примеров таких выражений - калек с английского языка, которые существуют в русском языке, но с чешском их нет. Это, например, такие выражения: *бесплатный сыр только в мышеловке; не класть все яйца в одну корзину; выкручивать руки* (Степанова 2006: 19).

Что касается неинтернациональности фразеологизмов английского происхождения, то можно, кроме разной степени влияния английского языка на другие языки, остановиться на таких случаях, где укреплению оборота в данном языке способствовали обстоятельства, которых в других языках не было.

Таким примером может служить фразеологизм *братцы- кролики*, о котором в словаре БМС написано: оборот - калька и переосмысление английского *brer (brother) Rabbit*. Возникло под впечатлением негритянских (американских) народных сказок о братце Кролике - ловком пройдохе и наглеце. Переосмысленное выражение активизировалось на русской почве благодаря широкоупотребительному обращению *братцы* (БМС 2005: 67). Из-за приведённого переосмысления фразеологизм не имеет эквивалентов калькированного фразеологизма в других языках.

3. Типологические интернационализмы

Типологические интернационализмы - это «сходные фразеологизмы, которые возникли в разных языках независимо друг от друга в силу сходных экономических и культурных условий. Это, прежде всего, фразеологические параллели, отражающие наблюдения над окружающим миром. К этому разряду можно отнести также ФЕ, построенные по общей для нескольких языков структурно - семантической модели» (Степанова 2004: 247). Хорошим примером такого фразеологизма является выражение *играть в жмурки*, которое связано с детской игрой в жмурки, которая заключается в том, что один из играющих ищет остальных с завязанными глазами. Остальные играющие стараются при помощи

разных звуков обмануть его. На основе такой игры возникает ФЕ, которая употребляется в значении: 'скрывать друг от друга свои мысли, утаивать истинные намерения; действовать окольными путями, взаимно обманывать друг друга ' (БМС 2005: 227) и существует, кроме русского, например, в словацком, чешском и украинском языках: чеш. *hrát si na slepou bábu*; слов. *hrat' sa na schovávačku*; укр. *грати у жмурки*.

Благодаря такому возникновению фразеологизмов в разных языках независимо друг от друга имеет эквиваленты, тождественное по своему образу, и, например, фразеологизм *здать баню*, который, как доказывает В.М.Мокиенко, является исконно русским оборотом (Мокиенко 2007: 42).

3.1. Причины интернациональности и причины отличий в группе типологических интернационализмов:

По словам Э. М. Солодухо, «фразеология представляет собой лингвистическую универсалию. В определённой степени универсальны и основные присущие фразеологии категории, свойства, процессы и т.д., предполагающие возникновение фразеологических параллелей» (Солодухо 1984: 17-18).

В приведённом в начале этой части определении говорится о наблюдении над окружающим миром, которое настолько тождественно, что приводит к возникновению сходных фразеологизмов в разных языках. Доказательством такой тождественности является возникновение тождественных легенд и басен, которые нередко приводят к возникновению тождественных фразеологизмов.

Так, украинский писатель Коцюбинский в своей «Казке Хо» вспоминает украинскую «байку про селяніна, що вміраючи, на пучку прутів показав синам, яку силу має єдність», что очень напоминает „национальную” повесть о Святоплуке.

Среди собрания словацких легенд о замках и крепостях встречается примерно следующий сюжет: когда войска врага пытались осадить одну из крепостей, чтобы уморить людей в неё голодом, жители собрали последнюю муку, испекли хлеб и бросили через стены крепости врагам. Враги, увидя выброшенные хлеба, подумали, что у жителей крепости осталось столько еды, что они могут её даже выбрасывать, и решили оставить крепость и уйти. Тождественную легенду вы,

однако, услышите, если посетите одну из крепостей во Франции. Из этой легенды, к сожалению, никакой ФЕ не возникло.

Другое дело - басня Крылова о собаке на сене, на основании которой возникает фразеологизм *собака на сене*. Кажется, если фразеологизм возник на основе русской басни, то он не должен быть неинтернациональным. Указанный фразеологизм можно, однако, найти и в английском языке, причём английский фразеологический словарь приводит, что фразеологизм возник на основе басни. Это связно с тем, что басня с тем же содержанием и названием встречается у Лопе де Вега.

В чешском и словацком языках мы найдём также тождественный фразеологизм: чеш. *pes na seně*, слов. *pes na sene*. В польском сюжет отразился во фразеологизме *pies ogrodnika*, значение которого тождественно со значением оборота в других языках: 'о человеке, который не даёт никому воспользоваться чем-то, сам не пользуясь этим и не имея из этого ничего' (Электронный словарь ПВН). В качестве примера употребления в словаре встречается: *SLD zachowuje się jak pies ogrodnika, sam tej reformy nie przeprowadził, a teraz nie chce dać nikomu tego zrobić. Tryb 30/03/1998*. Значит, можно констатировать полную тождественность образа (о тождественности образов и символов во фразеологии будет речь ниже).

Кроме того, некоторые басни мигрировали из языка в язык, из одного источника в другой.

Если опять возвратиться к украинскому языку, то можно вспомнить хотя бы украинский фильм "Білий птах з чорною ознакою", в основу которого легла следующая легенда об аисте: когда-то очень давно дал Бог одному человеку завязанный мешок и послал его бросить этот мешок в глубокую пропасть, но велел мешок не открывать. Человек был, однако, до того любопытным и до того желал посмотреть, что мешок содержит, что решил открыть его и посмотреть в него. Тогда из мешка вылетело всё зло и разбежалось по миру. Бог в наказание превратил человека в аиста - белую птицу, но с чёрной отметиной, которая будет до тех пор летать по миру, пока всё зло не соберёт. Поэтому аисты едят лягушек....Легенда очень напоминает античный сюжет с ящиком Пандоры,

который отразился в возникновении интернационального фразеологизма *ящик Пандоры*.

Примером служит и басня о льве, который, убив оленя, настаивает на том, чтобы ему досталась не просто большая часть добычи, но вся добыча целиком, ибо, как он говорит: «я называюсь Львом». Из басни возникает фразеологизм *львиная доля*, который можно найти во всех исследуемых языках: чеш. *lví podíl*; слов. *leví podiel'*; пол. *lwia cześć*; укр. *левова пайка*; англ. *the lion's share*; нем. *Löwenanteil*; исп. *la parte del leone*.

Разные толкования происхождения этой ФЕ касаются, как мы видим по данным словаря БМС, не самого фразеологизма, о скорее его источника - приведённой басни: 1) в основе выражения - античный басенный сюжет, автором которого считается Эзоп. Лев в его басне, убив с помощью других животных оленя, настаивает, чтобы ему досталась не просто большая часть добычи, но вся добыча целиком, ибо, как он говорит «я называюсь Львом».

2) в русском языке этот оборот - калька из фр. *la part du lion*; 3) оборот с одной стороны - результат сгущения древних восточных притч, отразивших ассоциации льва с могуществом и силой, с другой - постоянный источник развёртывания этих сюжетов в баснях разных народов (БМС 2005: 195).

В. М. Мокиенко, тщательно проанализировав и фразеологизм, и басню, приходит к заключению, что автором басни является народ (Мокиенко 2005: 31).

Что касается самого возникновения типологических интернационализмов, то Ф. Альбрехт в связи с типологических интернационализмами отмечает момент, что «сам механизм формирования переносной образной семантики в разных языках идентичен» (Альбрехт 1999: 253).

Тот факт, что фразеологизмы возникают на основе такого наблюдения над окружающим миром независимо друг от друга, подтверждает и присутствие тождественных по форме и значению фразеологизмов в языке столь далеком от русского и других рассматриваемых языков, каким является арабский: В небольшом словаре *365 + 1 arabské přísloví a mudrosloví* можно найти целый ряд выражений, тождественных по образу или по форме, или фразеологизмов с тождественной образностью, в пословном переводе на чешский: *tvůj jazyk - tvůj kat*

psi štěkání mrakům neublíží (Bohboun, Bohbounová 2003).

Характерно, что в словаре можно найти параллели и библейских и античных выражений: *kdo mečem vládne, od meče umírá, láska je slepá, a proto v lásce není rady, láska a slepota jsou sestry, zvenčí mramor, zevnitř saze* - параллель интернационального библейского выражения *гроб пованпленный*; несмотря на то, что во фразеологической теории часто рекомендуется различать европеизмы и интернационализмы, причём фразеологизмы библейского и античного происхождения приводятся в качестве примера европеизмов, так как они связаны с культурным наследием европейских народов ((Телия 1979:7-8, Олеськевич 2007:78). Такая ситуация только лишней раз доказывает факт, что существовали и существуют причины для возникновения тождественных фразеологизмов в разных языках независимо друг от друга благодаря универсальности человеческого мышления.

В связи с фразеологизмами, образованными по сходной модели в разных языках, о которых пойдёт речь ниже, заметим, что арабские ФЕ можно привести и в качестве доказательства тождественности такой модели. Так, фразеологизм *ни рыба ни мясо* встречается в арабском в варианте *je jako pštros - ani pták, ani velbloud* (Bohboun, Bohbounová 2003).

Возникновение универсалий на концептуальном уровне доказывают такие выражения, как *i krmená hyena čeká na příležitost ke zradě, mnoho kuchařů - spálené jídlo* (Там же).

Если, однако, возвратиться к типологическим интернационализмам, то хорошим примером фразеологизма, который существует и, например, в китайском языке (БМС 2005: 198) - ФЕ *все дороги ведут в Рим*. Фразеологизм можно найти во всех исследуемых нами языках: чеш. *všechny cesty vedou do Říma*; слов. *všetky cesty vedú do Ríma*; пол. *wszystkie drogi do Rzymu prowadzą*; англ. *all roads lead to Rome*; нем. *alle Wege führen nach Rom*; исп. *todos los caminos llevan a Roma*; ит. *tutte le strade conducono / menano a Roma*.

Любопытно, что возникновение пословицы в разных языках независимо друг от друга доказывает словарь БМС именно на этом фразеологизме: «пословица интернациональна. Наличие пословиц, образованных по аналогичной модели в

столь разных языках, как итальянский и китайский может быть лингвистическим свидетельством того, что пословица имеет народное происхождение и не принадлежит ни конкретному автору, ни конкретному историческому эпизоду (БМС 2005: 198).

Во многих языках можно найти и типологические эквиваленты фразеологизма *носить воду решетом*, причём в словацком языке этот фразеологизм записан уже в 1696 году. Древность такого оборота доказывает и то, что фразеологизм, по данным словаря БМС, в котором встречается пять разных определений его происхождения, некоторые фразеологи связывают с древнегреческим источником: «калька с греческого, впервые встречается у Платона. В античном обществе способность носить воду решетом было доказательством девичьей невинности, наградой за целомудрие» (БМС 2005: 106). Факт, что интернациональным является именно образ, доказывает варьирование глагола: чеш. *nabírat sítem vodu / vodu do síta*; слов. *nosiť vodu v site; naberat' vodu sitom*; пол. *czerpać wodę sitem, rzeszotem, przetakiem*; укр. *міряти во́ду ре́шетом; носі́ти во́ду ре́шетом*; англ. *try to carry water in a sieve*.

Образ развёртывается и в чешской народной песне: *neveř, holka, chlapcům neveř*

na řící vodu neměť

voda ti vyteče, chlapec ti uteče

bude lásky konec

В связи с таким сходством надо упомянуть о сходстве образа, который лег в основу таких фразеологизмов. Как мы уже отмечали в разделе библейских фразеологизмов, словацкий фразеолог М. Сотак приходит к заключению, что „frazeológia nevzniká ustálením slovného spojenia, ale ustálením obrazu, označovaného slovným spojením. Prirodzene, potom i ustálením tohoto spojenia, no až v druhej etape“ (Soták 1989: 17). Приведённая цитата точно описывает возникновение фразеологизмов этой группы. Теперь рассмотрим подробнее образы и символы, на основе которых возникают типологические интернационализмы.

Среди типологических интернационализмов можно выделить две доминирующие группы: соматические фразеологизмы и фразеологизмы анималистические.

В чешской фразеологии, по подсчётам Ф. Чермака, 80 процентов из устойчивых сравнений содержит соматический или анималистический компонент (Šermák 1982: 146),

Многочисленность первой группы доказывают подсчёты М.Сотака, который занимался частотой употребления тех или иных компонентов в составе фразеологизмов. По данным этого автора, в русском языке чаще всего встречаются в составе фразеологизмов следующие компоненты: *глаза* - 186 раз (из 5392 ФЕ); *голова* - 146 раз; *рука* - 138 раз (Сотак 1989: 31).

Далее следует компонент *дело*, не относящийся к группе соматизмов, но первые три места занимают соматизмы. В словацкой фразеологии ситуация сходна - соматизмы там занимают первых шесть мест: *oko* - 183; *hlava* - 182;

ruka - 168. Этимологический словарь итальянского языка констатирует у этого слова метафорическое значение 'помощь, авторитет, сила'(dizionario etimologico 2005:608). Далле следует *jazyk* - 145; *srdce* - 115; *noha* - 113 раз (из 7739 фразеологизмов) (Soták 1989: 31), Й. Млацек говорит в связи с такими соматизмами о гиперактивности некоторых слов во фразеологии (Mlacek 2007: 114).

Такую ситуацию показывает в своей работе и П. Крейчи, который выделяет среди фразеологизмов следующие тематические группы: 1) человек в широком понимании

2) человеческая деятельность и её предметы

3) предметы, созданные человеком (Krejčí 2007: 56).

По данным этого автора, в первой группе преобладают именно соматические и психосоматические фразеологизмы (Там же: 61).

Э. М. Солодухо, который также отмечает, что большинство интернациональных фразеологизмов имеет антропоцентрическую направленность, выделяет среди них следующие группы:

1) ощущения: а. зрительные - *бросаться в глаза*

б. слуховые - *резать ухо*

в. обонятельные - *бросаться в нос*

г. кожные - *мурашки бегают*

2) ощущения голода, жажды, тошноты, боли

3) кинетические отношения - *ударять в голову*

4) психологические процессы - *ударять в голову*

5) процесс запоминания, забывания - *выпустить из головы* (Солодухо 1984: 13-14).

Если рассмотреть их интернациональность, приводя эквиваленты в изучаемых нами языках, то примером типологического интернационализма с соматическим компонентом может служить фразеологизм *потерять голову*, при котором именно факт, что фразеологизмы, содержащие соматический компонент, встречаются в языке столь часто, может служить аргументом в пользу третьей версии толкования его происхождения: 1) калька с фр. *perdre la tete*;

2) оборот является результатом редукции пословицы: *Потерявши голову, по волосам не плачут*;

3. Оборот нельзя признать ни калькой с фр., ни эллипсисом пословицы. (БМС 2005: 150).

Как уже было сказано, фразеологизм можно встретить во всех исследуемых языках: чеш. *ztratit hlavu*; слов. *stratit' hlavu*; пол. *stracić głowe*; укр. *stratumiti głovu*; англ. *lose the head*; нем. *sein Kopf verlieren*.

Именно этот фразеологизм приводят Н. Д. Фомина и М. А. Бакина в качестве доказательства того, что «существует большое количество фразеологизмов, которые сходны по своему значению и по образной структуре в различных языках. Можно говорить об общеевропейском фонде фразеологизмов, которые обусловлены близкими или одинаковыми культурно-историческими условиями жизни народов (Фомина, Бакина 1985:9).

Доказательством такого возникновения фразеологизма - в разных языках независимо друг от друга - могут служить и другие фразеологизмы с данным компонентом, у которых не встречаются исключаящие друг друга толкования. Например, у фразеологизма *вбить в голову* в словаре БМС находим только одно, однозначное толкование: выражение связано с представлением о том, что поверхность головы у тупого человека чрезвычайно тверда, через неё трудно пробиться разумным мыслям (БМС 2005:147). Этот фразеологизм тоже можно признать интернациональным: чеш. *vtlouct do hlavy*; слов. *vbit' do hlavy*; пол. *wbić w głowie*; укр. *ubiti u głovu*; англ. *got into the head*.

В случае фразеологизма *промочить горло*, который употребляется в значении 'выпить немного пива или водки' (БМС 2005: 158) ситуация ясна до того, что в упомянутом словаре встречается только: фразеологизм интернациональный (Там же).

В качестве доказательства можно привести эквиваленты данного фразеологизма в других языках: чеш. *svlažit si hrdlo*; слов. *zvlažit' si hrdlo*; укр. *промочити горло*; англ. *wet one's whistle*; нем. *sich die Kehle anfeuchten*; исп. *remochar la garganta*; ит. *rinfrescar il gorozzulle*.

Особую группу среди соматических фразеологизмов представляют собой фразеологические единицы типа *махнуть рукой*, *покачать головой*. Словарь русской фразеологической терминологии определяет такие ФЕ как фразеологизмы, «характерной особенностью которых является двуплановость значения, сочетание буквального значения оборота, обозначающего жест, мимику, какое-либо телодвижение и т.п., и значения, сообщающего о символическом смысле жеста, мимики и т.п., о выражении тех или иных эмоций (цит. по Jankovičová 2007: 252).

М.Янковичова о таких фразеологизмах пишет: «Spojenie emócií s pohybmi tela má svoje vysvetlenie. Podľa zistení psychológov emócie predstavujú jednotu psychického a somatického, inými slovami, emócie zachvacujú celý organizmus človeka, tak psychiku, ako aj telo, a každá emócia je sprevádzaná celým radom psychických prejavov“ (Jankovičová 2007:253). Автор далее отмечает, что среди фразеологических совмещений встречаются и такие фразеологизмы, которые описывают именно приведённые изменения, например: *krv sa mu nahrnula do tváre, srdce sa mu rozbúchalo, vyschlo mu v hrdle* (Там же). Такой механизм возникновения ФЕ способствует их интернациональности - возникновению тождественных фразеологизмов в разных языках. Из исследуемых нами фразеологизмов можно в качестве примера привести фразеологизм *качать головой*, который употребляется в трёх значениях: 1) выразить сомнение характерным жестом (покачиванием головы из стороны в сторону); 2) выразить несогласие с чем-л., отрицание чего-л. тем же жестом; 3) выразить укор, неодобрительное удивление тем же жестом.

Фразеологизм существует и в других исследуемых нами языках: чеш. *zavrtět hlavou*; слов. *zavrtieť / zakrútiť hlavou*; пол. *krecić głową*; укр. *качати головою*.

Вторая группа - анималистические фразеологизмы - это, по определению М.Рака, «związki frazeologiczne zawierające zoonim, czyli komponent będący nazwą zwierzęcia lub części jego ciała» (Rak 2006:368). В.М.Мокиенко в связи с частотой анималистических компонентов приходит к заключению, что «если всю русскую фразеологию разделить по тематическим группам, то образов из животного мира, окажется, наверное, больше всего» (Мокиенко 2005:106).

Анималистические символы встречаются уже в Библии, причём часто являются ещё более древними, чем Священное Писание. По поводу библейского змия-искусителя В.Шнеебергер пишет, что слово *змей* в древнееврейском языке употреблялось для обозначения всех злых, магических сил, поэтому в Библии в такой роли выступает именно он (Schneeberger 2003: 23). Образ голубя, о котором пойдёт речь ниже, встречается и в библейском выражении *мудрые как змеи и кроткие как голубки*. Образ голубя, который отразился в выражении *жить как голубки*, описывается в БМС следующим образом: «выражение известно многим европейским языкам. Верность голубиной пары при этом не столь аксиоматична, как утверждается этим сравнением: по описанию А. Брема, пара голубей не обязательно хранит верность друг другу всю жизнь. Образной основой оборота, видимо, являются наблюдения над тем, как пара голубей касается друг друга клювом, что напоминает людям о поцелуях» (БМС 2005: 153). Фразеологизм можно, действительно, найти и в других языках: чеш. *žít jako holoubci*; слов. *žiť ako holúbky*; *holub s holubičkou*; укр. *як ти голубки жити*.

В польском языке встречается, однако, и другое выражение, которое основано на тождественном образе: ФЕ *golebie serce*. Что касается собаки, то собака в Библии упоминается 30 раз, только два раза из этих 30 позитивно (по В. Fogle 1999: 20). По многим употреблениям видно, что собака здесь выступает только как символ. Позитивным является, наоборот, образ собаки в греческой мифологии, где она выступает как символ верности. По данным приведённого источника, у греческого героя Перикла была собака, которая плыла вместе с ним в Саламин, когда афинянам пришлось покинуть свой город. Собака как символ верности выступает и в римской мифологии, где также представляет собой верность и мужество.

Если согласиться с фактом, что фразеологизм возникает на основе закрепившегося образа, то одну из причин сходств в группе анималистических фразеологизмов можно видеть именно в таких символах и закрепившихся образах. Это прекрасно доказывает статья А. Архангельской (Архангельская 2002: 35-40), в которой автор рассматривает фразеологизмы с компонентом *собака*. Чтобы показать такое явление на более широком диапазоне языков, можно употребить фразеологизм *собачья жизнь*, о котором в словаре в связи с его происхождением пишется: «в обороте отразились реальные представления о трудной жизни бездомной собаки» (БМС 2005: 225). Фразеологизм имеет эквиваленты во всех исследуемых языках: чеш. *psí život*; слов. *psí život*; пол. *psie życie*; укр. *собачче життя*; англ. *a life of a dog*.

Сходным может оказаться развитие однословного символа во фразеологическую единицу. В.М.Мокиенко приводит в качестве примера развёртывания слова во фразеологическую единицу выражение *дубина стоеросовая* (Мокиенко 1976: 8). По данным словаря БМС возникает развёртыванием слова *вагон* фразеологизм *вагон и маленькая тележка*: «выражение собственно русское. Образовано семантической конкретизацией слова *вагон*, которое с середины XIX века начинает использоваться как оценочное, подчеркивая обильность чего-л. Такой же мерой большого количества были и слова русского корнеслова: *воз, короб*. Шутливое добавление компонентов *и маленькая тележка* в живой современной речи создаёт яркую экспрессию, мерой которой является отношение между прямым значением компонентов и переносным значением оборота (БМС 2005: 78). Тожественное развитие можно заметить во фразеологизме *hromada a korec* в чешском языке.

Такое сходство первоначального образа может, как мы показали в группе библейских фразеологизмов, привести и к возникновению разных фразеологизмов. Как отражение жизни собаки возникает, например, в польском языке ФЕ *użyć jak pies w studni*, которой в других языках нет.

Образ слепой курицы, который приводит Е. Королева, рассматривая фразеологизмы, записанные в Латгалии (Королева 2005: 759), также привёл к возникновению фразеологизма *akla vista arī graudu atrod* - и слепая курица зерно

находит. В словацком языке на основе тождественного образа возникает фразеологизм *prísť k niečomu ako slepá kura k zrnu*.

По-разному отразился во фразеологии разных языков и образ «аптекарской точности», на основе которого в русском языке возникает выражение *как в аптеке*. Это выражение квалифицируется БМС как «собственно русское. В основе образа - точное и тщательное взвешивание составных частей лекарств в аптеках» (БМС 2005: 29). Полный эквивалент можно найти только в украинском и чешском языках, если, однако, внимательнее посмотреть на эквиваленты данного выражения в других языках, сразу становится понятным, что они тоже связаны с этим образом: чеш. : *jako v apatyce; jako na lékárnických váhách*; в слов. языке фразеологизма нет, возможен перевод при помощи выражения *na chlp presne*; в польском есть выражение *aptekarska dokładność*; укр. *як в аптеці*; в англ. существует ФЕ с другим образом: *precisely to the drop*.

К фразеологизму *воды не замутил*, который употребляется об очень смирном, безобидном, тихом человеке, существует, например, в польском языке параллель со сходным образом в основе фразеологизм *tacić wodę*.

В некоторых случаях во фразеологизмах выступает разный анималистический символ, что после приводит к возникновению универсалий на концептуальном уровне, или фразеологизмов, образованных по модели, но не сходных фразеологизмов. Такая ситуация, например, со сравнением *глуп как баран*. БМС, рассматривая происхождение этого оборота, комментирует именно этот символ: «баран и овца издавна служат символом глупого человека. Это сравнение употребляли и древние греки: ещё во фрагментах Кратина встречается сравнение глупого человека с овцой. У Аристофана одно из действующих лиц говорит, что ему представилось собрание заседающих баранов, разумя под баранами афинян» (БМС 2005: 44). Если, однако, посмотреть другие языки, можно обнаружить, что там во фразеологизме отразился другой анималистический символ глупости: например: чеш. *hloupy jako vůl; je jako osel / beran*; слов. *hlúpy ako osol*; пол. *glupi jak ciele*.

Характерно, однако, что пословица *старая собака понапрасну не лает* встречается, по данным девятиязычного словаря пословиц, во всех языках в тождественной форме.

По-разному конкретизируется и образ, положенный в основу фразеологизма *пустить козла в огород*: в английском языке, встречается ФЕ в варианте *set the fox to watch the geese*, а в болгарской пословице *пази, Боже, от грък потурчен, от лисица калугерка а от магаря градинар* (осла -городника). В чешском, словацком и немецком языках встречается, как и в русском, компонент *козёл*, хотя нужно заметить, что словацкий вариант является калькой с немецкого.

Фразеологизм *осиное гнездо* во всех языках встречается в тождественной форме: чеш.: *osí hnízdo*; слов. *osie hniezdo*; укр. *осине / осяче гніздо*; но в английском языке фразеологизм имеет в своей основе другой, хотя и очень похожий, но, может быть, более экспрессивный, образ: *hornest's nest*.

Разные фразеологизмы на основе тождественного образа армии встречаются и при описании значения 'большое количество людей'. Если в чешском можем стретиться с выражением *je jich celá armáda*, то английский язык употребляет о большом количестве чего-то выражение *enough to feed an army*.

Вернёмся ещё к анимализмам. Как уже было сказано, большую часть анималистических фразеологизмов составляют сравнения. Такие сравнения могут отличаться, кроме уже приведённого отличия в символе, в разных языках по двум основным причинам: во первых может сказаться влияние экстралингвистических данных. Так, по наблюдениям Л. Степановой «только в южнославянских языках распространена ФЕ хорв. *skrivati kao guja noge* <...> словенское *skrivati kat kača noge*; македонское *крије като земја нозе*, что, несомненно, свидетельствует не только о близости данных языков, но и сходном опыте данных народов, проживающих в гористой местности» (Степанова 2006: 71).

Анималистические фразеологизмы с течением времени претерпевают (как и остальные фразеологизмы) большие изменения, причём среди сравнений чаще всего заменяется последний компонент. Среди анималистических фразеологизмов, которые Я.Складана приводит в своей работе, встречаются например, такие выражения: *vadiť sa ako mačky; slepý ako krtica* (Skladaná 1993: 81) - в современном

словацком языке встречаются выражения *vadiť sa ako psy, slepý ako krt*. Такие изменения в составе фразеологизмов являются также причиной отличий в разных языках. В качестве примера можно привести фразеологизм *оборзеть как бык в загоне*. Он употребляется в значении ‘начать вести себя упрямо и нагло, обнаглеть’ и является жаргонным фразеологизмом. Если прочесть данные по его происхождению, сразу становится ясным, что такой фразеологизм должен быть неинтернациональным: «Образовался сочетанием жаргонизмов *оборзеть* - «обнаглеть, озвереть, перейти допустимые меры в общении» и сравнение *как бык в загоне* «недалёкий и упрямый человек». Последнее образовано усечением присказки «Ты вор в законе или бык в загоне» (БМС 2005: 75). Однако благодаря образу, положенному в его основу, он имел в прошлом в словацком языке эквивалент - выражение *pískat' si ako sviňa v cudzom*, который уже вышел из употребления.

Существование сходного представления можно хорошо доказать ещё на одном фразеологизме - на ФЕ *изобрести велосипед*. Что касается его происхождения, в его основу лёг очень понятный образ: Самым старым и очень примитивным прототипом нынешнего велосипеда историки техники считают целериферу (от лат. *celerifera* - букв. «быстроноска»), которую сконструировал в 1690 году француз М. де Сирвак. Однако его изобретение было забыто, и в 1779 году велосипед «вновь изобрели» его земляки Бланшар и Магир. Это они дали машине название велосипед (от лат. *velox* - «быстрый» и *ped* - «нога»). Затем велосипеды появлялись и в других странах. Однако находки археологов доказывают, что само изобретение гораздо древнее - велосипед мог быть изобретен, как минимум, тысячу лет назад. А основная часть велосипеда - колесо - была изобретена ещё намного раньше: напр., в болгарской деревне недалеко от черного моря было найдено колесо, которому свыше 5 850 лет. Именно колесо является компонентом синонимичного рассматриваемому выражению оборота: *изобретать колесо* - «начинать всё сначала». В русском языке выражение *изобретать / изобрести велосипед* сравнительно новое, впервые оно зафиксировано в 1984 г. (БМС 2005: 87). Фразеологизма в других языках нет, существуют только параллели с другой

образностью, поэтому при переводе приходится пользоваться другим интернациональным фразеологизмом *открыть Америку*. Характерно, однако, то, что образ, который лежит в основе фразеологизма, встречается в другом месте - в экономической теории. Там, в области персонального менеджмента сложилось в чешском языке понятие *syndrom znovuvynalézání kola*, характеризующее повторение тех же шагов в выполнении работы из-за отсутствия достаточной коммуникации в рамках рабочего коллектива (нельзя, однако, исключить возможность влияния английского выражения *reinveted the wheel*).

Одной из причин отличий во фразеологизмах являются отличия в грамматическом строе языка. Выше мы уже рассмотрели способность немецких фразеологизмов превращаться в слова. Можно упомянуть ещё об одной особенности немецкого языка, которую отмечает уже В.Флайшер: типичным здесь является компонент *es: es hinter den Ohren haben...*(Fleischer 1982: 90).

Кроме того, фразеологизмы часто варьируются. Если в чешском языке встречается фразеологизм *je žábě po očásek / po břuch*, в словацком нам несколько раз удалось встретиться с вариантом *žabe po oči: napadne sneh žabe po oči a už sú z toho problému* (запись 16.10.2006 Predná Hora, SR).

Сходный первоначальный образ по-другому конкретизировался и во фразеологизме *камень на душе лежит*. Хотя существуют два разных толкования его происхождения, с точки зрения эквивалентов в других языках можно согласиться со вторым из них: 1) в выражении *камень* обозначает нечто плохое, связанное с трудностями и со злом; 2) прозрачная метафора, навеянная известным ощущением тяжести в груди при волнении, недобром предчувствии и т.п. (БМС 2005:282-283).

Фразеологизм существует во всех языках, кроме английского: чеш. *kámen leží na prsou*; слов. *kameň leží na duši*; укр. *важкий камінь давить душу / лежить на серці*; пол. *kamień na serce*;

- в английском языке образ чего-то тяжёлого конкретизировался по-другому. Можно встретиться с выражениями: *a weight on the heart* и *the heart is heavy* .

Во фразеологизме *камень с сердца свалился* ситуация тождественна: чеш. *spadl kámen ze srdce*; слов. *kameň spadol zo srdca*; пол. *kamień spadł z sierca / piersi*; укр.

тяжкий камінь з груди звалився; англ. *a weight was taken of*; нем. *jdm. fällt ein Stein vom Herzen*.

Разновидностью типологических интернационализмов являются фразеологизмы, образованные по сходной структурно-семантической модели. Рассмотрим теперь эту группу.

3.2. Фразеологизмы, построенные по общей для нескольких языков структурно -семантической модели

М. Янковичова в своей статье о определении своего и чужого во фразеологии, выделяет, кроме оппозиции своё - чужое во фразеологии и группу параллельных фразеологизмов. По её словам, «речь идёт об однозначных единицах, образованных по одинаковой структурно-семантической модели, которые возникли независимо друг от друга в разных языках, иногда типологически различных» (Янковичова 1999: 453). В статье в качестве примера приводится словацкое выражение *plávať ako sekera* и японское *plávať ako motyka* (Там же).

Что касается определения таких фразеологизмов, то можно воспользоваться определением Ф.Альбрехта: „под моделью мы понимаем типовой, стандартный образец конструирования той или иной единицы, допускающей вариантность компонентов в пределах своей логико-семантической структуры (Альбрехт 1997: 254). Важным при том является то, что „смысловое наполнение модели и её структурная специфика при всех допустимых вариантах компонентов остаётся неизменной” (Там же). Важность такого сохранения значения подчеркивает и Я.Складана, которая пишет: „Variantnosť sa vzťahuje na formálnu stránku frazémy, jej celostný význam sa musí zachovať“ (Skladaná 2007: 297).

В межъязыковом понимании В. Стракова в связи с переводом фразеологизмов отмечает, что «*jako varianty obecného modelu lze pak chápat i ekvivalenty v pohledu mezijazykovém*» (Straková 1994: 87).

Наглядным примером такой модели может служить фразеологическая модель *разбираться как + наименование животного (редко-человека) + в + существительное, обозначающее неподходящий для названного субъекта продукт*

питания или вид деятельности, рассмотренная Л. Степановой (Stěpanova 2004:106). Активность данной модели доказывает и М.Пак, который приводит в своей статье “*Antropocentryzm gwarowej frazeologii zwierzęcej z Gór Świętokrzyskich*” и *Podtatrze* её варианты в исследуемой им области: *znać się jak + swinia na gwiazdach, kura na jajkach, kura na matematyce, kura na piwie, kura na pieprzu, kura na piwie, slepe kurza na zarnie* (Пак 2006: 371)

В данной статье приводится ещё один интересный пример: для выражения большого количества чего-либо употребляются выражения: *je ich jak + białych myszy / czerwonych myszy / gadu na kępie / krolikow / mrowek / much / pchel / psów / pszol w ulu*. (Там же) Такое количество вариантов нетрудно было бы найти и в других языках или диалектах. Такие фразеологизмы доказывают, что в данных фразеологизмах важна общая схема, а не значение отдельных компонентов. Следующим «традиционным» примером фразеологизма, образованного по модели, является ФЕ *убить бобра*, о котором в словаре БМС прямо пишется, что это модель «убить (поймать) + животное = совершить неудачное действие» (БМС 2005: 56). Параллели в исследуемых нами языках существование такой модели доказывают: чеш. *chytit zajíce; kozla odřít*; слов. *strelit' capa*; пол. *złapać zajaca, złowić wydreę*; укр. *лиса зловити, вишукати лиса, лисицю піймати*; в английском языке варианты не относятся к данной модели: *put the saddle on the wrong horse; put the eggs in the wrong basket*.

Если возвратиться к русскому языку, то существование фразеологизмов, образованных по модели, хорошо доказывает выражение *сказать на вербе грушу*. Значение этого фразеологизма 'рассказать что-л. абсолютно неправдоподобное, пообещать невозможное. Это общеславянское выражение является обломком фольклорных и мифологических традиций, отраженных языком. С фольклорной точки зрения, оно является одним из многочисленных вариантов так называемой «формулы невозможного», названной П. Г. Богатыревым «оксюморон в действии». В украинском языке и русских диалектах (особенно южнорусских) формула невозможного конкретизируется, в частности, в комбинации растительной символики вербы и груши, корни которой - в древних славянских и индоевропейских мифологических представлениях. Верба - дерево, которое, с

одной стороны, быстро растёт и характеризуется живучестью, с другой - несмотря на цветение - бесплодно. Груша же, в отличие от вербы - символ плодovitости. Так, укр. *груші на вербі* и рус. народ. *сказать на вербе грушу* «соединение несоедимого» в квадрате. Это не просто подчеркивание невозможности появления сладких плодов на нефруктовом дереве, но и противопоставление двух мифологических символов - бесплодности и плодovitости (БМС 2005: 89).

Хорошим примером модели является фразеологизм *мерить на свой аршин*, при котором можно встретиться как с внутриязыковой, так и с межъязыковой моделью: существование внутриязыковой модели доказывает описание происхождения фразеологизма в русском языке: Выражение отталкивается от слова *аршин* - деревянная или металлическая линейка или палка длиной в один аршин, употреблявшаяся для отмеривания тканей при их продаже. Торговцы тканями, обманывая покупателей, делали свой аршин намного меньше положенной мерки. Во избежание обмана купцы и покупатели предпочитали свой собственный аршин. Выражение образовано по широко известной «метрической» модели, давшей и другие русские ФЕ: *мерить на свою мерку, на свой салтык, на свой копыл, на свою колодку, на свой образец, на свой лад*. Несмотря на национально маркированное слово *аршин*, выражение не является собственно русским... (БМС 2005: 33).

Доказательством межъязыковой модели являются эквиваленты фразеологизма в других языках: чеш. *měřit svým loktem*; слов. *na'ahovať na svoje / vlastné kopyto*; пол. *mierzyć kogo, co swoją, własną miarką, miarą*; укр. *міряти на один аршин*; англ. *messer by the same yardstick*; нем. *mit gleicher Elle messen*.

В качестве примера межъязыковой модели можно назвать и фразеологизм *смотрит как баран на новые ворота*, которым мы приводим по двум причинам:

1) во-первых, он может служить наглядным примером тождественного развития в разных языках, в русском языке выражение возникло в результате эксплицирования устойчивого сравнения *смотреть как баран*. Баран считается настолько глупым животным, что якобы не узнаёт своего двора, если поставлены новые ворота, и поэтому долго смотрит на них, не решаясь войти (БМС 2005:44). Сходное развитие можно отметить в других языках, о чём свидетельствует наличие

исходного варианта в других языках - например, словацкого *čumíš ako teľa*, которое, как и наш развёрнутый вариант, очень активно употребляется.

Во-вторых, прямо приведённый источник указывает на то, что сравнение известно в различных вариантах (где баран заменяется иными животными - «телёнком», «волом», «быком», коровой», «козлом» и другими). Варьирование компонентов этой модели отражает национальную специфику фразеологического образа (Там же). В исследуемых нами языках ситуация выглядит примерно так:

чеш.: *koukat jako tele na nová vrata*; слов. *čumieť ako teľa na nové vráta*; пол. *patrzeć jak ciele na malowane wrota*; укр. *глядити як баран на нові ворота*.

Остановимся ещё на модели *нужен как + предмет + в несвойственном ему месте = 'абсолютно не нужен'*, на которой можно хорошо доказать активность таких моделей и в наше время. В БМС такую модель представляет, например, фразеологизм *нужен как на бане (на кузне крест)*, в чешском *platný jako pes v kostele*...Активность такой модели доказывает возникновение не только новых фразеологизмов, но и шуток, построенных по этой модели. М. Чехова записывает, например, среди молодёжи окказионализм *je užitečný jako automat na prezervativy ve Vatikáne* (Čechová 2007: 323), Шутки, с которыми можно встретиться, доказывают привлекательность, экспрессивность таких построений: например: *si důležitý ako pumpra pre sánky* (Voloviny 8 / 2008).

Активное возникновение фразеологизмов, построенных по данной модели, основанных на парадоксе доказывают и исследования М.Чеховой, которая пишет: «velké oblibě se těší u mladých frazeologizmy, založené na paradoxu: *«je nenápadnej jako Eskymák / sáně na Sahaře / poušti...»*.(Čechová 2007: 323).

Тождественность таких моделей и их возникновение в разных языках независимо друг от друга доказывает и наличие арабской пословицы, которую Х. Богбоун и М. Бохбоунова переводят как *pes zůstane psem i když mu dáš zlatý obojek*. В чешском языке можно встретиться с вариантом *vůl zůstane volem, i kdyby mu na housle hrál*.

В уже упоминаемых фразеологизмах, записанных в Латгалии, встречается выражение в переводе на русский язык *смотрит как конь на овёс*, соответствующее русскому *смотрит, как волк на телёнка / смотрит как кот на*

сало. Среди студентов одной словацкой средней школы мы записали выражение *čutí ako pedofil do kočíka*, которое стало в этой среде очень популярным.

На уровне пословицы с моделью можно встретиться и в связи с ФЕ *ложка дёгтя портит бочку мёда*, где общую модель можно описать как *небольшое количество чего-то плохого портит + большое количество чего-то хорошего*: чеш. *jedna kapka jedu pokazí bečku medu*; слов. *jedna kvapka jedu pokazí sud medu*; пол. *kąsek żolci beczkę miodu zepsuje*; англ. *one drop of poison infects the whole tun of wine*; нем. *ein wenig Galle macht viel Honig bitter*; исп. *rosa piel hace amarga mucha miel*; ит. *una goccia d'assenzio guasta un vaso di miele / basta a guastare*.

4. Универсалии на концептуальном уровне

Если привести определение универсалий на концептуальном уровне, то это фразеологизмы, отражающие сходные представления европейских народов об окружающем мире, но облаченные часто в очень разную форму (Степанова 2004: 248, Степанова 1995: 67-68). Такой способ возникновения фразеологизмов вполне подтверждает и А. К. Бирих, который пишет: «как известно, в создании лексического и фразеологического фонда принимает участие и языковая картина мира, которая в определённой степени ответственна за возникновение конкретных концептов» (Bierich 2005: 182).

В качестве примера Л. Степанова приводит фразеологизм *китайская грамота*. Наименование китайского языка встречается в английских и французских ФЕ, в чешском языке встречается фразеологизм с компонентом *испанский* - *je to pro mě španělská vesnice*, в немецком с компонентом *чешский* *böhmische Dörfer* (Stěpanova 2004: 107-108).

Целую группу таких фразеологизмов рассматривает сербская лингвистка Драгана Мршевич-Радович, которая говорит о сходном представлении об уме: «predstava uma u poslovic: car, gospodar» (Mršević - Radović 2003: 75), который нуждается в просторе, чтобы править. Так как он царь, ему нужен замок или дворец (Там же). Сходное представление развивается и дальше: слабоумный человек - такой, у которого пространство ума представлено как «nezavršeno, nepokryto, kojemu

nedostaje poneka „daska“ i kroz kojega moze da duva i promaja (Там же). Автор приводит в качестве примера несколько сербских и болгарских фразеологизмов: *nedostaje jedna / treća / četvrta daska u glavi,*

линства му една дъска,

дължа на Михаила за дъску пари (Там же).

В словацкой фразеологии в связи со вторым выражением можно упомянуть о записанном М. Затурецким фразеологизме *je blažkovi za čapicu dlžen* (Záturecký 2001: 392).

Из нашей работы можно привести фразеологизм *выписывать мыслете*, в котором встречается название старинной русской буквы. Его английский эквивалент - *take a virginia fence* - связан с английскими реалиями: в его основу лег образ залива в Вирджинии, который имеет очень нерегулярное побережье (Oxford Dictionary of Idioms: 305).

Фразеологизму *в чужом пиру похмелье* соответствует в польском языке фразеологизм *wypić piwo, ktore ktoś nawarzył*, польскому фразеологизму *jak psu z garla wyjate* соответствует словацкая характеристика *ako krave z pyska*, в русском языке можно встретиться с ФЕ *как корова жевала*.

Самым характерным примером могут служить фразеологизмы, в компонентном составе которых встречаются названия разных народов, и фразеологизмы, в составе которых встречаются именно названия профессий (В.М.Мокиенко во втором случае говорит о «субъективной оценке профессий» (Мокиенко 2005: 38).

Совмещение обоих этих образов приведённый автор рассматривает на фразеологическом поле «пьянство», которое, по его данным, представляет собой самое большое количество фразеологизмов - словарь фразеологических синонимов приводит 56 синонимов с таким значением (Мокиенко 1997: 225). К фразеологизму *пьян как сапожник* В. М. Мокиенко приводит четыре эквивалента в чешском языке: *pije jako štětkář / starý granátník / soukeník*. Первое из данных выражений встречается и в немецком *trinkt wie ein Bürstenbinder*. В английском этот фразеологизм представлен тремя выражениями: *drunk as a lord / a fiddler / a piper*. Во французском языке таких профессий девять, но, как отмечает В.М.Мокиенко, сапожника среди них нет (Мокиенко 2005: 38-39). Существительное *сапожник*

встречается только в польском языке, где образ пьяного сапожника использовал польский писатель Игнацы Крашицки:

Był młody, który życie wstryemliczliwe pędził,

Był stary, który nigdy nie lajał, nie zezędził,

Był bogacz, który zbiorow potrzebnym udzielał

Był autor, co się z cudzej sławy rozwesalał,

Był celnik, który nie kradł, szwec, który nie pijał (Krasicki: wstęp do bajek).

Такое описание напоминает пословицу, которую записал В.И.Даль: *портной вор, сапожник буян, кузнец пьяница*.

Из оценки народов во фразеологии можно привести, например, чешский фразеологизм *zmizet po anglicku*, эквивалент которого в английском языке, в свою очередь, тоже содержит название народа: *take a french leave*, эквивалент во французском - *filler a l'anglaise*. В испанском встречаются оба «национальных варианта» *tocar el pito ingles, despedirse a la francesa*.

4.1.Причины неинтернациональности среди универсалий на концептуальном уровне:

Й.Млацек в связи с основными принципами во фразеологии упоминает о „nesystémovosti alebo výberovosti frazeológie“ (Mlacek 2007: 45). По сравнению с лексическим фондом языка, по словам этого автора „Vo frazeológii je táto medzerovitost' a teda aj nesystémovost' ešte oveľa výraznejšia“ (Там же). В такой ситуации можно, по нашему мнению, видеть одну из причин отсутствия эквивалентов в группе типологических интернационализмов, фразеологизмов, образованных по модели и универсалий на концептуальном уровне. Так, фразеологизм *комара не обидит*, по данным имеющихся в нашем распоряжении словарей, отсутствует в английском языке, фразеологизм *мал золотник, да дорог* в этом языке также не имеет эквивалента.

В некоторых случаях можно встретиться с нетождественным развитием процессов во фразеологии. Так, одним из довольно характерных процессов во фразеологии является возникновение новых - коротких единиц на основе больших единиц (Мокиенко 1980: 60, Mlacek 2007: 64). Из уже приведённого нами фразеологизма *ложка дёгтя портит бочку мёда* возникает в русском, словацком, украинском и чешском языке в соответствии с теорией Й. Млацека о выделении именной части

из состава пословицы (Mlacek 1980: 71; 2007: 48, 66) фразеологизм *ложка дёгтя*. (По данным словаря БМС, выражение образовано усечением пословицы *ложка дегтя портит бочку мёда* (БМС 2005: 398).

Тожественный процесс можно наблюдать в словацком и чешском языке: чеш. *kapka jedu*; слов. *kvarka jedu*; укр. *ложка дьогтю*.

В английском языке, хотя и возникает эквивалент, но он не является усечением пословицы: *a fly in a ointment* (фразеологизм буквально значит 'муха в сале' и восходит, по данным Oxford Dictionary of Idioms, к Библии (Oxford Dictionary of Idioms :112). В польском языке, например, фразеологизм отсутствует. Подобное отличие в развитии фразеологизма можно наблюдать в связи пословицей *лучше синица в руках чем журавль в небе*, где такое развитие описывает В. М. Мокиенко (Мокиенко 2007: 140-148).

Как и в случае типологических итернационализмов, можно констатировать отсутствие эквивалентов определённых фразеологизмов в некоторых языках, что приводит к их безэквивалентности. В словацком языке так вышла из употребления ФЕ *žat' cudzie žito* - эквивалент русского *печь хлеб в печке соседа*.

5. Заключение

В нашей работе мы исследовали фразеологизмы, входящие в группу интернациональных фразеологических единиц, т.е. обороты, которые имеют, согласно определению интернациональных фразеологизмов, предпосылки к тому, чтобы их эквиваленты встречались в разных, родственных и неродственных языках. Речь идёт о фразеологизмах библейского происхождения, фразеологизмах, основанных на античной мифологии, фразеологических кальках и фразеологических параллелях, возникших в разных языках независимо друг от друга.

Целью нашей работы было выявить причины отличий и сходств в группах таких фразеологизмов в разных языках. Кроме того, мы коснулись некоторых проблем установления границ разных групп указанных фразеологизмов и привели основную характеристику их употребления в современном русском (и других) языках. (Итернациональные фразеологизмы - это, по определению Я. Складаной, «фразеологизмы, которые используются в нескольких мировых языках (т.е. не только в двух), родственных и неродственных, и источниками которых являются христианство (прежде всего Библия), античная история и литература, античная мифология, мировая общественная история и литература» (Складана 2005: 824). В работе мы рассмотрели также некоторые специфические проблемы, касающиеся, как правило, только конкретных групп интернациональных фразеологизмов (возникновение лексических фразеологизмов и возникновение фразеологизмов с давно адаптированным компонентом).

Первая группа рассмотренных интернациональных фразеологизмов – фразеологизмы библейского происхождения. В указанную группу входят обороты, которые прямо (*метать бисер перед свиньями, отдать богу душу*) или косвенно (*ангел без крылышек*) связаны с Библией. При выделении библейских фразеологизмов встречаются некоторые трудности в связи с тем, что некоторые ФЕ могут иметь более древние источники, т.е. в текст Библии они вошли уже как сформировавшиеся устойчивые фразеологические единицы с переносным значением. Примером может служить ФЕ *альфа и омега*. Кроме того,

фразеологизмы библейского происхождения часто мигрируют из языка в язык (*Ноев ковчег*), поэтому в группе русских библейских фразеологизмов часто встречаются также кальки, прежде всего, с французского языка.

Миграция фразеологизмов из языка в язык является одной из причин отличий ФЕ разных языков в группе библейских фразеологизмов. Среди других причин отличий следует отметить разные способы перевода библейских текстов в разных языках, которые приводят либо к отличиям в компонентном составе библейских фразеологизмов в разных языках (напр. наличие церковнославянских слов в русских ФЕ *неверный Фома, древо познания добра и зла*), либо к безэквивалентности данного фразеологизма (эквивалентов не имеют, например, русские ФЕ *злоба дня, ни на йоту* и другие). С особенностями истории переводов Библии связана также одна из причин сходств этих фразеологизмов, а именно влияние Вульгаты. Интернациональности фразеологических оборотов библейского происхождения способствовал также большой авторитет церкви, из-за которого в разных странах распространились тождественные обряды и молитвы. На основе таких обрядов и молитв потом возникали тождественные ФЕ.

Безэквивалентности некоторых ФЕ способствует выход таких единиц из употребления. Самая большая частота безэквивалентных фразеологизмов встречается в группе периферийных библейских фразеологизмов (с компонентами *бог, дьявол* и др.), связь которых с Библией минимальна. Причиной отличий может быть также семантическое развитие фразеологизма (напр., у фразеологизма *дар божий*), разное освоение того же библейского образа (напр., образа Иова в разных языках) и изменение фразеологизма в данном языке (наблюдается расширение компонентного состава или возникновение краткого варианта фразеологизма (напр. *зуб за зуб* в русском языке). Говоря о фразеологизмах библейского происхождения, необходимо упомянуть также об экстралингвистических причинах, прежде всего об отличиях в вероисповедании (напр. при фразеологизме *радоваться как Христову дню*).

Античные фразеологизмы – это группа фразеологизмов, возникших на основе древних античных мифов. В русском языке они возникали прежде всего в XVIII веке, когда усилился интерес к античности. По своему происхождению они часто

представляют собой кальки с латинского или греческого языка, в русский язык попали, чаще всего, посредством французского или немецкого. Одной с причин отличий в разных языках здесь является тенденция приспособить фразеологизм к реалиям заимствующего языка (напр., нем. *das Hemd ist näher als der Rock* и слов. *bližšia košel'a ako kabát*). Кроме приспособления к реалиям, возможны также изменения с целью повышения экспрессии (*беден как Ир – беднее Ира*). Встречается разная конкретизация тождественного античного образа (*авгиевы конюшни – augiášiv chlév*). Как и в группе библейских фразеологизмов, и здесь мы сталкиваемся с ситуацией, когда на основе тождественного образа в разных языках возникают фразеологизмы с разным компонентным составом и значением (напр., ФЕ, в основе которых лежит образ бога Бахуса или сфинкса). Встречаемся также с ситуацией, когда отдельные античные фразеологизмы выходят из употребления и исчезают из языка.

Калькированные фразеологизмы – это языковые единицы, пришедшие в язык калькированием иноязычного прототипа. Для установления их интернациональности необходимо от калькированных фразеологизмов отличать те ФЕ, которые содержат адаптированный компонент, но не являются калькированными фразеологизмами, а возникли непосредственно в данном языке. Такие фразеологизмы в большинстве случаев неинтернациональны.

Среди калькированных оборотов в русском языке доминируют кальки с французского языка. Отличия в языковых контактах являются одной из важнейших причин безэквивалентности фразеологизмов. Кроме того, среди калькированных фразеологизмов встречается также ситуация, когда разные языки заимствуют фразеологизмы в разной форме.

В связи с немецким языком необходимо упомянуть о так называемых лексических фразеологизмах. Их присутствие в немецком (и других) языках вызвано грамматическими особенностями языка, его склонностью к превращению фразеологизма в слово-компонит (напр. немецкое *federleicht, hundmüde*). Включение лексических фразеологизмов в состав фразеологии, по нашему мнению, обусловлено двумя факторами: во-первых, среди фразеологизмов, которые пришли в русский язык калькированием из немецкого языка встречается целый ряд

лексических прототипов. Во-вторых, было бы неверно утверждать, что конкретный фразеологизм не имеет в немецком языке эквивалента только потому, что он представляет собой в данном языке лексическую единицу. С лексическими фразеологизмами встречаемся также в других из рассмотренных нами языков, но в значительно меньшем количестве.

В некоторых случаях отсутствие калькированного фразеологизма в языке можно объяснить тем, что в данном языке существует исконный оборот с подобной или отличной образностью, который служит для обозначения тождественного явления (ФЕ как *кураца лапой* имеет в чешском языке эквивалент *škrábat jako kocour*).

В группе калек также встречаемся с ситуацией, когда происходит изменение компонентного состава фразеологизма. Самым частым случаем является расширение его компонентного состава (русская калька с французского *сказать сквозь зубы* имеет в английском языке эквивалент *to say throw elenged teeth*). При описании расширения калек из отдельных языков представляет собой проблему их диахронный анализ, так как не у всех фразеологизмов ясно, из какого языка данное выражение пришло.

Специфической чертой, связанной с латинскими оборотами, является большое значение латинского языка при развитии европейской культуры и его большое распространение в науках. Среди фразеологизмов, пришедших в русский язык калькированием с латинского, встречаются как крылатые выражения, так и словосочетания терминологического характера. Причиной отличий является семантическое развитие фразеологизмов в конкретных языках, создание неинтернациональных вариантов заимствованного фразеологизма.

В последнее время можно наблюдать бурный рост заимствований из английского языка, особенно посредством публицистического стиля (*золотой парашют*) или современных наук.

В связи с фразеологизмами, которые пришли в русский язык из английского, необходимо упомянуть о трудностях при поиске их эквивалентов в словарях, так как большинство словарей эти новые выражения часто еще не фиксируют.

В группу типологических интернационализмов входят такие ФЕ, которые в разных языках тождественны, но возникли независимо друг от друга. Их появление

является результатом тождественности человеческого мышления, доказательством чего, кроме прочего, являются и тождественные басни и легенды, с которыми в разных странах можно встретиться. Такие басни и легенды служат одним из источников типологических интернационализмов. Среди типологических интернационализмов самую большую группу составляют соматические и анималистические фразеологизмы. Тождественность таких фразеологизмов доказывают также их параллели в неевропейских языках, напр., в арабском. Так как возникновение типологических интернационализмов связано с тождественным наблюдением над окружающим миром, одной из причин отличий являются отличия в географических и культурных условиях жизни народов. Встречаемся также с разной конкретизацией тождественного образа. Разновидностью типологических интернационализмов являются фразеологизмы, образованные по сходной структурно-семантической модели.

На основе сходных представлений разных народов о мире возникают также универсалии на концептуальном уровне. Эти фразеологические единицы, хотя и отражают такие сходные представления, но часто имеют очень разную форму. Часто в них отражаются стереотипные представления разных народов (ср.: рус. *китайская грамота*; чеш. *španělská vesnice*; нем. *böhmische Dörfer*) и названия профессий. Причиной отсутствия эквивалента в конкретном языке часто является несистемность отражения действительности во фразеологии. В некоторых случаях можно встретиться с нетождественным развитием процессов во фразеологии. Такое констатирование касается более всего тех случаев, когда на основе интернациональной паремии возникает усечённый, чаще всего номинативный фразеологизм, который функционирует не во всех, а лишь в некоторых языках.

В заключение нашей работы можно сделать вывод, что возникновение интернациональных фразеологизмов является обширным многовекторным процессом, обусловленным целым рядом причин - прежде всего лингвистических, но и экстралингвистических. Разумеется, ни фонд таких ФЕ, ни набор причин их отличий и сходств, не были описаны в нашем дипломном сочинении исчерпывающим образом, однако мы надеемся, что наша работа послужит хотя бы

некоторой иллюстрацией проблем, связанных с вопросами интернациональности и неинтернациональности ФЕ в славянских и западноевропейских языках.

Resumé

Naše diplomová práce je věnována problémům ekvivalentnosti frazémů v ruštině v porovnání s dalšími evropskými jazyky (čeština, slovenština, ukrajinština, polština, němčina, angličtina, italština, španělština). Snažili jsme se odhalit příčiny shod a rozdílů v morfolo-gro-matické podobě a sémantice těchto jednotek v různých jazycích. Internacionální frazeologizmy byly dlouhou dobu považovány za frazeologizmy totožné ve všech evropských jazycích a jejich bližšímu výzkumu nebyla věnována pozornost.

V naší diplomové práci byly tyto frazeologické jednotky (FJ) rozděleny do skupin podle klasifikace L. Stěpanové na genetické internacionalizmy, typologické internacionalizmy a univerzálie na konceptuální úrovni. Podrobněji jsme se v této práci zabývali otázkou internacionalnosti první skupiny frazeologizmů - genetickými internacionalizmy, v nichž jsme vyčlenili 3 skupiny.

1. Biblické frazeologizmy- mezi biblické frazeologizmy patří všechny FJ, které jsou přímo nebo nepřímo spojeny s Biblií, nebo obsahují ve svém složení některý z mytologemů, jakými jsou slova: *Bůh, anděl, ďábel, čert, Adam, Eva*,
2. Antické frazeologizmy- FJ, které vznikly na základě antické mytologie,
3. Kalky a polokalky- jedná se o ty FJ, které vznikly v důsledku přesného, nebo nepřesného překladu cizojazyčného prototypu, kterým byl obvykle frazeologizmus.

V rámci poslední podskupiny „kalky a polokalky“ byly kalky rozděleny podle výchozího jazyka do čtyř skupin:

1. Kalky z francouzského jazyka, které tvořili v naší práci výrazně nejpočetnější skupinu, což bylo způsobeno velkým vlivem francouzského jazyka na jazyk ruský.
2. Kalky z klasických jazyků (z řečtiny a latiny) – problémem v této skupině kalkovaných frazeologizmů je fakt, že mnohé frazeologizmy biblického a řeckého původu představují klaky z řečtiny nebo latiny. Tyto frazeologizmy jsme v rámci naší práce zahrnovali mezi biblické a antické frazeologizmy
3. Kalky z německého jazyka, které tvořili v naší práci skupinu 27 frazeologizmů.

4. Kalky z anglického jazyka – problémem, se kterým jsme se během práce s touto skupinou setkali, byl fakt, že většina z nich dosud nebyla zachycena ve slovnících.

Kromě uvedených pěti výchozích jazyků byly do ruského jazyka převzaty některé frazeologizmy také z jiných jazyků, tyto skupiny jsou ale natolik málopočetné, že jsme jejich výzkumu nevěnovali zvláštní kapitolu a omezili jsme se na jejich krátkou charakteristiku v rámci obecného popisu frazeologizmů – kalků. Jednalo se konkrétně o dva kalky z jazyka ukrajinského a dva kalky z jazyka italského, které uvádíme v našem korpusu. Okrajově jsme při této příležitosti charakterizovali vliv jiných zkoumaných slovanských jazyků na frazeologický fond ruštiny – konkrétně češtiny a polštiny.

V další části jsme se zabývali tzv. typologickými internacionalizmy, které tvoří v rámci dané kvalifikace další skupinu internacionálních frazeologizmů. Jedná se o FJ, které vznikly v různých jazycích nezávisle na sobě. Poslední zkoumanou skupinou byla skupina tzv. „univerzálií na konceptuální úrovni“, ve které frazeologizmy vznikají nezávisle na sobě, na základě logicky srovnatelných podobností, na rozdíl od skupiny genetických internacionalizmů jsou v nich ale větší rozdíly.

Výchozí byly pro naši práci ruské FJ, které jsme čerpali ze slovníku: Бирих А. К., Мокиенко В.М., Степанова Л. И.: Русская фразеология. Историко-этимологический справочник. Москва, 2005. Pro naši analýzu jsme zvolily prvních tisíc frazeologizmů, u kterých jsme na základě diachronní analýzy, uvedené v tomto zdroji, předpokládali, že budou patřit do jedné ze skupin internacionálních frazeologizmů. K uvedeným frazeologizmům jsme v překladových slovnících a v jednojazyčných frazeologických jazyků, se kterými jsme tyto frazeologizmy srovnávali, našli odpovídající ekvivalenty. Kromě slovníků jsme využívali dalších, především internetových zdrojů, zejména frazeologických korpusů, v některých případech jsme využívali konzultací s rodilými mluvčími a naše excerpce ze současné literatury, publicistiky a hovorového jazyka v některých zkoumaných jazycích. Vzhledem k tomu, že odrážení internacionálních frazeologizmů ve slovnících není úplné (biblické a antické frazeologizmy už nejsou ve slovnících většinou zachyceny vůbec, nebo je pro překlad uváděn jiný, frekventovanější ekvivalent, který obvykle nepatří do dané skupiny. U kalků z anglického jazyka slovníky,

naopak, frazeologizmy většinou zatím neodrážejí) uvádíme pouze ty ekvivalenty, které se nám podařilo v dostupných zdrojích nalézt, nebo získat z konzultací či excerpací.

Jak již bylo uvedeno, práce obsahuje tisíc výchozích (ruských) FJ, celkově je v našem korpusu přes 5 000 FJ a jejich variant ve zkoumaných jazycích. Tyto frazeologické jednotky a jejich ekvivalenty jsou součástí pracovního korpusu, který uvádíme v příloze.

Pokud jde o výběr jazyků, se kterými jsme ruské FJ srovnávaly, náš korpus tvořily 4 slovanské, 2 germánské a 2 románské jazyky. Ze slovanských jazyků jsou v naší práci zastoupeny ekvivalenty ruských frazeologizmů v jednom východoslovanském jazyce (ukrajinštině) a třech záposlovanských jazycích (češtině, polštině, slovenštině). Ve výjimečných případech – pokud byl ekvivalent vhodný pro demonstraci popisovaného jevu – uvádíme v práci příklady z některých jihoslovanských jazyků, zejména bulharštiny a chorvatštiny. Z germánských jazyků jsme ruské FJ srovnávaly s FJ v němčině a angličtině, z románských jazyků ve španělštině a italštině. Práce obsahuje také několik francouzských, rumunských a latinských ekvivalentů.

První kapitola práce se věnuje obecným otázkám frazeologie – jejímu vymezení, určení a charakteristice FJ, vzniku frazeologie jako samostatné vědní disciplíny, uvádí významné přelomy ve zkoumání frazeologizmů. Dále uvádíme základní dělení frazeologizmů, se kterými se lze u jednotlivých autorů, ze kterých jsme čerpali, setkat. Práce krátce charakterizuje jednotlivé pojmy, které se používají ve frazeologické teorii, uvádí je do vztahů a vymezuje pro potřeby této práce. Navíc uvádíme krátkou charakteristiku vývoje frazeologie, přístup ke zkoumání FJ a vývoj základních pojmů. Zvláštní pozornost jsme věnovali otázce internacionálnosti frazeologie a tomu, nakolik je v jednotlivých pracích dílech dáván důraz na internacionálnost frazeologie, nebo nakolik lingvistické práce, naopak, počítají s neekvivalentností a idiomaticností FJ. Uvádíme nedostatky, které v sobě dosavadní práce obsahují a problémy, na které při vymezení internacionálnosti frazeologizmů narážíme.

Další členění kapitol odpovídá členění internacionálního fondu frazeologie do výše uvedených skupin, každá kapitola se potom skládá ze dvou částí. V první části jsme věnovali pozornost obecné charakteristice frazeologizmů zkoumané skupiny, jejich vymezení, využití v současném jazyce, okrajově charakterizujeme způsoby a příčiny jejich vzniku, případně čas a způsob, kdy se tyto jednotky v jednotlivých jazycích šířily.

Ve druhé části popisujeme příčiny shod a rozdílů mezi frazémy v jednotlivých skupinách: protože jsou tyto příčiny mezi sebou velmi úzce propojeny a také proto, že některé okolnosti způsobují jak internacionálnost, tak i neinternacionálnost frazeologizmů, nečlenili jsme tuto podkapitolu na dvě samostatné části.

Při klasifikaci ekvivalentů zkoumaných FJ v jednotlivých jazycích jsme využili tuto klasifikaci frazeologizmů do skupin:

1. Úplné ekvivalenty - ekvivalenty se stejnou strukturou, obrazností a stejným přeneseným významem
2. Částečné ekvivalenty - podle definice se jedná o ekvivalenty, které mají stejnou sémantiku a vnitřní formu, ale liší se jedním z těchto znaků: jiné, často synonymické komponenty, jiná struktura, jiný počet komponentů, nebo jiné rozdíly, které plynou z gramatických zvláštností jazyka. Pro potřeby naší práce jsme ale frazeologizmy, kterých obraznost byla totožná a lišily se pouze gramatickou strukturou v případě, že tato odlišnost byla způsobena odlišností v gramatické struktuře jazyka, považovaly za ekvivalenty úplné.
3. Relativní ekvivalenty - ekvivalenty s částečnou záměnou obraznosti při zachování sémantiky
4. Frazeologické analogy - ekvivalenty, které mají různou obraznost, blízkou nebo rozdílnou strukturu, ale stejný význam a stylistickou zabarvení
5. Bezekvivalentní frazeologizmy - frazeologizmy, které jsou obrazností a reáliovými komponenty často těsně spojeny s daným jazykem (podle MCM 1995:27-28).
6. Vzhledem k faktu, že toto členění neřeší otázku rozdílů, způsobených jiným druhem přebírání frazeologizmu - situací, kdy jeden jazyk přejal FJ ve výchozí podobě a druhý kalkováním, vytvořili jsme pro tyto rozdíly zvláštní skupinu - „ rozdílně přejaté frazeologizmy“. Důvodem pro vytvoření této skupiny byl anglický jazyk, který přejal relativně velké množství francouzských frazeologizmů v jejich výchozí podobě.

V jednotlivých kapitolách jsme se, kromě obecné charakteristiky těchto frazeologizmů, zabývali také určitými problémy, které jsou spojeny pouze s danou skupinou frazeologizmů. Například ve skupině frazeologických kalků blíže charakterizujeme

problematiku frazeologizmů, které vznikají na základě adaptovaného cizojazyčného komponentu, dále se v této kapitole blíže věnujeme problému takzvaných lexikálních frazeologizmů.

Pokud jde o obecnou charakteristiku frazeologizmů, mezi nejdůležitější rysy, na základě kterých lze frazeologizmy vymezit, patří jejich reprodukovatelnost, ustálenost a expresivita. Mezi fakultativní příznaky patří obraznost a nerozložitelnost nominace. Nejčastějším dělením, se kterým se můžeme ve frazeologické literatuře z hlediska internacionálnosti setkat, je rozdělení frazeologického fondu na původně ruské a převzaté frazeologizmy. V souvislosti s původně ruskými frazeologizmy se nejčastěji uvádí jako zdroj pro jejich vznik domácí literatura, řemesla a folklor. Ve skupině převzatých frazeologizmů se vyčleňují frazeologizmy internacionální. Toto členění však je nepřesné – vzhledem k tomu, že skupina typologických internacionalizmů obsahuje FJ, které vznikly nezávisle na sobě, přesahuje skupina internacionálních frazeologizmů také do skupiny jednotek původně ruských.

Biblické frazeologizmy jsou FJ, které jsou přímo či nepřímo spojeny s texty Svatého Písma. Pokud jde o příčiny shod a rozdílů ve skupině biblických frazeologizmů, na základě naší práce můžeme konstatovat následující příčiny shod:

1. Stejný pramen – Svaté Písmo.
2. Autorita církve, která vedla k tomu, že se mezi různými národy rozšířily stejné modlitby a církevní obřady, které vedly ke vzniku stejných frazeologizmů.
3. Univerzálnost lidského myšlení – lidi různých národností zaujal stejný fakt, zmíněný v Bibli, stejný obraz. Na základě tohoto obrazu potom vzniká stejný frazeologizmus. Problémem je, že dochází k situaci, kdy stejný obraz způsobuje vznik různých frazeologizmů.

Příčin internacionálnosti lze uvést daleko více:

1. Rozdíly v překladu Bible vedou v některých případech ke vzniku odlišných frazeologizmů, v některých případech dokonce k absenci frazeologizmu. Specifikem překladu Bible do ruštiny navíc je vysoká koncentrace církevněslovanských a archaických elementů. Tyto elementy se potom zachovávají v jednotlivých frazeologizmech, což způsobuje, že se komponentní složení těchto frazeologizmů v jazycích, se kterými jsme srovnávali, liší.

2. Dalším důvodem rozdílů je, jak již bylo umiňováno, různé rozvíjení se totožného biblického obrazu.
3. Biblické frazeologizmy se v jednotlivých jazycích různým způsobem rozvíjí, dochází k sémantickým změnám a změnám v komponentním složení a struktuře frazeologizmů.
4. Kromě biblických frazeologizmů, které byly vytvořeny na základě citátů z Bible a biblických podobenství, vznikají také některé frazeologizmy pouze na základě tzv. mytologemů. Tyto frazeologizmy patří do skupiny periferních biblických frazeologizmů a jejich spojení s Biblií je minimální. Tato okolnost způsobuje neinternacionálnost v této skupině frazeologizmů. V rámci dané skupiny lze vyčlenit několik podskupin, patří sem například frazeologizmy s biblickými jmény.
5. v souvislosti s existencí biblických frazeologizmů je potřeba se také krátce zmínit o extralingvistických příčinách, které způsobily rozšíření určitých frazeologizmů v jednom či více jazycích. Frazeologizmy biblického původu z frazeologického fondu jazyků ve velké míře mizí. Tento jev, který je, jak jsme zjistili na základě prací z diachronní lingvistiky jevem dlouhodobějším a můžeme ho uvést jako poslední z důvodů rozdílů v biblickém frazeologickém fondu v jednotlivých jazycích.
6. kromě příčin, spojených s jazykem hrají důležitou roli také příčiny extralingvistické, nejevidentnější z nich je rozdíl ve vyznání.

Antické frazeologizmy představují, stejně jako biblické frazeologizmy ve většině případů frazeologické kalky – většina z nich byla převzata do jednotlivých jazyků kalkováním z latinského či řeckého jazyka, v případě ruštiny navíc často prostřednictvím francouzského nebo německého jazyka. Velká část těchto frazeologizmů začíná být v ruštině používána v období XVIII století, kdy se zvyšuje zájem o antiku.

Základní příčinou shod těchto frazeologizmů v jednotlivých jazycích je podle našeho názoru právě tento zájem o antickou kulturu. V souvislosti s rozdíly zmíníme různé osvojení stejného obrazu. Fakt, že tyto frazeologizmy jsou, jak již bylo zmíněno, ve většině případů kalky, způsobil to, že se můžeme u některých z nich setkat s nepřesným

kalkováním. Jeho důsledkem jsou rozdíly v jednotlivých jazycích. Jako u biblických frazeologizmů, i v této skupině můžeme příčinu rozdílů vidět v tom, že frekvence používání antických frazeologizmů výrazně klesá, některé frazeologizmy antického původu z jazyka mizí. Tento fakt jsme si ověřili metodou dotazníků, které jsme dali studentům zejména na základních a středních školách na Slovensku, v České Republice, Ukrajině, Rusku a Polsku. Dotazníky ukázaly, že zánik jednotlivých frazeologických jednotek v jednotlivých jazycích má různou intenzitu, což způsobuje zmiňované rozdíly.

U kalkovaných frazeologizmů je potřeba se zaměřit na rozdíly v jazykových kontaktech v různých jazycích. Vzhledem k tomu, že ruský jazyk měl nejintenzivnější kontakty s jazykem francouzským, dominují v ruském jazyce kalky právě z francouzského jazyka. Různá je také současná intenzita přejímání frazeologizmů z anglického jazyka, ke kterému dochází v současné době. Pro zkoumání internacionálnosti kalkovaných frazeologizmů je potřeba zabývat se otázkou vymezení kalkovaného frazeologizmu. Potřebné je odlišit je od frazeologizmů domácích, které obsahují adaptovaný komponent. Tyto frazeologizmy jsou ve velké většině případů neinternacionální.

Problémem, který znesnadňuje zkoumání jednotlivých skupin kalkovaných frazeologizmů je fakt, že původ řady frazeologizmů je nejasný. Vzácněji se setkáváme se situací, kdy není jednoznačné, zda se jedná o kalkovaný frazeologizmus či nikoli, častá je situace, kdy je jasné pouze to, že daný frazeologizmus je kalkem. Existuje však několik teorií ohledně toho, ve kterém jazyce frazeologizmus původně vznikl a jakým způsobem se do ruského jazyka dostal. V některých případech se setkáváme s tím, že typologické internacionalizmy jsou hodnoceny jako kalky, případně existuje tendence připsat je konkrétnímu autorovi.

Zvláštním problémem, který se týká všech skupin frazeologizmů, je vznik tzv. „lexikálního frazeologizmu“. Jedná se o případ, kdy místo ustáleného slovního spojení v některých jazycích vznikají složená slova. Tento jev je z jazyků, kterými jsme se v práci zabývali, typický pro němčinu, podkapitulu o lexikálních frazeologizmech proto zařazujeme právě mezi kalky. Tento problém se týká všech skupin zkoumaných frazeologizmů. Jako příklad lze uvést FJ *Judasküss* z biblických frazeologizmů, *Sisyphusarbeit* ze skupiny antických frazeologizmů a FJ *Galgenhumor* ze skupiny kalků. Poslední zmiňovaný příklad je zajímavý z toho důvodu, že právě tento frazeologizmus

byl základem pro vznik ruské FJ *юмор висельника*. Jak již bylo zmíněno, existence takových kompozit je z jazyků, které jsme zkoumaly, typická pro němčinu, zřídka se s nimi setkáme i v dalších jazycích. Mimo jazyky, kterým jsme v naší práci věnovaly pozornost, je existence tohoto jevu typická např. pro maďarský jazyk, mimo indoevropských jazyků se s lexikálními frazeologizmy setkáme například v japonštině. Začlenění těchto kompozit do frazeologického fondu je sporné, podle našeho názoru však tyto jazykové jednotky nelze z frazeologického fondu vyloučit právě z důvodu posuzování internacionálního statutu frazeologizmů.

Ve skupině kalků z latinského jazyka se setkáváme problémem vymezení této skupiny. Kromě uvedeného faktu, že biblické a antické frazeologizmy často představují právě kalky z latiny se můžeme setkat s velkým množstvím frazeologizmů, u kterých není jasné, zda vznikly na základě latinského prototypu, nebo vznikly v současných jazycích nezávisle na tomto zdroji.

Ve skupině typologických internacionalizmů jsme se zabývali příčinou vzniku těchto shodných frazeologizmů v různých jazycích nezávisle na sobě. První příčinou, která vyplývá přímo z definice těchto jazykových jednotek, je podobný způsob lidského myšlení. Tyto shody v práci dokazujeme na existenci stejných legend, na základě kterých stejné frazeologizmy často vznikají. Pro lepší demonstraci jsme v práci uvedli několik příkladů z arabštiny.

Nejdůležitější část typologických internacionalizmů tvoří tzv. somatické a animalistické frazeologizmy. Většina z těchto frazeologizmů obsahuje slova – symboly, které jsou v různých jazycích stejné. Tato skutečnost potom vede ke vzniku stejného frazeologizmu v různých jazycích. Často se ale setkáváme se situací, kdy kromě internacionálním frazeologizmů vznikají na základě stejných symbolů v různých jazycích různé FJ – jedná se o podobnou situaci, jaká se vyskytovala u biblických a antických frazeologizmů při stejném symbolu, na základě kterého vznikaly různé FJ, které potom neměly v jiných jazycích ekvivalenty.

Další příčinou rozdílů může být v této skupině fakt, že pro popisovanou vlastnost existuje v určitém jazyce jiný symbol, který vede ke vzniku jiné, neinternacionální FJ.

I v případě, že existuje původně internacionální frazeologismus, jehož sémantika se v daném jazyce odlišným způsobem rozvíjí. Výsledkem je formálně identická FJ s odlišným významem.

V poslední skupině univerzálií na konceptuální úrovni lze jako základní příčinu jejich vzniku uvést shodné potřeby nominace. Tyto jednotky vznikají na základě stejné nebo podobné představy, která je ale ve frazeologii různých jazyků odražena různým způsobem.

V závěru naší práce bychom rádi podotkli, že otázka existence internacionálních frazeologizmů je velmi složitým jevem a že tuto problematiku v žádném případě nelze vyčerpat konstatováním, že určité skupiny frazeologizmů do skupin internacionálních frazeologizmů patří nebo nepatří. Měli jsme za cíl poukázat na to, že se při zkoumání internacionálního statutu frazeologizmu nelze omezit na tvrzení, že frazeologii každého jazyka lze rozdělit na domácí a přejatou, protože mezi domácími frazeologizmy lze najít celou řadu FJ, které existují, často ve stejné formě, i v jiném jazyce. Naopak převzatý frazeologismus může být neinternacionálním. Taková situace může být způsobena velkým množstvím různých faktorů, podle našeho pozorování se nejčastěji jedná o různé jazykové kontakty.

Литература

- Алефиренко Н. Ф.: Фразеология в свете современных лингвистических парадигм. Москва, 2008
- Альбрехт Ф.: Логико-семантическое моделирование как предпосылка формирования межъязыковых фразеологических соответствий. In: Rossica Olomucensia XLIV. Olomouc, 1997, s. 253 - 260
- Антоньякова Д.: Домашняя утварь, меры веса и объёма в русской и словацкой фразеологии. Rossica Olomucensia 1999, Olomouc, стр. 361 - 366
- Архангельская А.: Етнолінгвістика світобачення чеського та українського народів на тлі фразеології споріднених мов. In: Слово, фраза, текст. Москва 2002, стр. 35 - 41
- Бабкин А.М.: Русская фразеология, её развитие и источники. Петербург, 1970
- Байрамова Л. К.: Лакунарные фразеологизмы и универсальные концепты. In: Слово, фраза, текст. Москва 2002, стр. 41 - 46
- Барболова З.: Отношение болгар к грекам в прошлых веках, отраженное во фразеологизмах и паремиях. In: Rossica Olomucensia XLIV. Olomouc, 2005, s. 727 – 738
- Бирих А. Лексика и фразеология в диахронии. In.: Слово во времени и пространстве, Санкт-Петербург, 2000, стр.24 - 37
- Белоусова Т. П.: Деривационные связи фразеологизма и его производных. In: Слово, фраза, текст. Москва 2002, стр. 41 - 46
- Блинова Е. А.: Из истории слов и выражений. Бить челом. In: Русская речь 3 / 2007, с. 121 - 124
- Вальтер Г., Мокиенко В.: Новая языковая жизнь древнейшей профессии. In: Слово, фраза, текст. Москва 2002, стр. 79 - 109
- Вондрачек М.: Паремииологические неологизмы. In: Rossica Olomucensia XXXVI. Olomouc, 2005, s. 293 - 298
- Виноградов В.В.: История русско-литературного языка. Москва 1987
- Ганапольская С. В.: О сопоставлении новой и старой фразеологии в текстах современном «массовой» литературы (детективный жанр). In: Слово, фраза, текст. Москва 2002, стр. 151 - 57
- Георгиева С.: Познание культуры через фразеологию. In: Слово, фраза, текст. Москва 2002, стр. 108 - 115
- Горды М.: Человеческое тело: окультуренная телесность во фразеологии современного русского и польского языков. In: Слово, фраза, текст. Москва 2002, стр. 115 - 125
- Гренарова Р.: Интенсификация сравнительных оборотов с именами прилагательными и союзом *как* в русском и чешском языках. In: Rossica Olomucensia XIX, Olomouc 2008, стр. 337 - 340
- Гренарова: Фразеологическое поле характер человека в устойчивых сравнениях с союзом *как* и антропонимами. In: Rossica Olomucensia XLIV. Olomouc, 2005, s. 733 - 738
- Кузнецова И.: Ещё раз об эквивалентности паремий разных языков. In: Rossica Olomucensia XIX, Olomouc 2008, стр. 363 - 366

Данисенко Л. И.: Прецедентность чешской пословицы. In: *Frazeologické štúdie V*. Ružomberok, 2007, str.131 - 141

Денисенко С.: Многоязычные заимствования, пополняющие деривационную базу фразеологической деривации. In: *Rossica Olomucensia 1999*, Olomouc, стр. 387 - 392

Дубровина К.: Словарь библейской фразеологии русского языка (основные критерии его составления). In: *Rossica Olomucensia XIX*, Olomouc 2008, стр. 345 - 349

Дьёрке З.: Отражение фразеологической энантиосемии в русской и венгерской фразеологии. In: *Rossica Olomucensia XLIV*. Olomouc, 2005, s. 739 - 744

Дюрчо П.: Межъязыковая фразеологическая интерференция. In: *Rossica Olomucensia XLII*. Olomouc, 2003, část 2, s. 533 - 540

Земская Е. А.: Русская разговорная речь. Лингвистический анализ и проблемы обучения. Москва, 1987

Ивашко Л.: Юмор в народной фразеологии. In: *Грани слова*. Санкт-Петербург, 2005, стр. 80 - 82

Игнатович-Сковроньская И.: Фразеологические инновации с семантической перспективы. In: *Rossica Olomucensia XLIV*. Olomouc, 2005, s. 745 - 759

Ивченко А.: Українська народна фразеологія. Ареали. Етимологія. Харків, 1996

Коваль В.: Славянские фразеологизмы в гендерном аспекте. In: *Грани слова*, Санкт-Петербург, 2005, стр. 82 - 88

Королёва Е.: Проблемы и перспективы изучения русской диалектной фразеологии записанной в Латгалии. In: *Rossica Olomucensia XLIV*. Olomouc, 2005, s. 757 - 762

Котова М.: Роль Ф. Л. Челаковского в современной паремиологии. In: *Parémie národů slovanských*. Ostrava, 2003, s. 35 - 39

Кузнецова И.: Ещё раз об эквивалентности паремий разных языков. In: *Rossica Olomucensia XIX*, Olomouc 2008, стр. 363 - 366

Лилич Г. А.: О некоторых особенностях формирования устойчивых словосочетаний в родственных языках. In: *Слово, фраза, текст*. Москва 2002, стр. 261 - 265

Лилич Г. А.: Чешская «бархатная революция» и её круги на славянской воде. In: *Rossica Olomucensia 1999*, Olomouc, стр. 393-397

Малиновский Е. А.: Отдельные замечания о развитии русской фразеологии второй половины XX века. In: *Слово, фраза, текст*, Москва 2002. стр. 275 - 279

Милютин Т., Пастыржик С.: К проблеме перевода одного фразеологизма библейского происхождения. In: *Rossica Olomucensia XLII*. Olomouc, 2003, část 2, s. 565 - 570.

Миронова Г.: Паремийный фонд национального языка: потенциалы, проблемы и задачи. In: *Parémie národů slovanských*. Ostrava, 2003, s. 67 - 73

Михайлова О. А., Якименко Н. Е.: Содержание понятия *эвфемизм*. К постановке проблемы. In: *Слово, фраза, текст*. Москва 2002, стр. 280 - 284

Мокиенко В. М.: В глубь поговорки. Санкт - Петербург, 2005

- Мокиенко В. М.: Загадки русской фразеологии. Санкт - Петербург, 2005
- Мокиенко В. М.: О методике сопоставительного исследования русской и немецкой фразеологии. In: *Rossica Olomucensia XXXVIII*. Olomouc, 2002, část 2, s. 337 - 350
- Мокиенко В. М.: Образы русской речи. Санкт - Петербург, 2007
- Мокиенко В. М.: Синица в руках или журавль в небе (к проблеме оппозиции «имплицитность - эксплицитность»). In: *Frazeologické štúdie V*. Ružomberok, 2007, str. 142 - 160
- Мокиенко В. М.: Славянская фразеология. Москва, 1989
- Мокиенко В., Степанова.Л.: Русская фразеология для чехов. Olomouc 2008
- Мокиенко В., Степанова.Л., Малински Т.: Русская фразеология для чехов. Olomouc 1995
- Мокиенко В.М.: Отрицательно-коннотативные поле как объект русского лингвострановедения. In: *Rossica Olomucensia XLIV*. Olomouc, 1997, s. 221 - 229
- Молдован А. М.: «Лясы точить» и «бить баклуши». In.: *Язык в движении. Сборник к 70-летию Л. П. Крысина*, Москва 2007, стр. 444 - 454
- Молдован А. М.: Из истории русских выражений. Вот рыскают по свету, бьют баклуши. In: *Русская речь 2 / 2007*, с. 113 - 117
- Молдован А. М.: Из истории русских выражений. Слыхали мы и не такие лясы.. In: *Русская речь 1 / 2007*, с. 115 - 119
- Молотков А. И.: Основы фразеологии русского языка. Санкт - Петербург, 1997
- Мордвинко А. П.: Очерки по русской фразеологии. Москва, 1984
- Николаева Е. К.: Контекст и этимология фразеологизмов. Искажение развития исконной образности. In: *Rossica Olomucensia 1999*, Olomouc, стр. 397 - 402
- Николина Н. А.: Лексика и фразеология актёрского жаргона. In.: *Язык в движении. Сборник к 70-летию Л. П. Крысина*, Москва 2007, стр. 471 - 477
- Норман Б. Ю.: Славянские паремии: архаика и новации, мудрость и алогизм. In: *Opera Slavica XVII*, 2007, s. 1 - 12
- Опалкова Я.: Этимологический экскурс в словацкую фразеологию. In *Rossica Olomucensia XLII*, Olomouc 2003, část 2, s. 597 - 604
- Пономаренко Л.: Культурні конотації біблеїзмів в українській мові. In: *Ucrainica Olomucensia 3*, Olomouc 2008, стр. 221 - 225
- Приёмшова Н. И.: Из истории русских выражений. Тарабарская грамота. In: *Русская речь 4 / 2007*, с. 106 - 110
- Прохорова О.Н., Ченулой И. В.: Пословицы с компаративно-семантической структурой в славянских и европейских культурах. In: *Rossica Olomucensia XIX*, Olomouc 2008, стр. 389 - 393
- Пстыга Я.: Фраземы в публицистике как интертекстуальное явление. In: *Слово, фраза, текст*, Москва 2002, стр. 285 - 295
- Пьянкова К.В.: Из истории русских выражений. Масло в голове. In: *Русская Речь 3 / 2007*, с. 118 - 121

- Рижский М.И.: Русская Библия - история переводов Библии в России. Санкт-Петербург, 2007
- Рязановский Л. М.: Межъязыковая соотнесённость немецких и русских фразеологизмов и их этимологический анализ. In: *Rossica Olomucensia* 1999, Olomouc, стр. 407 - 414
- Савенкова Л.: фразеология и паремика в системе русского языка. In: *Rossica Olomucensia XLIV*. Olomouc, 2005, s. 805 - 810
- Селиверстова Е.: Контекстуальное варьирование пословиц - эталонов поведения. In: Слово, фраза, текст, Москва 2002, стр. 310 - 317
- Селиверстова Е.: О семантическом статусе компонента пословицы и паремийном варировании. In: *Rossica Olomucensia XLIV*. Olomouc, 2005, s. 811 - 816
- Складана Я.: сопоставление некоторых словацких и русских фразем в диахронном аспекте. In: *Rossica Olomucensia XLIV*. Olomouc, 2005, s. 823 - 823
- Солодухо Э. М.: Вопросы сопоставительного изучения заимствованной фразеологии. Казань, 1977
- Солодухо Э. М.: Интернациональность фразеологической зашифровки отражаемой действительности. Казань, 1982
- Солодухо Э. М.: Проблемы интернациональной фразеологии. Санкт - Петербург, 1984
- Солодухо Э.М.: Теория фразеологического сближения. Казань, 1989
- Степанова Л. И.: Диахронический анализ русской фразеологии - результаты и размышления. In: *Rossica Olomucensia XLII*. Olomouc, 2003, část 2, s. 37 - 42
- Степанова Л. И.: Немецкие фразеологические заимствования в чешском языке. In.: Слово во времени и пространстве, Санкт-Петербург, 2000, стр. 144 - 156
- Степанова Л. И.: Нетрадиционные библеизмы в русском и чешском языках. In: 47. *Rossica Olomucensia XXXVI*. Olomouc, 1998, s. 239 - 245
- Степанова Л. И.: Проблемы фразеологических заимствований. In: *Rossica Olomucensia XXXVIII*. Olomouc 2000, část 2, s. 415 - 426
- Степанова Л. И.: Универсальное и индивидуальное во фразеологической картине мира. In: *Rossica Olomucensia XL*. Olomouc, 2001, část 2, s. 361 - 370
- Степанова Л. И.: Фразеологическое поле «богатство» и «бедность» в русском и чешском языках. In: *Rossica Ostravensia* 1995, s. 66 - 74
- Степанова Л. С.: Динамические процессы в интернациональной фразеологии. In: *Rossica Olomucensia XIX*, Olomouc 2008, стр. 17 - 21
- Степанова Л., Райнохова Н.: Субстандардные элементы в современном русском языке и проблемы их перевода на чешский язык. In: *Frazeologické štúdie V*, Ružomberok, 2007, str. 210 - 221
- Степанова Л.И.: Словарь М.И.Михельсона «русская мысль и речь» как источник для исторического изучения фразеологии. In: *Rossica Olomucensia XLIV*. Olomouc, 2005, s. 829 - 835
- Тарса Я.: Трансформации крылатых слов (на материале российского интернета). In: *Rossica Olomucensia XLIV*. Olomouc, 2005, s. 837 - 840
- Телия В.Н.: Что такое фразеология. Москва, 1979

- Тимерханова Н.Н.: Сопоставительный анализ умдурских и русских фразеологизмов. In: Rossica Olomucensia 1999, Olomouc, стр. 427 - 430
- Ткаченко О.Б.: Сопоставительная историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. Киев, 1979
- Толстая С. М.: Славянский и балканский фольклор. Москва, 2006
- Федосов О.: Венгерско - немецко - чешские фразеологические параллели (на фоне проблем русской фразеологии). In: Rossica Olomucensia XL. Olomouc, 2001, část 2, s.385 - 397
- Федосов О.: Ещё раз о границах фразеологии (на материале венгерского языка). In: Frazeologické štúdie V, Ružomberok, 2007, str. 94 - 104
- Фёдосов О.: Считать ли словом уникальный компонент фраземы. In: Rossica Olomucensia XLIV. Olomouc, 2005, s. 841 - 845
- Фомина Н.Д.; Бакина М.А.: Фразеология современного русского языка. Москва, 1985
- Хлебда В.: Бытуют ли в русском языке польские крылатые слова. In: Rossica Olomucensia 1999, Olomouc, 443 - 448
- Хлебда В.: Маленький личный каталог нерешенных фразеологических задач. In: Rossica Olomucensia XLIV. Olomouc, 2005, s. 853 - 858
- Хлебда В.: Фразема. К истории одного термина. In: Frazeologické štúdie V, Ružomberok, 2007, str. 105 - 120
- Чепкова Т.: Проблемы фразеологической номинации в языке современной газеты. In: Rossica Olomucensia XLIV. Olomouc, 2005, s. 859 - 863
- Шанский Н. М.: Фразеология современного русского языка. Москва 1985
- Шустов А.Н.: Из истории русских выражений. От золотого века до глиняного. In: Русская речь 1 / 2007, с. 120 - 126
- Юржичкова Т.: Фразеологизмы как компонент лексической структуры образа в художественном тексте. In: Rossica Olomucensia 1999, Olomouc, стр. 449 - 452
- Янковичова М.: Своё и чужое во фразеологии. Проблемы определения. In: Rossica Olomucensia XXXVII. Olomouc 1999, část 2, s. 421 - 430
- Янковичова М.: Реплики - клише в русской фразеологии. In: Rossica Olomucensia XLIV. Olomouc, 2005, s. 865 - 871
- Янковичова М.: Русская фразеология с компонентами - символами и европейский фразеологический фонд. In: Rossica Olomucensia XL. Olomouc, 2001, část 2, s. 421 - 426
- Янковичова М.: Эквивалентность vs. идиоматичность русских и словацких пословиц. In: Rossica Olomucensia XIX, Olomouc 2008, стр. 429 - 433
- Auxová D.: Použitie paremiologických jednotiek v hovorovom štýle. In: Svět za slovy a jejich tvary, svět za spojením slov. Olomouc, 2006

- Baláková D.: Principy ekvivalence vo frazeológii. In: Frazeologické štúdie V, Ružomberok, 2007, str. 27 - 42
- Będkowska-Kopczyk A.: Przysłowia jako źródło wiedzy o językowym obrazie świata słowian. In: Parémie národů slovanských. Ostrava, 2003, s. 79 - 86
- Bergerová H.: Einführung in die deutsche Phraseologie. Ústí nad Labem, 2005
- Bierich A.: «Мочить в сортире». Zum allgemeinen Jargon in russischen. In: Слово, фраза, текст. Москва 2002, стр. 56 - 62
- Bierich A.: Ideographie und diachrone Phraseologie im Slawischen (am Beispiel des Tschechischen, Russischen, Kroatischen und Serbischen). In: Грани слова. Санкт-Петербург, 2005, с. 182 - 189
- Braun P.: Matthai am Letzten. Feste Wendungen aus dem Matthäusevangelium. In: Muttersprache 2006, s. 359 - 370
- Brückner D.: Etymologie versus Volksetymologie. Ein Fall für Sprachkritik. In: Muttersprache 2006, s. 140 - 147
- Bußmann H.: Lexikon der Sprachwissenschaft. Stuttgart, 2002
- Čechová M.: Dynamika frazeologie. In: Naše řeč, 1986, s. 178 - 186
- Čechová M.: Kulturní frazeologie v současné komunikaci. In: Naše řeč, 1994, s. 179 - 183
- Čechová M.: Znalost a chápání frazémů u české mládeže a u cizinců. In: Frazeologické štúdie V, Ružomberok, 2007, str. 319 - 327
- Čermák F.: Frazeologie novinového úvodníku (úzus, funkce a aktualizace). In: Slovo a slovesnost 1996, 81 - 90
- Čermák F.: Idiomatika a frazeologie češtiny. Praha, 1982
- Čermák F.: Onomaziologické systémy u propozic a proverbů. In: Parémie národů slovanských. Ostrava, 2003, s. 47 - 53
- Churavý M.: Z hereckého slangu. In: Naše řeč 1990. s. 126 - 134
- Cibula V., Bouda C.: Pražské pověsti. Praha, 1972
- Crystal D.: The Cambridge encyclopedia of language. Cambridge, 1999
- Doležal A.: Lékařský slang a úsloví. Praha, 2007
- Dolník J.: Principy iracionality vo frazéme. In: Frazeologické štúdie V. Ružomberok, 2007, s. 58 - 70
- Fink G.: Starověké Řecko. Plzeň, 2007
- Fleischer W.: Phraseologie der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1982
- Fogle B.: Encyklopedie psů. Praha, 1999
- Fučík B., Pokorný J.: Zakopaný pes aneb o tom, jak, proč a kde vznikla některá slova, jména, rčení, úsloví, pořekadla a přísloví. Praha 2001
- Grygerková M.: Frazémy ve slenzích. In: Parémie národů slovanských. Ostrava, 2003, s. 144 - 147
- Hrdlička M.: Frazeologie jako problém překladatelský. In: Parémie národů slovanských. Ostrava, 2003, s. 149 - 154

- Jankovičová M.: K princípom vzniku a uplatňovania frazeologických združení. In: Frazeologické štúdie V, Ružomberok, 2007, str. 251 - 262
- Korostenski J.: Česká a ruská slovní zásoba (neologické aspekty). České Budějovice, 2007
- Krejčí P.: Bulharská a česká publicistická frazeologie ve vzájemném srovnání. Brno, 2006
- Křelinková R.: Funkce a modifikace hovorových frazémů v psané publicistice. In: Čeština - bádání a učení. Brno, 2007, s. 74 - 78
- Ligoš M.: K lexike a frazeológii slovenčiny na pozadí nemčiny. In: Frazeologické štúdie V. Ružomberok, 2007, str. 329 - 343
- Mešková L.: Frazeologické jednotky s vulgárnou konotáciou. In: 15krát o překladu. Praha, 1999, s. 40 - 42
- Mlacek J.: Parémie a ich frazeologické deriváty v súčasnej slovenčine. In: Parémie národů slovanských. Ostrava, 2003, s. 55 - 61
- Mlacek J.: Slovenská frazeológia. Bratislava, 1984
- Mlacek J.: Štúdie a state o frazeológii. Ružomberok, 2007
- Mokijenko V. M.: Dialektický vzťah „implicitnosť a explicitnosť“ a vývoj frazeologie. In: Slovo a slovesnosť 1976, 4 - 13
- Mokijenko V. M.: Pije jako Holendr nebo jako Holendr? In: Naše řeč 1973, s. 63 - 71
- Mokijenko V. M.: Problém krále holce - historie nebo jazyková hříčka. Naše Řeč, 1974, 19 - 24
- Mokijenko V.: recenze na Hrvatsko-slavenski rječnik poredbenih frazema. In: Slavia 3, 2007, s. 361 - 366
- Mršević- Radović D.: Paremije: tekstualni okvir za nacionalnu kulturu. In: Parémie národů slovanských. Ostrava, 2003, s. 73 - 78
- Oleśkiewicz A.: związki frazeologiczne o proveniencji biblijnej i antycznej w europejskiej wspólnocie słownikowej. Krakow, 2007
- Rak M.: Antropocentryzm gwarowej frazeologii zwierzecej z Gór Świętokrzyjskich: Podtatrze. In: język polski 5 / 2006, s. 367 - 375
- Schneeberger V.: Začneme u Adama aneb okřídlená biblická rčení. Praha, 2003
- Skladaná J.: Explicitnosť a implicitnosť vo frazeológii z diachronního aspektu. In: Грани слова. Санкт - Петербург, 2007
- Skladaná J.: Frazeologický fond slovenčiny v predpisovnom období. Bratislava, 1993
- Skladaná J.: Princípy variantnosti a ustálenosti z diachronného aspektu. In: Frazeologické štúdie V, Ružomberok, 2007, str. 290 - 302
- Soták M.: Slovní fond slovenských a ruských frazém. Bratislava, 1989
- Šrámek R.: Propria ve frazémeh a příslovích. In: Parémie národů slovanských. Ostrava, 2003, s. 61 - 66
- Srpová H.: Frazeologie a idiomatika jako zdroj aktualizace v žurnalistickém a reklamním diskursu. In: Parémie národů slovanských. Ostrava, 2003, s. 135 - 142
- Stěpanova L.: Česká a ruská frazeologie. Diachronní aspekty. Olomouc, 2004
- Straková V.: K překládání frazeologie. In: Překládání a čeština. Praha, 1994
- Vaňková I. a kol.: Co na srdci, to na jazyku. Praha, 2005

Wernischt V.: Srovnávací analýza českých a ukrajinských frazeologizmů (materiální kultura). In: Parémie národů slovanských. Ostrava, 2003, s. 19 - 23

Словари

- Ахманова О. С.: Русско - английский словарь. Москва, 1961
- Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.: Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. Санкт-Петербург, 1998
- Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.: Русская фразеология. Историко-этимологический справочник. Москва, 2005
- Бинович Л. Э., Гришин Н. Н.: Немецко - русский фразеологический словарь. Москва, 1975
- Гуревич В. В., Дозорец Ж. А.: Краткий русско - английский фразеологический словарь. Москва, 1988
- Мокиенко В. М.: Словарь сравнений русского языка. Санкт-Петербург, 2003
- Лоховиц А. Б., Лепинг А. А., Страхова Н. П.: Русско - немецкий словарь. Москва, 1965
- Шанский Н. М., Зимин В. И., Филиппов А. В.: Школьный фразеологический словарь русского языка. Москва, 2002
- Bohoun Ch., Bohnounová M.: 365 + 1 arabské přísloví a mudrosloví. Praha, 2001
- Canestri A.: Nuovo grande dizionario russo-italiano. Mosca, 2006
- Čermák F., Hronek J., Machač J.: Slovník české frazeologie a idiomatiky . Přirovnání. Praha, 1983
- Čermák F., Hronek J., Machač J.: Slovník české frazeologie a idiomatiky . Výrazy neslovesné. Praha, 1983
- Čermák F., Hronek J., Machač J.: Slovník české frazeologie a idiomatiky . Výrazy slovesné A - P. Praha, 1983
- Čermák F., Hronek J., Machač J.: Slovník české frazeologie a idiomatiky . Výrazy slovesné R - Z. Praha, 1983
- Cowie A., Mackin R., McCaig I.: The Oxford dictionary of idioms. Oxford, 1994
- Doležal A.: Lékařský slang a úsloví. Praha, 2007
- Doroťjaková V. a kol.: Rusko - slovenský frazeologický slovník. Bratislava, 1998
- Drosdowski H.: Duden, díl 11. Redewendungen und sprichwortliche Redensarten. Mannheim, 1998
- Dubrovin M.: A picture book of idioms in five language. Moskva, 1993
- Fronek J.: Velký česko-anglický slovník. Praha, 2000
- Hečko B.: Hehádžte perly sviniam. Bratislava, 2005
- Kolektiv autorů: Česko - německý frazeologický a idiomatický slovník. Olomouc, 1999
- Kopecký L., Havránek V., Horálek K.: Velký rusko český slovník. Díly 1-6. Praha, 1956
- Landau S.: Chambers English Dictionary. Cambridge, 1998
- Lotko E.: Slovník lingvistických termínů pro filology. Olomouc, 2005
- Meldi D.: Dizionario etimologico. Genova 2005
- Mokienko V. M., Wurm A.: Česko-ruský frazeologický slovník. Olomouc, 2002
- Mrhačová E., Poncová K.: Zvířata v české a polské frazeologii a idiomatice. Ostrava, 2003

Müller K.: Lexikon der Redensarten. München, 2005
Petermann J., Hasen - Kokoruš R., Bill T.: Russisch - deutsches phraseologisches Wörterbuch. Leipzig, 1995
Řešetka M. a kol.: Anglicko-český frazeologický a idiomatický slovník. Olomouc, 1999
Röhrich L. :Das große Lexikon der sprichwortlichen Redensarten. Teile 1-3.Freiburg, 1993
Siebenschein H. a kol.Česko - německý slovník. Praha, 1968
Slovník súčasného slovenského jazyka. Kolektív autorov. Bratislava 2006.
Smiešková E. : Malý frazeologický slovník. Bratislava, 1983
Stěpanova L.: Rusko-český frazeologický slovník. Olomouc 2007
Šišková R., Savický N.: Ukrajinsko-český, česko-ukrajinský slovník. Praha 2008
Vocabolario della Lingua italiana. Luglio 2005

интернетовские источники:

frazeologia.pl

gramota.ru